

ЕЛЕНА КАЗАНЦЕВА

ЖИЗНЬ КАК КВЕСТ

ENTER

Годы обучения в институте позади. Заветный диплом в руках. Мы с моим парнем вернулись домой. Сразу подали заявление в загс, свадьбу назначали на конец сентября. Родители были рады и начали готовиться к свадьбе. У нас все было хорошо. Здесь главное слово «было». Если бы не Анька. Я застала своего жениха со спущенными штанами. После этого жизнь моя резко поменялась и понеслась совсем в другую сторону...Я все бросила и уехала в столицу. И решила, что теперь в моей жизни есть только будущее, где ничего, кроме моей карьеры нет. Я думала, что в моей жизни мужчины больше не появятся. Я ошибалась.***Девушка Света пытается решить свои проблемы в жизни. Параллельно решает проблемы своих родителей, которые разводятся. Потому что папа изменил маме.

Елена Казанцева

Жизнь как квест

В жизни такое бывает...

Предисловие

Годы обучения в институте позади. Заветный диплом в руках. Мы с моим парнем вернулись домой. Сразу подали заявление в загс, свадьбу назначали на конец сентября. Родители были рады и начали готовиться к свадьбе. У нас все было хорошо.

Здесь главное слово — «было».

Если бы не Анька. Я застала своего жениха со спущенными штанами. После этого жизнь моя резко поменялась и понеслась совсем в другую сторону...

Я все бросила и уехала в столицу. И решила, что теперь в моей жизни есть только будущее, где ничего, кроме моей карьеры нет. Я думала, что в моей жизни мужчины больше не появятся.

Я ошибалась.

Девушка Света пытается решить свои проблемы в жизни. Параллельно решает проблемы своих родителей, которые разводятся. Потому что папа изменил маме.

Глава первая

С Мишкой мы дружили с детства, выросли в одном маленьком городке, вместе холили в один садик, затем в школу. Нас разлучила учеба в институте, я уехала в областную столицу и там поступила в юридический, а Мишку отец отправил в Москву в политехнический институт. Отец его по тем временам был человек состоятельный. Имел небольшой заводик по производству крепежа, и ему нужен был продолжатель его дела, поэтому он сам выбрал Мишке профессию. А Мишка хотел стать программистом, но отцовской воле сопротивляться не стал.

Нас с детства дразнили женихом и невестой. Поэтому, когда мы стали парой, это некого не удивило. Началось все очень скромно, просто однажды мы вновь встретились на летних каникулах. Что уж там случилось, сказать сложно, гормоны, наверное, заиграли. Но мы с Мишкой все каникулы бегали на свидания, обжимались по углам, целовались. И с тех пор старались надолго не разлучаться. Мишкины родители оплачивали мне билеты на самолет, и я летала к Мишке в Москву в гости на праздники. На каникулах мы встречались в своем родном городе. Родители наши были за нас рады, особенно моя мама. А Мишкин отец даже как то сказал, что вот выучусь я на юриста, пойду к нему работать на завод, свой юрист всегда пригодится.

Время шло к диплому, и Мишка сделал мне предложение. Красиво, все как в фильмах. Ресторан, кольцо с бриллиантом, шампанское, родители светились от счастья.

И вот заветный диплом в руках. Мы с ним дома. Сразу же подали заявление в загс, свадьбу назначали на конец сентября, родители были рады и начали готовиться. У нас все было хорошо.

Здесь главное слово — «было».

В конце с августа решили всем классом поздравить нашу учительницу, у нее было день

рождение. Собрались почти все, не было только двух мальчишек, их вдруг забрали в армию. Да еще Аньки Селиверстовой. Она у нас после школы подалась в модели. Жила то в Питере, то в Москве. По подиуму ходила, в разных рекламах снималась, то и дела мелькала на страницах женских журналов, но отчаянно пыталась пробиться на подиум Милана. Только там таких желающих много.

В самый последний день, Анька все-таки прилетела.

С Анькой в школе мы сидели вместе за одной партой. Она всегда была недалеко и туповатой, поэтому старалась со мной не ссориться и дружить. А я была круглой отличницей и частенько давала ей списывать. Контрольные работы я успевала решить за себя и за Аньку, и она этим пользовалась. С девятого класса Анька стала местной королевой красоты, за год она вымахала выше метра семидесяти пяти, и все ей стали пророчить карьеру модели. Она и правда была тонкая и звонкая, с ногами «от ушей», и довольно симпатичной мордахой. Ее мама обивала пороги модельных агентств, устраивала ей кастинги, рассылала ее фото. И даже выбила ей возможность поучаствовать в показе подростковой одежды. И так добилась своего. Аня подалась в модели.

После этого в школе Аня напрягаться перестала, и на все мои увещевания, что надо учиться говорила: Зачем мне учиться, я же красивая!

Для всех мальчишек и девчонок, Аня была непререкаемый авторитет, ее слушались все пацаны и девчонки от старших до младших классов. Если Аня говорила, что меня трогать нельзя, то никто ко мне не приставал, подножки не ставил, денег с меня не тряс. Мы жили мирно и даже дружили, если это можно было назвать дружбой. Но дальше наши пути разошлись.

И вот мы вновь в стенах родной школы.

Старые потрепанные стены на десятки раз покрашенные в зеленый цвет. Кое-где краска уже облупилась, и можно разглядеть десятилетние слои, это как сходить на археологические раскопки, под этими слоями иногда открываются целые опусы, написанные десятки лет назад. Старые скрипучие парты давно выкинули, их заменили новенькими светлыми столами и неудобными жесткими стульями. На черной доске кто-то уже написал цветными мелками поздравительные стихи для нашей учительницы. Море букетов, добрые пожелания, а еще чай и конфеты с тортиком.

И тут вошла Анька, все мужское население резко выдохнуло и забыло, как дышать.

За те пять лет, что мы не виделись, Анька стала просто красавицей. Ещё выше, ноги еще эффектнее. На ней была очень короткая юбочка и каблук сантиметров этак двенадцать. Черные роскошные волосы гладкие, длинные, блестящие рассыпаны по плечам. Время во время разговора она встряхивает своей густой шевелюрой, ну прямо как застоявшаяся в стойле лошадь. Губы чуть увеличены гелем, высокие скулы, немного впалые щеки, размер груди твердая двочка. Сразу было понятно, что тут постарался хороший пластический хирург. Но все это Аньку не испортило, наоборот преобразило.

Она от природы не обладала бюстом, маленькие прыщички не в счет. По этому поводу она всегда комплексовала. Поэтому работу хирурга все пацаны заценили сразу. Красивая стала зараза.

С Аньки все мужское население нашего класса не сводило глаз, слюной весь пол закапали. Мишка тоже туда же, потом долго передо мной извинялся, что, мол, бес попутал. Знаю, какой это бес.

И видимо бес его попутал не один раз.

Вечеринка перетекла в кафе. Там добавили спиртного, кучу коктейлей и понеслось. На танцполе все зажигали, танцевали, кто на что горазд. И только Анечка грациозно скользила на умопомрачительных шпильках. Наши мальчишки отчаянно отбивали ее у заезжих красавчиков и мачо кавказкой наружности. А уж если играл «белый» танец, тут просто очередь выстраивалась. К концу вечеринки, уже не только я была зла на Аньку, но и все наши девчонки. Правда в конце вечеринки мальчишки пошли провожать нас толпой, и тут предпочтений ни для кого не было.

Больше всего удивило, что на следующий день Аня не укатила обратно в Москву. Она осталось в нашем захудалом городке, объясняя это тем, что ждет контракта. А как же карьера модели? Анечка ответила, что карьера модели от нее никуда не денется. Уж не знаю, какой она ждала контракт, но через неделю все знакомые обсуждали, что Аню отец Мишки принял на работу секретарем.

И стала я замечать, что Аня как-то очень уж трепетно относится к Мишке. То в Мишкином кабинете я их застаю, то дома у Мишки чай распивает, то он Аню на машине куда-то повез. Он говорит по делам, по работе. Я не устраивала скандалов, а зря...

Работой Аню особо не напрягали. Она сидела в приемной директора за шикарным столом. Перед ней стоял крутой яблочный монитор. В одной руке она держала телефон и цокала пальчиком с маникюром по новенькой клавиатуре другой рукой. Она старательно пыталась сделать умное лицо и нахмурить красивый лобик, усиленно набирая текст. Хмуриться у нее получалось плохо, ботокс сделал свое дело, поэтому мимика на лице была незаметной. Аня походила на большую, пластмассовую куклу Барби. Большую часть дня Аня просто сидела и подпиливала себе ногти. Даже не знаю, за какие такие грехи папа Миши взял ее в свои помощницы и отправил на пенсию своего бывшего секретаря, хотя та была еще ого-го.

Говорят, его жене кумушки все уши пропели, что ее благоверный на старости лет с ума сошел, «бес в ребро». Но его жена только отмахивалась все приговаривая: Весь бизнес на меня записан, куда он денется.

Теперь в приемной Мишкиного отца торчала умопомрачительная секретарша в узкой короткой юбочке, смахивающей на набедренную повязку; облегающей кофточке от именитого бренда с огромным вырезом, чтобы было всем видно труды ее пластического хирурга; или цокала на высоченных шпильках по управлению завода. Посетители в приемной просто головы сворачивали, когда Аня проходила мимо.

Видимо от Аниных длинных ног шею себе свернули не только посетители, но и мозг кое у кого поплыл. И однажды это разрушило в одночасье все мое так лелеяное будущее.

Нам шили к свадьбе наряды в ателье. Швей ошиблись и прислали мне Мишкин костюм, а ему привезли мое платье. И я решила не ждать вечера, завести ему костюм на работу, а затем заехать к ним в коттедж и забрать свое платье.

Черт меня дернул.

Я зашла в приемную в разгар рабочего дня. Здесь было неожиданно пусто, но где-то в одном из кабинетов были слышны голоса, и странные звуки. Почему — то я решила зайти к Мише в кабинет, подумав, что если его нет, то просто оставлю ему пакет из ателье и напишу записку. По привычке в кабинет вошла без стука.

То, что я там увидело, повергло меня в шок. В первые секунды у меня просто отпала челюсть. Это было как в плохом порнографическом фильме.

На письменном столе у Миши возлежала Анька, лиф платья был стянут к талии,

обнажая идеально правильные силиконовые титки второго размера. Её длинные ноги лежали на плечах моего Мишки, а сам Мишка стоял между ее ног со спущенными штанами. Он двигался и пыхтел, на его лбу от усердия выступили капли пота, мокрые прядки волос прилипли к коже. В тишине кабинета раздавались Анькины постанывания и противные чавкающие хлопки. Миша двигался размеренно, поступательно.

От вида этой сцены, у меня из рук с шумом выпал пакет с костюмом. Анька ойкнула и наигранно закрыла ладошкой рот и сделала испуганные глаза. Мишка испугался, дернулся, челюсть его отвисла, а глаза вылезли из орбит. Он застыл как соляной столб. Только Аня по моему не испытывала смущения, она прикрыла второй рукой свою идеальную грудь и сказала: Упс...

Грациозно, как кошка, приподнялась и села, поджав под себя ноги, даже не пытаюсь прикрыться. Да, я так не умела, негде мне было научиться такому фокусу.

При виде меня у Мишки все опало, он быстро наклонился, поднимая штаны, торопливо натягивая их, стыдливо опустив глаза в пол. Я подняла скомканный пакет с костюмом и бросила его в Аньку. Пакет угодил Аньке в лицо, от чего она скривилась, отбрасывая его рукой в сторону.

— Примерь, Анечка, женишку костюмчик, не жмет случайно!

— Ты чего, юродивая, макияж мне испортишь.

— Подавись, — выплюнула я ей в ответ, и, повернувшись к Мишке, крикнула, — свадьба отменяется, милый.

— Светочка, ты все неправильно поняла, — промямлил Мишка.

— Что я неправильно поняла, что ты свой. этот ...в эту...эту шлюху засунул...или может мне это все привиделось...

— Светочка, у меня просто срыв, у мужчин так бывает...перед свадьбой...

— Вот и шпилься теперь до скончания века со своей... прости господи...Свадьбы не будет!

— Фу как некрасиво ты выражаешься, как бабка базарная, — пропела Анечка с московским ударением на «а», потягиваясь и одевая на себя лифчик.

— Анечка, а ты вообще рот закрой, а то глупость какую-нибудь сморозишь. У тебя мозгов нет!

И я вылетела из кабинета, слышала позади себя топот и шум падающего тела, видимо Мишка попытался меня догнать, но споткнулся, тяжело бегать со спущенными штанами, запнулся убогий.

Дома был грандиозный скандал.

Мишкина мама орала на его отца: Зачем ты эту шлюху взял на работу! Мишкин отец всячески пытался отговариваться и обелить репутацию Ани. У меня даже закралась мысль, что он и сам не прочь на Ане «покататься». Мои родители орут и обзывают последними словами Мишку. В общем, врагу не пожелаешь. В этой кутерьме, никто не обратил на меня внимания, меня нет, никого не волнуют мои переживания. Все друг другу высказывают претензии, и считают деньги, уже потраченные на свадьбу.

А у меня рухнула жизнь, но разве родителям есть дело до меня.

Конечно, свадьбу мы отменили. Красивое свадебное платье я вернула Мишке, с присказкой «Пусть Анечка его донашивает».

Глава вторая

Все последующие дни были как в тумане.

Вечером набежали мои подружки, все осуждали Мишку и жалели меня, только от их жалости мне становилось все хуже и хуже. Сердце сжимала тоска, оно кровоточило, словно я вырвала кусок, а заплатку поставить забыла. Хотелось выть от тоски. Подруги старались помочь. Только толку от этого было мало. Одна предложила «клин клином вышибают» и указала на нашего одноклассника Стаса, что давно по мне сох. Только Стасик за те пять лет, что учился в институте, сильно изменился. Теперь это был лощеный хлыщ, метросексуал, как его обозвала моя лучшая подруга Настя. Такой Стасик вызывал только рвотный рефлекс. С модной стрижкой, зализанный, с бородкой, одетый с иголки, в нем все было искусственное, как силиконовые титьки Аньки. Да и вел он себя не лучше. Нагло, беспардонно, сразу лез под юбку. Чем он был лучше Мишки. Нет, не такого парня я представляла с собой рядом. Стасик не стремился ухаживать, лишь затащить в койку, ему надо было поставить очередную галочку для победы. Очередная кукла в его койке.

Другая подруга посоветовала пойти и выдрать космы противной ведьме, отвести душу. И тут я представила, как буду подпрыгивать, чтобы добраться до косм моей соперницы, которая почти на голову выше меня. И мне стало смешно. Я так смеялась, что подруги даже испугались, они думали, что у меня началась истерика. Но смех только отрезвил меня, в моей бедовой голове поселилась сумасшедшая идея. И с каждым днем она приобретала все более четкие очертания. Я хотела сбежать из этого города.

Ведь весь городок перемывал нам кости, обсуждая мою расторгнутую помолвку, не состоящую свадьбу. А я варилась в этом адском котле чужих эмоций, переживая каждый раз, терпя унижение, будто это не я Мишку, а он меня застал со спущенными штанами.

Однажды я гуляла с подругами в местном парке, и мы наткнулись на Аню с Мишей. Те шли, взявшись за руки, как когда-то мы с Мишкой бродили по этим аллеям. Он вел ее именно по тем местам, которые были НАШИ и только наши! Здесь мы были вместе! И в тех тенистых аллеях целовались! Здесь он предложил мне жить вместе!

Это было предательство! Он предал и растоптал последние мои надежды. Он окончательно растоптал остатки нашей любви.

Мне так стало плохо, что я сбежала.

И снова в моей голове родилась мысль, что надо бежать из этого города, бежать без оглядки. Вот только куда?

Меня добились мамыны подруги. Они приходили по вечерам на посиделки, так мама называла вечерние чаепитие. И уж вволю проходились по мне своей жалостью, что утюгом по шкурке. И бедная то и несчастная, и брошена накануне свадьбы. От их причитаний еще больше хотелось выть.

Родители меня тоже не поддержали. Папа просто молчал. Как будто ничего не произошло. А мама...

Ох, уж эта мама! Она приходила с работы и начинала меня обрабатывать.

— Вот зря ты убежала тогда, надо было Аньку за волосы схватить, да по полу оттащить, чтобы неповадно было чужих мужиков уводить, — с таких причитаний начинались мои вечера. — Выволочь ее прямо голую без трусов на улицу. Пусть знает, как чужих мужиков уводить. А ты нюни распустила.

— Мама...

— Не мамкай, лучше слушай мать и делай! Я бы ей оба глаза подбила! Этой сучке крашенной! За свое счастье биться надо! Зубами рвать!

— Не хочу я биться! Мама, ты не поняла? Он мне изменил, а мы ещё даже вместе жить

не начали, — кричу я ей в ответ.

— Ну и что, всякое в жизни происходит. Зато она твоего жениха у тебя увела. А Миша из богатой семьи! Такие женихи, знаешь, на дороге не валяются, — пытается добить аргументами меня мама.

— Я так не хочу начинать жить! Не хочу предательства и измен! — я считаю свои аргументы честными и правильными, но мою маму ими не проймешь.

— Тю, нашла что сказать, да если бы я, такая как ты, была, так и замуж бы никогда не вышла.

У меня не осталось аргументов, и я звоню тетке. Тетя Зоя — это мамина родная сестра, но с мамой они долго были в ссоре, кое-как к сорока годам помирились. И моя тетка единственная, кого мама боится.

— Тетя Зоя, она меня достает, — жалуясь я тетке и пересказываю все, что вывалила на меня мать.

— Нашла кого слушать, твоя мать еще та бя. ть, — смеется тётка. — Она твоего отца вот так и взяла, увела, прямо как эта Аня.

— Как увела? — удивленно спрашиваю я, мне даже не верить, кажется, что тетка мамку оговаривает.

— Конечно, увела! Его с армии девушка ждала Даша, они уже свадьбу спланировали. Но он же молодой, горячий был, в яйцах дети пищали, — смеется тётя Зоя. — А Дашка до свадьбы ни-ни. Твоя мать то быстро его приголубила, ноги раздвинула и все. А потом пузом и взяла. Женился. Только счастья то в вашей семье и не бывало. На чужом несчастье свое не построишь.

В нашей семье действительно все было печально. И откровение тетки навевали грусть на меня, вывернули мне душу. Мне и так плохо, а тут — словно ушат с помоями на меня вылили.

Вот оказывается как! Вот почему мама считает, что надо биться за свое счастье, а скорее не за счастье, а за жирный кусок с маслом. Она всегда на стороне Миши. Пусть изменят, пусть гуляет, но деньги в дом приносит. Фу! Мерзко! Грязно! Пошло!

И мне становится совсем не по себе.словно я в грязи прожила всю жизнь, а не мама с папой.

Не прошло и месяца, как мне стало понятно, что больше не выдержу здесь. Не выдержу сочувствующих взглядов своих одноклассников, соседок, просто знакомых. Не смогу я здесь жить.

Но куда мне податься?

Случайно вечером заглянула к тете Зое на чай.

— Тетя, расскажи и папе с мамой.

— А чего рассказывать, все в прошлый раз сказала. Дашка у твоего отца верной была, ждала все два года его из Армии, на сторону не смотрела. Подругой она мне была.

— Так вы поэтому на мою маму обиделись?

— Не только. Дрянь она последняя. Была дрянью, дрянью и останется. Отец у тебя хороший, ты в него пошла.

— Так что случилось?

— Твой отец, как из Армии пришел, в гости к нам с Дашкой захаживать стал. Тут твоя мать Антонина и давай хвостом крутить. И как-то напоила его и в постель уложила, да сделала так, что Дашка их застукала. Та тоже гордая была, развернулась и ушла. Как ты.

— И что потом?

— А что потом. Дашка гордая была, уехала. Ей в городе то хреново было, сама знаешь. Все судачили, за спиной сплетничали. Она в Москву рванула. Там город большой, никто ее не знает. Устроилась в СМУ на работу, бухгалтером она была. Там ее заприметил мужчина один, лет на десять ее старше. Предложил расписаться. Она замуж и выскочила. Детей родила, трое сыновей. Хорошо живут. Квартира четырехкомнатная у них, детки уже большие, тебе ровесники почти. Сюда носа Дашка не кажет. И родителей туда перетянула. Домик в Подмосковье им купили. Сказала, что ни за какие коврижки больше сюда не поедет. Гадюшником наш город обозвала.

— Понятно. А папа ее до сих пор любит?

— Любит? Нет, скорее просто вспоминает ее. Чувства такая вещь, чем больше времени проходит, тем больше отдаляется от тебя человек, а воспоминания стираются, чувства притупляются. Вспоминаешь, конечно, но чувства уже не такие острые, словно паутиной все покрыто.

Лицо тети стало задумчивым, она словно вспомнила что-то свое. Ее слова всколыхнули воспоминания, давно ушедшие события. И она внутри переживала их снова. В уголках глаз появилась слеза, и она ее смахнула уголком платка. Но потом встряхнула головой, прогоняя ненужные воспоминания, и посмотрела на меня.

— И ты уезжай, девонька. Не дадут тебе здесь жить нормально, все будут поминать и обзывать тебя брошенкой, — добавила тетка твердым голосом. — Езжай. Мир большой, найдешь свое счастье! А мать не слушай! Вернуть кобеля, может, и вернешь, а вот счастливо с ним жить не будешь. Все в голове будет вертеть воспоминания. Изведешь и его, и себя.

Я долго вертела в голове слова тети Зои.

И через неделю, собрав чемоданы, купила билеты и уехала в Москву. Кольцо с бриллиантом, что Миша подарил мне при помолвке, я не вернула, посчитала это компенсацией. Поэтому приехав в Москву, продала его. Этого мне хватило, чтобы снять однушку в Алтуфьево. И я стала искать работу.

Глава третья

Я много ждала от переезда в столицу, город больших возможностей. Ждала, что будет много предложений по работе, и я буду нарасхват со своим красным дипломом. Но...

Неожиданно для меня поиски работы затянулись.

Всегда была уверена, что меня возьмут на работу сразу после первого собеседования. Я молодой специалист с красным дипломом. Молодая, амбициозная, без семьи и каких то проблем.

Но время шло, а фирмы мое резюме даже не рассматривали. Я даже набралась наглости и пришла в одну фирму сама, напросившись на аудиенцию у директора фирмы. Но он лишь посмеялся надо мной: Девочка, тебя не возьмут в Москве юристом без опыта и связей, даже не ходи.

От него я вышла вся в слезах и соплях. Деньги заканчиваются, в следующем месяце хозяйка меня попросит с квартиры, а бежать обратно к родителям, поджавши хвост, мне не хотелось. Я ведь уехала с гордо поднятой головой. «Я сюда не вернусь», так заявила родителям. И вот теперь вернуться домой — это позорно проиграть битву с родственниками.

В слезах и соплях, потерянная и разбитая, я вышла на лестничную клетку офисного здания. Возле лифта толпился народ, не хотелось отсвечивать своей зареванной физиономией. Тушь размазалась по щекам, образовав пятна, как у панды, всклокоченные

волосы, мокрые от пота подмышки, выступивший пятнами пот на белой блузке. Ужас, да и только.

— Чего ревешь, красавица? — голос прозвучал неожиданно, словно с небес, я подпрыгнула от неожиданности и обернулась.

Из-за угла на меня смотрели насмешливые карие глаза. Видимо в закутке под лестницей сотрудники устроили неофициальную курилку. Мужчина лет тридцати пяти в рубашке и черных брюках курил, сбрасывая пепел в жестяную банку.

— Привет, — просипела я.

— Привет, чего плачешь то, — еще раз повторил он свой вопрос.

— Вот, на работу не берут, — пропищала я, у меня был на подходе второй фонтан слез.

— Ммммм, а кем хотела устроиться? — мужик не отставал.

— Я — юрист, — голос мой сел, я с трудом владела собой.

— Ммммм, да, трудно найти работу юриста, приезжая?

— Да...

— Пошли ко мне на работу, мне сейчас помощники менеджеров нужны.

— К вам это куда? — переспросила я, у меня забрезжила надежда.

— Да вот мы на этом этаже сидим, — мужик ткнул на дверь рукой. — Спецстройматериалы, строительными материалами торгуем.

— Но торговля не мой профиль, — удивленно ответила я.

— Учим, у нас и учителя работают, и экономисты, и инженеры, тут ведь без разницы, получится хорошо, нет — пойдешь дальше.

— У вас собеседование надо проходить? — интересуюсь я.

— Считай, что прошла, я — начальник отдела продаж, Владимир Алексеевич, приходи завтра, устрою на работу.

Мы обменялись информацией, я оставила ему свои координаты и весело поскакала на выход.

У меня есть работа!

И хоть я не представляла о ней ничего, но это было лучше, чем тоскливое ожидание непонятно чего.

И уже через день я вышла на новую работу.

Должность у меня была скромная — помощница менеджера. Это что-то между подай-принеси и отнеси — распечатай. По указанию менеджера звонила клиентам, брала заявки, распечатывала документы. А когда менеджер уезжал на переговоры, вела за него дела. У меня получилось все не с первого раза, но начальник оказался хорошим мужиком, не давал пропасть, подсказывал, ободрял, учил.

Не прошло и полгода, как я сама стала менеджером.

Как всегда говорил Владимир Алексеевич: У нас в организации карьерный лифт работает как часы!

Работа меня не тяготила, наоборот, я старалась делать как можно больше, задерживалась на работе, брала тех клиентов, которых другие не могли «раскрутить». У меня все получалось. В коллективе меня считали карьеристкой, выскочкой и протеже начальника.

И никто не догадывался, что набираю я работы выше крыши только потому, что мне не хочется идти домой. Там пусто и тихо, и приходят воспоминания о несостоявшейся свадьбе, несбывшейся мечте, потерянной любви.

Забывать все мне не давали подруги. С какой-то дьявольской настойчивостью они писали

мне о делах в городке, часто упоминали Мишу и Аню. И через некоторое время сообщили, что Аня таки залетела от Миши, и тому пришлось жениться. Сердце мое обливалось кровью, я неделю по ночам рыдала в подушку. Видимо, где-то глубоко в душе все ж лелеяла мысль, что Миша наиграется и вернется ко мне. Даже проигрывала варианты, какой у нас состоится разговор. Что я должна ему сказать, обязательно сначала отвергнуть, а потом сжалиться и простить, но действительность оказалась на много жестче. Миша ко мне не вернулся, мой герой оказался совсем не героем...

И вот уже на странице моих подруг появились фото, где счастливая невеста в белом, пышном, как торт платье и накинутой на плечи норковой шубке целует моего жениха. Их осыпают рисом и белыми лепестками. Из их рук взлетают ввысь белые голуби, обещая им счастливую жизнь. В ресторане гуляет богатая свадьба. Все, как я мечтала. Но для меня это осталось в мечтах.

Я смотрела на эти фото, и по моим щекам катились слезы, душу раздирали противоречивые чувства. Вроде ведь отболело, но, оказывается, не зажило. Только корочкой покрылось, и вот сейчас ее отодрали, и раны вновь кровоточили.

Каждый вечер я открывала ноутбук и с упорством маньяка вновь смотрела на свадьбу Миши, выискивая в родном лице хоть что-то, чтобы говорила, что Миша недоволен, несчастен. Но нет! Он сияет, улыбается во все свои тридцать два белых зуба, и ямочки на его щеках стали глубже и четче. И невесту обнимает крепко. У Миши все хорошо. А у меня?

И один момент так разозлилась на себя. Что я как последняя лахудра лью слезы? Да кто они такие, чтобы портить мне жизнь! Я буду счастлива! Добьюсь всего сама.

Сказать то легко, но как это воплотить в жизнь.

И поблагодарив своих школьных подружек за урок, я закрыла эту страницу своей жизни. Сменила симку в телефоне, попросила маму не давать никому мой новый номер, закрыла все свои аккаунты в соцсетях. У меня не стало прошлого, у меня осталось только будущее, где ничего кроме моей работы и карьеры нет. И ни одной подруги.

Но...

Вскоре я нашла квартиру недалеко от работы.

И в придачу к квартире шла соседка. Да, все просто. Двухкомнатная квартира на пару с соседкой. Ее звали Римма. Она просила называть себя Рим.

Смешно.

Но на долгие годы Римма стала моим лучшим другом и советчицей.

А еще психологом.

Не знаю, как бы я прошла весь этот квест под названием жизнь, если бы не Римма.

Глава четвертая

И вот я живу в Москве уже три года.

В работе, практически без выходных, праздников и отпусков. Моя карьера стремительно набирает обороты. Я уже старший менеджер в отделе продаж. Начальство готовит меня на место Владимира Алексеевича, тот вот-вот перейдет директором в один из филиалов компании.

В моей жизни присутствует только работа и еще раз работа. Я редко вырываюсь в театр, кино смотрю только в воскресенье по вечерам, лежа под пледом и обнявшись с ноутбуком. И хоть вокруг меня вертятся состоятельные мужчины, но ни один из них не зацепил меня. Рим говорит, что это отголоски события, пережитые мной неприятности, влияют на мою нынешнюю жизнь.

В коллективе я получила прозвище «Снежная королева», холодная и не эмоциональная.

Но в душе я все та же неуверенная в себе провинциальная девчонка, что приехала из глубинки покорять Москву, потерявшая свою любовь, бросившая дом и родных и ужасно тоскующая по своей прошлой жизни.

Лишь изредка разрешаю себя заглядывать на страницы социальных сетей своих одноклассников. Делаю это тайно, под нейтральным ником, чтобы никто меня не раскрыл.

Там все как у всех. Первый год мои одноклассницы размещали веселые фотки с походов, праздников, шашлыков на природе. Затем появляются фотографии, где они тусуются парочками, потом — свадьбы. И вот они такие красивые в белых воздушных платьях, с красивыми женихами под ручку. Женихи — это наши мальчишки одноклассники в большинстве случаев. Шикарные лимузины с цветами и пупсами, довольные родители, что сбагрили дочку. Потом фото свадебного путешествия, веселые снимки в гостинице, у бассейна, на пляже, на слоне, на верблюде, у пирамид или развалин каких-то городов. Они красивые, веселые, загорелые.

Проходит несколько месяцев или год. И вот на страницах появляются другие снимки. Вот я, вот мой животик, вот мы и животик, а вот нас уже двое...трое...четверо...

Не успела я оглянуться, годы пробежали незаметно. Мои одноклассницы уже толстые тетки с двумя, а некоторые с тремя наследниками. Счастливые матроны, семейная жизнь всем пошла на пользу. И уже в соцсетях хвастаются новой квартирой, новым ремонтом, урожаем на садовом участке, у кого больше выросло клубники или у кого крупнее помидоры. По грядкам бегают толстые карапузы, мужья в растянутых трениках копают огород. Только я так и остаюсь одинокой. Вся моя жизнь посвящена карьере.

Четвертый год также пролетел незаметно.

Недавно звонила мама. Плакалась мне в жилетку, что папа совсем от рук отбил, и она может остаться одна. Он уже фактически ушел, только вещи свои не перевез.

Никакие мои увещания, что на папу давить не надо, ругаться нельзя, надо решить все мирно, не действуют.

Мои родители — люди совершенно разные и неподходящие друг другу.

Мама всю жизнь проработала в школе, сначала учителем, потом завучем, и работа наложила на ее и без того сложный характер свой отпечаток. Мама — это властная женщина, авторитарна, с диктаторскими замашками. Папа — спокойный и рассудительный, на заводе не последний человек, при должности. Вот только дома папа попадал под мамин каблук и пикнуть не смел. Маме невозможно было перечить, даже слово сказать поперек страшно, можно было нарваться на скандал. Она решала в семье все вопросы единолично. Все планы были разработаны ей заранее, и завтрашний день был всегда предопределен. Только моя несостоявшаяся свадьба выбила маму из колеи, а затем мой побег в Москву.

И теперь она сетовала на то, что полетело все в тартарары именно с моей несостоявшейся свадьбы. Все ее задуманные планы, все ее мечты разом рухнули, именно ее — не наши. А ещё и отец учудил.

Хотя в городе давно ходили слухи, что мой отец не прочь заглянуть на сторону. Только я в это не верила. Слухи слухами, а отцу даже на рыбалку было сложно выбраться, а уж встретиться с друзьями даже разговоров таких не было. Когда он успевал ходить налево?

Но оказалось все банально и просто. Отец нашел себе подругу на заводе. Ей оказалась добрая, хорошая и тихая женщина, работавшая в том же цехе. Она оказалась умной, нигде языком не болтала, бельем не трясла, поэтому все долго скрывалось. Но вот мы с братом

вылетели из родного гнезда, а в опустевшем гнезде двух взрослых людей вместе уже ничего не удерживало. И папа пошел в разнос!

— Мам, ну что ты так ругаешься, — пытаюсь увещевать мать.

— Нет, ты представляешь, я семь лет ничего не знала, да и дальше бы жила в неведение, но ко мне в школу пришёл учиться его сын! Его сын! Это как? — мама в ярости.

Вот кто знал, что папа окажется таким принципиальным, рожденному мальчику даст свою фамилию и отчество, да так, что мама об этом не узнала. Паспорт он что ли свой в огороде зарыл. Или дал взятку в паспортном столе? А его сыну, моему брату, уже семь лет. Мальчика назвали Костей.

— Он больше восьми лет меня обманывает! — кричит мама в трубку. — Лжец, подонок, а я верила, что у меня лучший муж на свете!

Мама только на словах говорила, что считала своего мужа лучшим, всю жизнь я слышала, что отец у нас безответственный, денег приносит в дом мало, халтуру не берет, другие вон чего, а он...

— Тварь! — причитала мать в телефон. — Я пригрела змею на груди своей. Я к ней хорошо относилась, жалела, что она без мужа ребеночка родила! А это тварь рожала от твоего отца!

Вот это новость, оказывается, они были хорошо знакомы!

Мама все больше распаляется, стараясь вылить весь свой гнев, я слушала ее, и меня раздирали противоречивые чувства. Я одновременно переживала за мать, которая на старости лет осталась у разбитого корыта, и радовалась за отца и его Ирку. Так звали его женщину. Она оказалась покладистой и смогла дать отцу почувствовать себя мужчиной.

Мама говорит долго, выливая и выливая на меня кучу негатива, но вот иссяк последний фонтан, и в заключении она спросила: А у тебя как дела, дочь?

— Хорошо, мама, у меня все хорошо, работаю.

— Приехала бы к нам в гости, своего бы парня показала?

Упс, я уже и забыла, но в прошлый раз при разговоре ляпнула, что у меня есть парень. Надоело, что даже родственники меня жалеют, считая мою первую любовь Мишку — моей единственной любовью. Может они в чем-то и правы, но мне не хочется их жалости и сочувствия. Вот я сдуру и ляпнула. И как теперь выбираться из той лжи, в которую сама угодила.

— Скоро, мама, у меня крупный проект, очень крупный заказчик, вот закончится проект, так мы вместе к вам в гости и рванем! — продолжаю врать дальше.

Не дай бог, они решат приехать проведать дочь!

Через час позвонил папа.

— Привет, дочь.

— Привет, пап.

— Мама, конечно, тебе уже позвонила и все рассказала?

— Частично...

— Прости, что так вышло, но у меня не было другого выхода, — голос папы тихий и немного смущенный.

— Пап, я все понимаю, тебе было тяжело с мамой жить.

— Нет, дочь, я бы и дальше с ней жил, Ирина и не хотела меня уводить из семьи, она ребеночка для себя рожала, но тут столько всего случилось...

Папа не договаривает, но по его голосу я понимаю, что все там происходящее больше

похоже на лавину, что снесла всю прошлую благополучную жизнь.

— Мать сильно на меня давить стала после того, как узнала, что Костя мой сын. Такой скандал устроила, у меня даже сердечный приступ был. Вот я и не выдержал, ушёл. Хочу тепла, дочь, спокойствия в семье, не могу я так.

— Я понимаю, папа, у мамы не простой характер.

— Я всегда буду любить вас с Владиком, вы все равно мои дети.

— Береги себя, папа...

Я тоже переживаю за отца, он не молод, хотя по нынешним меркам пятьдесят лет совсем немного, но здоровье его уже не раз подводило.

И я его люблю, чтобы не происходило между ним и мамой, я буду любить их одинаково.

А через пятнадцать минут позвонила моя тетушка с очередной порцией новостей. Ох, уж эта тётушка.

— Ой, чё делается, — начала обычные свои причитания тетушка.

— И тебе привет, тетя Зоя.

— Ты слышала, твои разводятся! А я сразу говорила, что не надо было твоей матушке уводить твоего отца у его невесты! Вот не было у них счастья всю жизнь! Вот и прожили они как кошка с собакой, а на старости лет разводятся, стыдоба!

— Теть Зой, какая невеста, это давно было? — успокаиваю я ее, а тетка трещит, слова словно пули из пулемета вылетают.

— Так давно или недавно, а на чужом несчастье своего не построишь.

— Тетя Зоя! А причем тут их развод? Тетя Марина, брату уже двадцать пять лет, сколько уже прошло, жили же!

— Так и жили, дети скрепляли, вы вон из гнезда вылетели, и у него бес в ребро!

— Его второму сыну семь лет, так что налево он пошёл еще до того, как я из гнезда вылетела!

— Так и пошёл в разнос, что знал, что вот-вот ...

Спорить с тетей Зоей бесполезно. Та всегда уверена во всем бреде, что несет. И я не перестаю волноваться за отца. Представляю как всколыхнула наш маленький городок вся эта история, сколько еще грязного белья вытащат наружу, а отец очень переживает, у него и без того сердце слабое.

Но вот что странно во всем этом. Я не простила Мишку за измену, а отец поставил мать в такое же положение, но его я обеляю.

Рим говорит, что это кризис их семейных отношений. Эффект пустого гнезда.

— Светка, заклинаю тебя, не принимай ни чью сторону, брату скажи, чтобы тоже был в стороне от разборок родителей. Они могут помириться, а могут — нет. Но обиженная сторона долго будет поминать тебя, что ты встала на другую сторону, приняла доводы другой стороны, с вытекающими отсюда последствиями.

— Я же не могу отмахнуться от родителей.

— А ты не отмахивайся. Выслушивай их. Им надо сейчас выговориться. Лучше сходили бы к семейному психологу.

— Разве их заставишь? Они меня в бан пошлют.

— Тогда терпи, настраивай их на диалог.

Легко сказать. А там уже разгоралась семейная война.

Глава пятая

Время неумолимо бежало.

Настал тот день, когда мой непосредственный начальник Владимир Алексеевич должен был уехать в другой город принимать новый филиал в качестве директора. Но тут случилось непредвиденное.

С утра, как гром среди ясного неба, прозвучала новость, что компанию продают и меняется собственник.

Офис на замер в томительном ожидании неизбежного.

— Как ты думаешь, увольнять будут, — осторожно спросила меня Лина, наша секретарша и главная сплетница.

— Не знаю, — зло бросила я.

Это первая моя компания, и я ни разу не переживала пертурбаций. Пережить смену руководства — это что планетам пережить смену светила. То, что тебя удерживало на твердой орбите, вдруг исчезает, а тебя выкидывает в космос, в безвоздушное пространство, где и ухватиться не за что.

Не прошло и недели, как все документы были подписаны. И в офис явилось новое начальство. В один из дней весь коллектив собрали в большом зале для презентации. Новое начальство представили. Два дядечки непонятного возраста, явно молодящихся, со вкусом одетых, были новыми нашими директорами. Один коммерческим, второй — исполняющий. Они пожелали нам успехов в нашей работе, сделали презентацию по дальнейшему развитию нашей компании и отчалили. Всю презентацию начальство провело в приподнятом настроении, настраивая коллектив на дальнейшие достижения. Все мило друг другу улыбались, но вот у меня засосало под ложечкой от нехороших предчувствий. Ой, как не хотелось потерять хорошую работу с нормальным окладом, а еще близко от съемной квартиры.

Со следующей недели начались перестановки. В один из дней мой непосредственный начальник Владимир Алексеевич попрощался с нами. Он переходил в другое структурное подразделение. И весь коллектив менеджеров тихонько начал поздравлять меня с повышением. Но через день грянул гром. И нам объявили, что завтра приходит новый начальник отдела продаж, некто Алексей Алексеевич Вольный.

Я ходила по отделу, как в воду опущенная. Вот и накрылось мое повышение, а с ним надежда на ипотеку. Эта была моя мечта — купить однушку в Москве. Обязательно с ремонтом, чтобы сразу переехать и не платить за съемное жилье. Но ценник был конский. И вот моя мечта с треском провалилась.

Конечно, папа хотел мне дать денег на первоначальный взнос, но у него брать мне было стыдно, поэтому я рассчитывала только на себя.

Рано утром я с тоской брела на работу. В голове сумбур, рухнувшие надежды, грусть, печаль. На первом этаже у лифтов толпился народ. В ожидании люди из разных отделов перекидывались новостями, сплетнями. Но тут толпа стояла молча. Я встала в конец очереди.

Сначала я ЕГО почувствовала. А потом меня будто накрыла мощная энергетика, яростная, первобытная. Нос защекотал чарующий древесный аромат. Я оглянулась по сторонам и заметила восхищенные взгляды женщин, направленные на того, кто стоял позади меня. Молоденькие секретари чуть шею себе не свернули, оборачиваясь.

В этот момент подошел лифт, и вся наша дружная толпа шагнула внутрь. Двери сомкнулись. Я попыталась повернуться, не люблю пятиться задом, выходя из лифта, было в этом что-то унижительное. Но нас набилось в лифт так много, что меня сзади придавило чье

то мощное тело. Безумный древесный аромат накрыл меня. ОН СТОЯЛ ПОЗАДИ МЕНЯ. Тот, чей запах выносил мозг. Коленки мои дрожали и подгибались.

Вот и мой этаж. Двери лифта открываются, и мне приходится сделать шаг назад, повернуться. И я утыкаюсь в чью-то мужскую грудь. Поднимаю глаза и замираю на миг, не дыша.

Боже! Он так красив!

Быстро извиняюсь и бегу в свой отдел.

В зале менеджеров шумно. Операторы в гарнитурах стучат по клавиатурам. И хоть формально рабочий день еще не начался, но клиенты уже звонят.

Менеджеры бесцельно бродят между столами с кружками кофе и перекидываются новостями, перебирают бумаги, мужчины обсуждают последнюю игру Химки — Торпедо. А я бегу к себе в закуток.

Мне, как старшему менеджеру, выделили небольшой личный кабинет. Конечно, кабинетом это сложно назвать, так, часть комнаты, отгороженная стеллажами с папками. Но это моя территория, где я могу выдохнуть. А еще у меня есть окно. Огромное окно от пола до потолка, с чудесным видом на Москву, удобный стол и мягкое офисное кресло.

Бросаю сумку на полочку и сажусь в кресло. Замираю и выдыхаю. У меня есть несколько минут, чтобы передохнуть.

И тут ко мне протискивается Лена, наш самый младший менеджер, молоденькая девочка, что взяли на работу по знакомству.

Леночка делает страшные глаза и шепчет: Привет! Ты в курсе? Сейчас придёт новый начальник отдела продаж. Говорят такой красавчик!

О, я даже знаю, кто это будет...

Через час ЕГО представляют нам. Алексей Алексеевич.

Он высокий, выше метра восьмидесяти, накаченное тело, даже сквозь рубашку, что сидит на нем в обlipку, проглядывает груда мышц. Красивые руки, покрытые венами. А лицо...

Лицо Ален Делона в молодости. Глаза только карие, а так голливудский красавчик. Женское население забыло, как дышать.

НО красавиц не позволяет нам расслабляться. Сразу объявляет планерку. И уходит в переговорную.

Женская половина менеджерского состава приходит в неопиcуемый ужас. Все бросаются подкрашивать глаза, искать помаду в столе, переодевать туфли. И через полчаса в переговорную входила группа «элитных моделей».

Все на шпильках, при макияже, некоторые даже переоделись.

Зря они тратили на это время. Новый шеф гонял их по клиентской базе так, что из переговорной все вышли мокрые от пота, как мыши, которых из норы выживали с помощью воды.

Не прошло и недели, как потянулся на выход косяк уволенных. Компания быстро менялась и перестраивалась.

Мне повезло. Я сумела сохранить свое место и даже должность.

Но от этого мне почему-то было не легче, я забывала дышать, когда в отделе появлялся ОН.

Римма объясняла мне моё состояние тем, что я давно не подпускала к себе ни одного мужика.

— Светик, надо уже забыть свое прошлое, ты смирилась, пережила, надо сделать шаг вперед. НЕ все мужики козлы.

Ага, а сама вон тоже довольствуется только разовыми отношениями. Говоря, что ей так удобно. Провели вечер вместе, ужин, горячая ночь и на выход, дорогой.

А у меня в голове все крутятся кадры Мишкиной измены, спущенные штаны, противные вздохи и хлюпающие хлопки. Да я только представлю, что мужчина рядом со мной спустит штаны, как мне становится плохо. Не, не хочу.

Вот только мой начальник такой...он красивый...ооооо...а какой торс, а какие руки...

Рим купила себе таки квартиру и съехала из нашей двушки.

Я осталась одна.

Вечером мне позвонила мама.

— Он меня бросил! — завывала в трубку. — Он подал на развод! Ужас! Он меня позорит!

— Мама, мама, — пытаюсь ее перекричать.

— Не мамкай, твой отец — козёл! Он разводится со мной, стыдно, нам пятьдесят! Седина в бороду — бес в ребро!

Хотела ей напомнить, что папиной Ирине тоже лет прилично, он совсем не девочку взял. Но разве до мамы донесешь сейчас эту информацию. И в трубку сыпется проклятья на их головы, и бранные эпитеты для моего отца.

— А может мне к тебе в гости приехать, — вдруг прерывает поток брани мама.

Ой, только не это! Мне и так не хорошо, а тут еще мама с ее-то харизмой, умением манипулировать и наставлениями по вечерам.

— Нет, мама, у меня очень сложный период на работе, сменился начальник, много работы, я дома не бываю.

— Ааааа, ну ладно, поеду к Владу.

Бедный Владик и его жена. У моего брата недавно родился сын. Он весь в заботах. Там только мамы не хватает.

— Мама, а может тебе лучше взять отпуск и съездить в санаторий?

— Какой санаторий, конец учебного года!

— Мама, ну можно ведь сразу после учебного года. Съезди на море. Возьми подругу, — уговариваю я маму. — Развейся, смени причёску, купи красивую одежду.

— Вот правильно говоришь, надо купить красивое платье. А то хожу, как лахудра. Пусть твой папочка посмотрит, какую женщину он упустил. Я ему не Ирка. Не эта тварь безхребетная...

И снова поток не лестных эпитетов в сторону Ирины.

Та действительно была не похожа на мою мать. Ее красота была не заметная, спокойная. Этакая Тургеневская барышня с русой косой и скромным взглядом.

Моя мать была яркая, броская, бойкая на язык, с огненным характером.

Да, папа бросился из огня да в полымя.

Ха, ха, ха!

Моя жизнь тоже сильно поменялась.

Глава шестая

Хожу на работу каждый день, как на каторгу. Там ОН.

Красавец мужчина, мой непосредственный начальник, от которого за версту такая аура, что у баб «течка» начинается, так хохмят мужики в курилке.

Его голос узнаю из тысячи, запах его одеколona будоражит мое обоняние, и Алексей

Алексеевич вызывает у меня совсем не рабочее настроение. Так и тянет меня замурчать мартовской кошкой, потереться о его мускулистое тело...Ммммммм...Вот так....

— Светлана Валерьевна, вы мне отчёт, когда скинете? — вырывает меня из приятных мечтаний голос того, кого я хочу до одури.

И я бегу, как загнанная лошадь, собираю со всех цифры и бумаги, формирую отчет, к концу дня у меня уже черные мушки перед глазами прыгают от долгого сидения за компом.

Первые дни были самые тяжелые. Он перетрясал коллектив. Увольнения шли одно за другим. И мне было страшно потерять работу и волнительно от его близости. Первое время я даже хотела уволиться и сбежать, но быстро остыла, где найти работу с таким же хорошим заработком.

Хоть со временем эмоции чуть поутихли, но от одного его голоса мои колени начинают дрожать, голос дает сбой, а мысли о работе летят ко всем чертям.

Но проходит неделя, другая, страсти становятся тише. Вот уже набраны новые кадры. Жизнь в офисе кардинально меняется.

Офис вмиг преобразился. Теперь коллектив состоит наполовину из девушек и молодых женщин. И все в едином порыве влюблены по уши в начальника Алексей Алексеевича.

Словно все в едином порыве сошли с ума. Куда исчезли офисные костюмы, гульки на голове, стоптанные тапки на ногах. Только светлые блузки, короткие юбки, высоченные каблук. Макияж каждый день. У всех сотрудниц вдруг появились длинные волосы, на голове прически одна лучше другой, длинные ногти с самым модным маникюром, пушистые ресницы. По помещению не ходят — дефилируют. Не офис, а отдел модельного агентства.

Одна я хожу лахудрой. На меня навалили так много работы, что записаться к хорошему мастеру по маникюру и отличному стилисту мне просто некогда. И каждую планерку я прячу руки под столом, так как стыдно показывать свои коротко стриженные ногти.

На голове вечный бедлам, самое лучшее, если я смогу помыть утром волосы и расчесать их. Бывает, что и этого не успеваю. Поэтому мои отросшие волосы образуют копну на моей голове. Макияж минимальный, одежда обычная. Я словно пугало в нашем коллективе.

И как назло, Алексей Алексеевич постоянно вызывает меня к себе в кабинет. Я иду к нему, как на каторгу, а меня провожают завистливые взгляды. Ой, было бы чему тут завидовать, наш начальник ещё тот монстр. У меня сердце бьется, как у адреналинового наркомана при прыжке с тарзанки в пропасть.

Я краснею, как алый мак. Мой начальник действует на меня, как на рака горячая вода. Словно ошпаренная кипятком, краснею до кончиков ушей, покрываюсь красными пятнами ниже. Но мне кажется, что моему начальнику даже нравится такая моя реакция.

— Светлана Валерьевна, нам надо обсудить с вами план на следующий квартал...

И я замираю, как кролик перед удавом. Судорожно хватаю папки с полки и бегу за ним в кабинет. Женский коллектив смотрит мне в след, и в этих взглядах зависть смешивается чем-то уничижительно презрительным, может мне и кажется, но у меня чувства, что весь женский коллектив хочет на мое место.

И мой личный ад продолжается.

И продолжался бы вечно, но...

В один из серых понедельников в мою коморку пожаловал мой бывший начальник Владимир Алексеевич.

— Привет Светлана Валерьевна, — здоровается он официально, а в глазах чертики пляшут. У нас с ним с самого первого дня дружески — официальные отношения.

— Ооооо, здравствуйте Владимир Алексеевич, какими судьбами? — моего бывшего начальника перевели в другое подразделение. Фирма наша не только продавала стройматериалы, но и имела подразделение, которое выполняла различные работы для других строительных холдингов, занималась субподрядом. Вот в такое подразделение моего начальника и перевели руководителем.

— А я к тебе не с пустыми руками, с предложением.

— К-ка-каким предложением?

— У нас открывается вакансия младшего юриста. Помнится мне, ты очень хотела вернуться в профессию.

От неожиданности у меня челюсть падает. Мне? Юристом?

— Ээээээ, юристом?

— Ну, ты же хотела? Помнится, у тебя даже диплом есть.

— Д-да, е-есть, — BLEЮ я, даже не рассчитывала, что моя мечта может когда-то сбыться.

— Правда на начальном этапе зарплата чуть ниже, чем у тебя здесь, — Владимир Алексеевич внимательно смотрит на меня. — И преференций таких нет, в виде отдельного кабинета.

— Да, ладно, главное я буду юристом, — мой радости нет предела, эмоции плещут через край, я чуть было не бросилась на шею Владимиру.

Я буду юристом! Столько слез пролито мной над моим дипломом, который оказался никому не нужен. Столько бессонных ночей, когда гоняла в своей голове глупые мысли о несбыточности моей мечты. Столько сил было вложено мной в учёбу, а тогда казалось, что зря. И вот выстрелило!

— Да, да, конечно согласна, — активно киваю я головой, а Владимир Алексеевич улыбается.

Уже к вечеру весь отдел знал, что меня переводят в другое подразделение. И потянулись ко мне толпы желающих узнать, кого поставят на мое место.

— Светочка, — ко мне заглядывает Мила, она недавно устроилась к нам помощником менеджера, но по ее хитрой мордочке видно, что там, в голове «далеко уже удочки заброшены». — Ты не в курсе, кого Алексей Алексеевич хочет поставить на твою должность?

— Мила, тебе то что, ты у нас еще только помощник менеджера.

— Ну, ты уйдешь, на твое место придет другой менеджер, мне с ним сработаться еще надо? — юлит Милка.

— Все вопросы к руководству, — обрываю ее я.

— Какие вопросы к руководству? — в дверях стоит Алексей Алексеевич собственной персоной.

А меня словно кипятком облили, вмиг краснею и потею.

Милка стрельнула глазками, «вильнула хвостом» и с обожанием уставилась на начальство. В глазах радость неземная. Ресничками пушистыми хлопает. Делает невинный взгляд, а у самой зубки торчат.

— Я интересуюсь по поводу вакансии старшего менеджера, — Мила игриво бросает взгляд из-под ресниц.

— Людмила Ивановна, работой займитесь, у вас телефон от звонков разрывается, по поводу вакансии старшего менеджера отделу персонала вопрос задайте.

Начальник обрывает Милку на полуслове, и ту как ветром сдуло.

— Светлана Валерьевна, мне кое-что с вами обсудить надо...

И я бреду за ним, как на каторгу.

Вечером у меня разговор с Риммой. Я делюсь с ней последними новостями. Она поздравляет меня с моим новым назначением и намекает, что пора за это выпить. Я рада за нее и за себя, но на душе скребут кошки.

— Рим, ну вот что со мной не так? — и я пересказываю ей в сотый раз свои чувства, эмоции, переживания.

— Светик, все просто, как дважды два. Тебе надо найти мужика. Хороший секс решает все твои проблемы.

— Римм, я не могу, как ты. У тебя все просто, я так не умею.

— Ой, можно подумать...

Римма смеется, и я даже представляю, как она сейчас тряхнула своей гривой густых черных волос и подрыгала ножкой. Рим живет просто, не заморачивается, есть мужчина — хорошо, нет — найдем. Для нее секс на одну ночь не проблема. Я так не хочу.

— Светик, а что тебе мешает переспать с твоим Алексей Алексеевичем. Нет! Ты меня сейчас дослушай! Вы уже не начальник и подчиненная, работать будете в разных подразделениях. Я бы на твоём месте его соблазнила.

— Ох, я не такая, Рим, я не красивая, как я его соблазню, за ним столько девушек бегают...

— Света, что за уничижение себя любимой! Прекрати сейчас же! Ты красивая блондинка, с голубыми глазами, с твоей фигурой можно в модельное агентство пойти.

Рим еще долго меня уговаривает. У нее получается посеять зерна сомнения в моей голове. А почему бы и нет? Почему не попробовать ...

Вот только наведу марафет, парикмахер, стилист, маникюр.

Поздно вечером позвонила мама, напоминая мне, какие проблемы в нашей семье.

— Он со мной развелся! — кричит мама в трубку. — Твой отец — козёл!

— Мама, ну вы уже полгода разводитесь, смиритесь уже.

— Нет, ты меня не понимаешь. Думаешь легко мне теперь по городу ходить? Да в меня все знакомые пальцем тычут «разведенка».

Да, мне это знакомо. Тут мама не права, я ее очень хорошо понимаю. Когда-то сама вот так же ходила по улицам, опустив глаза, боясь встретиться взглядом со знакомыми. И за моей спиной меня обсуждали. Хорошо помню нарастающее чувства вины, как будто меня застали за изменой, а не Мишку. И хорошо помню, как мне было тогда плохо.

Глава седьмая

Выходные я решила посвятить себе любимой. Что бы я делала без Риммы. Она утащила меня к своему стилисту парикмахеру, тот уложил мои кудри, подстриг кончики волос, и вот уже я красавица. Тут же мне сделала мейкап и объяснили, как легко и быстро по утрам сделать «красивое лицо».

Потом мы пошли по магазинам. Римма вытрясла всю мою заначку, но подобрала мне потрясающее офисное платье, юбку и пиджак, да так, что всю эту красоту можно было сочетать все между собой. И я почувствовала в себе силы начать все с начала. Где моя не пропадала?

Первый день на новой работе не задался. Новый мой начальник Александр Ильич был человеком с очень сложным характером, дотошным в работе, любил повышать голос и очень

требовательным к составленным документам. Он скривился, увидев мой красный диплом, и сказал, что это ничего не значит. Его не интересовало, что я не имела опыта работы, что многое мной было забыто. Он рычал на меня, топал ногами и заставлял по десять раз переделывать документы.

На все мои оправдания, что я не работала юристом после окончания института, он отвечал мне: Учись!

И я училась, вновь, как студентка, делала себе пометки на полях, писала короткие выдержки из статей, мой ежедневник превратился в сборник кратких конспектов по жилищному, земельному и строительному кодексу. И я въедливо вновь вгрызалась в науку. За те четыре года, что я не работала по специальности, много поменялось, и надо было вновь что-то учить.

Через две недели Александр Ильич стал брать меня с собой на судебные заседания. И я почувствовала прилив сил. Вот та работа, которую я так хотела, к которой так стремилась. Мои мечты сбываются.

Вот только на мечтах об Алексей Алексеевиче, моем бывшем начальнике, пришлось поставить жирную точку. Мы не встречаемся, не пересекаемся, хоть и работаем в одном здании. И я иногда с тоской смотрела на толпу, что собирается возле лифта в начале рабочего дня. Но ни разу его не видела.

По утрам часто сталкиваясь на первом этаже с менеджерами из бывшего отдела, узнавала свежие сплетни. Отдел и дальше продолжал перестраиваться, увеличился доход, и сплетники поговаривают, что Алексей Алексеевича собрались повышать до коммерческого директора. Вот только не сказали, о каком подразделении идет речь.

И как гром среди ясного неба прозвучала новость, что он переходит к нам.

И на первой же планерке, нам его представили.

Что тут началось. Да все свободные, не обремененные детьми девушки, женщины сошли с ума. Мне кажется, что Алексей Алексеевич — это женский наркотик, или он знает секрет вселенского обольщения. А может и то и другое. Только все женщины ринулись его завоевывать.

Брачные игры начались. Но если в природе самцы воюют за самок, тут начались брачные ритуальные танцы с бубном, по завоеванию одного самца.

Я смотрела на это со стороны. Попробуй туда залезть, затопчут, разорвут, покусуют. Ох, что там говорила мне Римма? Соблазни его?

Что-то много претенденток на его соблазнение, боюсь, меня и видно в такой плотной толпе не будет.

На каждой планерке смотрю на него исподтишка и мечтаю. Вот было бы здорово урвать его у всех претенденток. Только мои мечты остаются недостижимыми мечтами.

Но нас словно кто-то невидимый сталкивает постоянно.

И однажды мой начальник посылает меня к Алексей Алексеевичу обсудить с ним коммерческий договор с одной фирмой. Иду на подкашивающихся ногах к тому в кабинет и наталкиваюсь на его секретаршу. Мила!?

— Мила? Что ты тут делаешь?

— Я работаю, теперь я личный помощник Алексей Алексеевича, — Мила сияет хлопает накладными ресницами и делает губки бантиком.

— Тогда доложи, что я пришла.

— По какому поводу? — Мила делает умное лицо.

— Коммерческий договор с Мостстройинвестом, — чеканю я, чтобы лишний раз не подумали, что я тут хожу по личным интересам.

Мила жмет кнопку селекторной связи и представляет меня. А я забываю, как дышать, когда он начинает говорить.

Меня опять окутывает аромат его духов, обволакивает его аура, затаскивает в любовный капкан, мне оттуда не выбраться. Какая уж тут работа.

Я сижу словно в густом желе, звуки долетают до меня издалека, у меня пропало периферическое зрение, я вижу только его глаза. Такие карие, черный зрачок, что колодец без дна, длинные пушистые ресницы, темные брови дугой над ними.

— Светлана Валерьевна, вы меня слушаете, — я тяжело сглатываю вязкую слюну, он что-то говорил, прослушала.

— Да, я вас слушаю Алексей Алексеевич, договор надо переделать, конечно. Все сделаю сегодня, — мямлю в ответ.

— Хорошо, Светлана Валерьевна, жду от вас договор.

Я встаю и на подгибающихся ногах иду в сторону двери.

— Я буду ждать договор сегодня, — летит мне в спину.

Уже почти шесть часов. Когда я буду переделывать договор? Мой начальник не любит, когда сотрудники задерживаются на работе. Он юрист и чтит букву закона. Но Алексей Алексеевич требует переделать договор сегодня. И вновь сажусь за компьютер и клацаю по клавиатуре, стараясь прогнать сумбур из своей головы.

К восьми часам все правки внесены. Договор распечатан. И я вновь ползу в кабинет Алексей Алексеевича.

В приемной пусто, свет приглушён, Мила давно упорхнула, только из-под дверей кабинета струится свет, хозяин засиделся.

Я стучусь и почти крадучись делаю шаг в кабинет.

— Я тебя жду, проходи, — он шагает ко мне на встречу.

Он снял пиджак и закатал рукава рубашки, ее верхние пуговицы расстегнуты, открывают взгляду чуть больше кожи. Вот так без галстука я его никогда не видела. Мой взгляд тормозит на его руках, на его мышцах, покрытых узлами вен. Мощные сильные руки вызывают у меня мурашки по коже. И я выпадаю из реальности.

Он подходит и берет у меня из рук бумаги.

— Ну, что тут у нас?

— Я переделала, все как вы просили, — блею я, а сама не могу отвести взгляда от полоски кожи, что видно в расстегнутый ворот рубашки.

— Мммм, — он бегло просматривает документ, быстро перелистывая. — Все правильно, вы молодец, Светлана.

Он стоит рядом. И меня накрывает.

Алексей Алексеевич, ловким движением руки, бросает документы на стол и обнимает меня. У меня кружится голова.

— Мммм, ты так вкусно пахнешь, ты такая красивая...

Его рука скользит по моей спине, по пути ловка вытаскивая блузку из юбки. И вот его горячие пальцы скользят по моей спине, вычерчивая узоры на моей коже. Его жадные губы, целуют мою шею. У меня оргазм.

И тут он ловко поднимает меня и садит на стол, разводит мои ноги...

И в моей голове проносится картинка, увиденная мной четыре года назад. Аня, лежащая

на столе, и Миша, стоящий между ее ног. Спущенные штаны, рваные вздохи, Анькино постанывание, и хлюпающие хлопки...

Фу!

— Нет, нет, только не так, — испуганно говорю я, натягивая блузку на плечи, и когда это он успел ее снять.

— Ну, что такое, так все было хорошо, Света, — его голос недовольный, даже немного сердитый.

— Только не так, — умоляюще прошу я.

— Хорошо, — в его голосе слышится раздражение, но он соглашается со мной. — Давай поедem к тебе.

И мы мчимся через Москву, целуясь на каждом перекрестке. Его руки давно исследовали все мои закоулки, на мне уже не было трусиков, блузка бесстыдно была расстегнута и снят бюстгальтер.

А дальше началась вакханалия. Мы страстно целовались в лифте. В коридор моей съемной квартире мы раскидали нашу одежду, мы целовались и ласкали друг друга. А потом занимались сексом. Везде, где только нашли удобные плоскости.

Потом долго лежали и не могли уснуть. Говорили обо всем и ни о чём, просто говорили.

— Почему ты не захотела заняться сексом в моем кабинете? — вдруг спросил Алексей.

— Потому что, — и поведала ему историю измены Мишки.

— Понятно, он козёл, раз потерял такую девушку, как ты.

Так началась наша любовь с Алексеем. Через неделю он переехал ко мне жить. И по нашему подразделению поползли слухи о наших отношениях.

Глава восьмая

Наша совместная жизнь началась так внезапно и так непредсказуемо, как и наша любовь, что напоминает мне снежную лавину, скатившуюся с гор.

Просто однажды он приехал с чемоданом, позвонил в двери, а когда я открыла, вкатил чемодан в мою прихожую.

— Я хочу жить с тобой детка, — сказал он твердым голосом, и у меня в животе запорхали бабочки.

— Ммммм...

У меня не было слов. Мой красивый мужчина в моем доме, и теперь он только мой. И все Леночки, Людочки, Катеньки могут идти лесом. Он выбрал меня! В моей голове прыгали розовые пони и белые единорожки, в животе порхали бабочки. Римма говорила, что я зря так резко впустила его в свою жизнь, надо приглядеться друг другу, но мне было все равно. Я ожила впервые за четыре года.

Моя жизнь заиграла другими красками, меняя все вокруг.

— Светик, в холодильнике должны лежать только правильные продукты, — с этими словами из холодильника Алексей выбрасывает сладкие сырки и йогурты с сахаром, а за одним сладкие соки и газировки. — Еда должна быть полезной, а у тебя тут сплошной сахар.

Теперь у нас в холодильнике только овощи, фрукты, куриная грудка.

— Красное мясо — это источник холестерина, — и на выброс пошли мои отбивные и котлеты. — Молоко можно покупать только соевое или кокосовое, все остальное — это трансжиры.

Теперь я готовлю ему паровые котлетки из мяса индейки, варю куриную грудку и строгою салаты. А по утрам мы едим кашу на воде. Под запретом кофе, чай только утром.

— Светик, у тебя конечно замечательная фигура, но тебе надо подкачаться, а то уже ушки на бедрах появляются и целлюлит.

И я бегу записываться вместе с ним в фитнес зал. И вот уже пашу на тренировках, машу гантелями, тягаю железо. Бегаю на беговых дорожках до черных мушек перед глазами. Алексей приставил ко мне личного тренера Марго. Девушку размеров Шварценеггера, с такой же мускулатурой. Каждое занятие надо мной возвышается этот тестостероновый качок и орет: Жопу со скамейки подняла, ещё один подход! Оно мной недоволено.

Но я терплю, ведь любимый мужчина сказал, что так надо, значит так надо. Я ведь люблю своего мужчину.

Рим против моей новой жизни.

— Светка, заниматься надо тем, что тебе хочется, а не бегать за своим мужчиной.

— Ну что ты, Рим, у нас все вместе, он же тоже ходит туда, — оправдываюсь я.

— Он-то ходит, а вот зачем за собой тащит тебя? Тебе-то это интересно?

— Теперь интересно, — утвердительно машу головой, а душу грызут сомнения.

А грызут они меня с самого первого дня.

Я очень скучаю по кофе, поэтому бегаю к девчонкам в бухгалтерию, они покупают кофе на вынос и приносят в бумажных стаканчиках.

Терпеть не могу вареную курятину и капусту, но давлюсь и ем, ведь Алексей сказал, что так питаться правильно. Но зато у меня теперь подтянутая фигура, нигде нет жирка, нет жировых складочек. Ношу платья футляры в обтяжку.

Правда Алексей фыркает и ревнует.

— На тебя пялятся все мужики, и слюни пускают, — язвит он.

— Ну что ты, все же в курсе, что я твоя девушка.

— Это никогда мужику не мешало, мы все охотники, — надо было обратить мне на эти слова свое внимание, но я пропустила мимо ушей.

Гордо вышагиваю по отделам. И девушки с завистью смотрят мне в след.

Одна печаль. Наша сексуальная жизнь стала тише, реже, скромнее.

Я только вошла во вкус, мне стала нравиться необузданная страсть, сексуальные эксперименты, но Алексей говорит, что это надо оставить до выходных. На неделе он устает на работе, куча дел, а еще переговоры с партнерами и заседания директората. Он возвращается поздно, иногда только в полночь. Какой уж тут бурный секс. Хотя я не отказываю ему, даже если на работе у меня завал.

По вечерам звонит мама.

— Я у твоего отца отсудила все! Он с голой жопой от меня ушёл. А Ирка то наверное губу раскатала, ждала, что он ей на блюдечке с голубой каемочкой принесет новую квартиру. Фигу им! — орет мама, и представляю, как она показывает фигуру из трех пальцев кому-то невидимому.

— Мам, ну что ты опять начала.

— Не мамкай, вот как надо делать! Мужиков надо раздевать до нитки. Пусть теперь попробует со своей Ирочкой все опять заработать. Теперь живут в Иркиной однокомнатной хрущёвке, нищие, бомжи. Ушёл от меня с трусами и носками, пусть на старости лет наживет все снова!

Из мамы сочится яд. И я ее понимаю, все ж за плечами двадцать пять лет совместной жизни, которые пошли коту под хвост. И ей больно. Это только для вида она сейчас такая сильная и агрессивная, а по ночам плачет в подушку.

Не прошло и пяти минут, как после мамы мне звонит тетя Зоя.

— Представляешь, ну ты, конечно, не представляешь, тут такое на суде творилась, — сглатывая слова, тараторит тетя Зина. — Твой отец на заседании суда отказался от всей недвижимости!

— Мама сказала, что отсудила у него, — я ничего не понимаю.

— Нет! Он пришёл на суд по разделу имущества и от всего отказался, — возмущается тётя Зоя. — Вот ведь олух! А квартиру, между прочим, он от комбината получил, и садовый участок тоже.

— Тетя Зоя, это его решение, я ничего не могу сделать.

— Конечно, ты уже ничего не сделаешь, так этот дурак ей все накопления оставил, — возмущается тетя Зоя. — Представляешь, только машину свою забрал и гараж.

— Ну, значит, так тому и быть, — мне жалко и папу и маму. — Они ведь не дети, тетя, сами поди решат.

— Да что твой отец решить может, всю жизнь подкаблучником прожил, вот мать твоя его сына Костика в школе гнобит, а он только разводит руками, нюня, — сердится тётка.

— Как гнобит? Зачем? — я поражена до глубины души.

— Так жизни этому маленькому мальчику не дает, она их с Ирой со света сживёт. Ой, дурак твой отец, ой дурак...

На этой оптимистичной ноте тетка сбрасывает звонок.

А следом звонит отец.

— Привет, милая, — голос папы тих. — Тебе уже все курицы дозвонились?

Курицами отец называет родню по маминой линии и всех ее подруг.

— Тетя Зоя звонила, — подтверждаю я.

— А, значит, ты уже в курсе всех новостей.

— Пап, я в курсе...

— Я все оставил маме, квартира делится между тобой, Вадиком и мамой, а остальное мне не нужно, — голос папы тих и спокоен.

— Папа, а накопления ты зачем маме оставил?

— Знаешь, ей нужнее. Мы с Ирой продаем ее квартиру и сад, уезжаем жить в Екатеринбург. Прости, что сразу все тебе не рассказал.

— Как в Екатеринбург? Когда переезжаете? — новость сражает меня наповал, удивлению нет предела.

— Дочь, ну с твоей мамой сложно жить в одном городе, она тут такую войну развязала...

— Я понимаю тебя, папа.

— Ох, детка, тяжело мне, а тут предложили мне переехать в Екатеринбург, на одном военном заводе должность начальника цеха освободилась. Знакомый у меня там работал. Вот он и предложил. Иринку на этом же завод пристроил. Возьмём с Ирой ипотеку на квартиру, завод дает льготную. Начнем все с начала. Опять же Костику будет легче. В школе, где твоя мать завуч, его совсем затюкали.

Голос отца звучит все увереннее, даже нотки радости проскальзывают.

И я за него рада. Пусть в пятьдесят с хвостиком, но у него начинается новый этап жизни. И пусть в этой жизни у него будет все хорошо.

Он заслужил свою новую жизнь.

Глава девятая

Жизнь бежит своим чередом. Один день незаметно сменяет другой. Вот уже почти три месяца мы с Алексеем живем вместе.

— Милая, — он всегда разговор начинает первым. — Мне не нравится твоя подруга Римма.

— Почему?

— Она дает тебе плохие советы, а потом эти ее перепихоны со случайными мужиками, секс на одну ночь, так не поступают нормальные девушки.

— Но она взрослая женщина, это ее жизнь, она живет так, как ей удобно и нравится.

— Вот, ей так нравится, но мне не нравится, что она этому учит тебя.

— Но Рим никогда не навязывала мне свои взгляды.

— Она плохо на тебя влияет. И это имечко — Рим, оно мужское, у нее все нормально с ориентацией?

Не пойму, почему последнее время Алексея стала цеплять моя дружба с Риммой. И потом с ней мы уже четыре года вместе. И за это время я не переняла ее привычки, ее взгляды. Я жила своей жизнью, Римма своей. Но мы были подругами. И я изредка спрашивала у нее совета по тем вопросам, на которые не могла сама дать ответ. Рим всегда была неплохим психологом и хорошо разбиралась в людях. А что до ее личной жизни, то каждый живет так, как ему хочется. Так почему сейчас что-то должно поменяться.

Но Алексей настаивает. И стараюсь звонить Римме только тогда, когда его нет дома. Я боюсь потерять Римму, тот маленький круг поддержки, который помогает мне пройти все уровни квеста под названием «жизнь».

Я не понимаю, почему мой любимый мужчина и моя лучшая подруга не могут найти общий язык. Что мешает им хотя бы ради меня делать вид, что они общаются.

Вечером Алексей вновь задержался на переговорах, и мне звонит Римма.

— Ну, твой Аполлон опять на переговорах? — ехидно подмечает Рим, она уже в курсе, что я беру трубку только тогда, когда Алексея нет дома.

— Да, сегодня у него целый день переговоры, — констатирую я данный факт.

— Это точно переговоры?

— Ну, чего ты, Рим, начинаешь, переговоры, мы набрали кучу договор по субподрядам, теперь вот крутимся.

— Он, смотри, у тебя очень занятой мужчина...

Рим язвит, насмехается, старается по сильнее укунить Алексея. Не пойму, почему она стала такой ядовитой.

— А девушек он с собой на совещания берет? — вдруг задает она столь болезненный для меня вопрос.

Действительно, уже какой день подряд я не нахожу Милу на ее рабочем месте. Уезжает Алексей, с ним едет Мила. Я даже как-то задала ему вопрос. На что он мне ответил ехидно: Ревнуешь?

Мне действительно Мила неприятна. Еще в отделе продаж она чуть ли не на шею ему бросалась, из трусов выпрыгивала. Глазки строила. И не успел он пересест в кресло коммерческого директора, как Мила тут же вдруг возникла в новом амплуа — его секретаря.

И все бы ничего, если бы Мила на меня не смотрела ревнивым взглядом, не бегала бы за Алексеем. Но она не угомонилась. Ее даже не смущает, что мы живем вместе. Она пытается всеми силами посеять между нами раздор, вот только у нее это плохо получается, Алексей любит меня. Он выбрал меня из всех девушек. И мы с ним живем в любви и согласии.

Через час приходит Алексей. В замке поворачивается ключ, и я слышу, как мой любимый заходит домой. Бегу его встречать.

На столе уже стоит ужин. Он целует меня в висок, обнимает и прижимает к себе. Чувствую тепло его тела, нежные объятия, и все плохое вылетает из моей головы. Там опять прыгают розовые пони, а в животе порхают бабочки.

— Я тебе сегодня твои любимые тефтели сделала с брокколи, — шепчу ему на ушко, обнимая одной рукой, другой залезаю ему под рубашку.

— Ты молодец, я так устал и проголодался, — отвечает он, целую меня в макушку.

— Ммммммм, — мне приятно, по телу разливается тепло, и есть надежда, что сегодня у нас будет секс.

Мне последнее время так не хватает его объятий, поцелуев, безудержного, горячего секса. Работа стала занимать почти все его время.

И мы идем с ним на кухню. В этот момент мне звонит мама. Приходится, зажимая плечом телефон, разговаривать и одновременно раскладывать по тарелкам еду.

— Мама, у тебя что-то срочное? Мы только ужинать сели.

— Вот, для матери у тебя никогда нет времени, — я фыркаю в ответ. — У матери сердце о вас болит, а вы бесчувственные...

Мама лучший манипулятор в мире. Из любой ситуации вывернет так, что я буду виновата.

— Мам, давай по делу, у нас уже вечер, хочется поужинать и лечь спать.

Ну не говорить же маме, что еще хочется успеть заняться сексом с любимым мужчиной.

— Ты знаешь, что твой дурень отец взял ипотеку? — кричит мама в трубку.

— Знаю.

— Нет, ты ничего не понимаешь, ему уже пятьдесят, а если он умрет, вы с Владиком будете выплачивать ипотеку! Чтобы его манда...хорошо жила! — мама не стесняется в выражениях. — Нет, ты представляешь, они взяли в ипотеку трехкомнатную квартиру! С ума сошли! Где это видано, им и двушки бы хватило! Но нет! Они хотят шикарно жить!

— Мам, я все знаю, но это решение папы.

— Не перебивай мать! Я ему тыщу лет твердила. Что надо перебираться в Екатеринбург, там и город большой, и возможностей больше, так нет, не хотел. Как новая швабра у него появилась, так они подались в большой город, перебрались. Вот не сучка ли! Сучка ведь, как она им вертит!

— Мам, ты же сама им житья не давала, вот они и уехали, а тебе что мешает, продай квартиру и переберись тоже в Екатеринбург.

— Не суй нос не в свое дело, — кричит на меня мама. — Продай, продай...

— Мам, думаю, Владик тебе поможет, ты сможешь перебраться к нему поближе.

— Продай! Да мы всю жизнь на эту квартиру положили, сад, а теперь это все продать?

Мама кричит в трубку, и я даже слово вставить не могу. А потом она бросает трубку. И я знаю, что сейчас она будет звонить Владику и выносить мозг ему. Мне жаль его, но помочь я ничем не могу.

— Света, тебе надо ограничить свое общение с родителями, они очень токсичные у тебя, — Алексей говорит уверенно, как что-то уже решенное.

Только тогда с кем мне разговаривать?

А потом мои родители — это моя семья. Плохи ли они или хороши, это ничего не меняет, это мои родные люди.

Так хочется позвонить Римме и спросить у нее совета. Но не могу. И даю себе слово, что завтра с утра ее наберу. Она никогда не отказывает мне в помощи, даже если сильно занята.

На следующий день с утра забираю свой кофе в бухгалтерии, бегу в подсобку, чтобы Алексей не уличил меня в потреблении вредных напитков, и набираю Римму.

Коротко обрисовываю ей ситуацию.

— Светик, устрой маме отпуск, купи ей путевку в санаторий, а еще лучше — на круизный лайнер дней так на четырнадцать. Ее надо взбодрить, дать ей новых эмоций, а то она там в своей деревне варится в сплетнях, чужих пересудах. Ей надо сменить обстановку. Хочешь, я посмотрю что-нибудь подходящее?

И я соглашаюсь.

Теперь главное уговорить маму!

После обеда мне приходит звонок с неизвестного мне номера...

Глава десятая

В обед мне на работу позвонила соседка, чья квартира этажом ниже квартиры Алексея.

Было странно, что у Алексея была своя квартира, но мы там не жили. В начале нашей совместной жизни я приходила туда с ним несколько раз, но потом Алексей сказал, что собрался там делать ремонт. И мы стали жить у меня. И почему то это не вызывало у меня вопросов.

И вот неожиданно до меня дозвонилась его соседка.

— Деточка, у меня с потолка капает, вы меня заливаете, до Алексея дозвониться не могу, он трубку не берет, решите проблему, — строгим голосом вещает Антонина Петровна.

— Я не могу сейчас приехать, у меня рабочий день, Алексей, наверное, на совещание. Вечером съездим и проверим, — пытаюсь отмахнуться от назойливой старушки.

— Милочка, я вызываю сантехников, и они взломают вам двери, я не хочу снова ремонта, вы и так меня последнее время часто заливаете, — ворчит бабулька.

— Хорошо, я постараюсь решить эту проблему.

— Немедленно, милочка.

— Хорошо, я сейчас отпущусь и приеду.

Бегу к своему начальнику, описываю ситуацию, отпрашиваюсь. Пока спускалась, вызвала себе такси. И вот я уже лечу к себе домой, запасные ключи лежат где-то в недрах стола Алексея. Он не любит, когда я касаюсь его вещей, но тут уже ничего не поделаешь. Старушка упертая, может и заставить слесарей сломать нам замки.

И снова такси, я лечу к Алексею домой, по дороге пытаюсь его набрать, но он недоступен. Переживаю, сейчас надо как то объяснить ему, зачем я его беспокою, он сердится, когда ему мешают на переговорах. Делать нечего, забегаю в подъезд и бегу напрямик в квартиру к неугомонной старушке. Старушкой эту даму можно назвать только с натяжкой. Меня встречает Антонина Петровна в шелковом с экзотическими птицами халате, с чашкой кофе в руках. Она при параде, прическа, макияж, даже тапочки ее выполнены в виде туфелек, только бархатных с опушкой. Недаром Алексей ее называл «Императрица».

Она ведет меня в огромную ванную комнату и тычет пальчиком с изящным маникюром в потолок, там действительно несколько капелек. Не понятно, что это конденсат или действительно где-то подтекает.

Я обещаю разобраться и иду к дверям квартиры.

Алексей не разрешает мне приходить сюда, но до него не дозвониться, а Антонина

Петровна вынесет все мозги.

Поворачиваю ключ в замочной скважине и открываю дверь.

В глаза сразу бросилась тряпка, что валялась посреди кристально чистого коридора. Только присмотревшись, я поняла, что это скинутое с чьего-то плеча пальто. Тут же валялись женские батальоны на высокой шпильке. Странно, может, Алексей сдал кому-то квартиру, а мне об этом не сказал.

В дальней комнате, где у Алексея когда-то была спальня, слышались голоса, и я пошла на голос. Не знаю почему, но я открыла дверь, даже не постучавшись.

Меня накрыло дежавю...

Посреди огромной кровати на четвереньках стояла голая Мила, а мой любимый Алексей, пристроившись к ней сзади, вколачивал в нее. Их движения были ритмичны, Милочка подвывала, и кричала: Быстрее, еще быстрее, глубже, ооооо, ты такой гигант, мне так нравится...

А Алексей ей вторил: Счассссс, счассссс, ооооо...

А я стояла на пороге комнаты, как соляной столб, не зная, что делать.

Почувствовав мой взгляд, Алексей остановил свои движения и уставился на меня, затем рывкнул: Света, выйди, и подожди меня в гостиной.

От испуга я подпрыгнула, захлопнула дверь, и, втянув голову в плечи, посеменила в гостиную. В моей голове было пусто, так пусто, что казалось, брось туда хоть какую-либо мысль, она будет перекатываться как шарик в пустом помещении из угла в угол...

Я села на диван, и уставилась пустым взглядом в пол. Мой взгляд скользит по паркету, по новому персидскому ковру с длинным ворсом, странно, в прошлый раз его здесь не было. В напольной вазе стоял букет из роз с почти метровыми стеблями, на столике при диване в ведерке со льдом бутылка шампанского, рядом вазочка с клубникой. Это смотрелось пошло и убого, как в плохом порнографическом фильме.

Место для свиданий.

Я вижу в проеме, как Милка, завернувшись в простыню, проскальзывает в ванную, слышу шум воды. Из спальни выходит Алексей в дорогом шелковом халате, в руках у него бокал с коньяком. Он опускается в кресло напротив меня, заслоняя собой проем, вальяжно перекидывает ногу на ногу, побалтывая в бокале коньяк. Мне приходится смотреть в глаза предателю.

— Мы с тобой интеллигентные люди, Лана, — не люблю, когда он так меня называет, имя пафосное и чуждое мне.

— Я — Светлана! — говорю ему.

— Как хочешь, так вот, Светочка, люди мы интеллигентные, поэтому давай решим мирно, без скандалов.

— Что решим?

— Я мужчина, а все мужчины по своей натуре завоеватели, сама понимаешь, мы пытаемся завоевать всех самок вокруг. Я тот мужчина, которому надо иногда давать свободу, в этом нет ничего страшного. В подоле от меня никто не принесет, я предохраняюсь, на твое место тоже никого не возьму, ты меня всем устраиваешь.

Видишь ли, устраиваю я его, кто меня спросил, устраивает ли это меня.

— Я сложу в чемодан твои вещи, можешь приехать и забрать, — говорю тихо, стараюсь произнести это отстраненно, холодно и спокойно, но мой голос предательски дрожит.

— Давай, дорогая, без сцен, вечером обо всем поговорим, и еще раз обсудим, — лицо у

Алексея становится кислым, на его лице кривая улыбка, то, что я сказала, ему явно не по душе.

— Нам нечего больше обсуждать, вещи забери, сегодня уже можешь съехать.

— Дорогая, давай без скандалов, не делай поспешных выводов, не возможно потом будет что-то поправить.

— А уже ничего не исправишь, я тебя предупреждала, что измен не потерплю, — я встаю, поправляю на себе костюм и делаю шаг в сторону выхода.

— Ты же потом год рыдать по мне будешь, сто раз об этом пожалеешь, — бросает вслед мне Алексей.

Но я уже перечеркнула наши отношения жирной чертой. Предавший раз, предаст и второй раз, а в моей жизни нет места предателям!

Проходя коридор, я столкнулась с Милкой, та как будто ждала меня, чтобы триумфально выйти из ванны. Она посмотрела на меня взглядом победительницы. В ее глазах плескалось презрение, она вырвала из моих рук заветный трофей, так и читалось в ее глазах «урвала таки я твоего мужика», обскакала соперницу. Только вот что это за мужик, Милка была не в курсе.

Печатаю шаг, я покинула дом Алексея навсегда, ключи от его квартиры бросила ему на тумбочку, перед зеркалом.

Все, я закрыла эту страницу своей жизни.

Вызываю такси.

Сажусь в машину. Все делаю на автомате. В голове пусто. На душе кошки скребут. Ведь дала себе зарок, что ни одного мужика в моей жизни не будет. И так опростоволосилась. Все повторилась.

Набираю Римму, а по щекам уже текут слезы.

— Рим, есть минутка?

— Ты что, плачешь?

— Рим, я его застала с Милой...

И я пересказываю Римме весь тот порнографический ужас, что увидела в квартире Алексея.

— Ох, девочка моя, я не знала, как тебе все рассказать. Ко мне твой Алексей тоже клеился. Хотел быстрого секса. Я его послала.

— Когда?

— Да, почти сразу, как вы стали вместе жить.

— Вот скотина!

— Пойми, Светик, это не мужик, это кобель!

— А я думала, что со мной что-то не так, что наталкиваюсь все время на измену.

— Светик, не бери в голову, просто ты снова подцепила кобеля. Ты для него была просто удобная, покладистая, влюбленная в него дурочка. Хорошо, что у тебя открылись глаза на него вовремя.

Глава одиннадцатая

Дома, не раздеваясь, прохожу к шкафам в спальне, достаю чемоданы, с которыми переехал ко мне Алексей, и начинаю вынимать из шкафов его одежду. Сначала аккуратно раскладываю ее по чемоданам, ведь он любит порядок. И тут меня накрывает, почему я должна что-то там аккуратно раскладывать, зачем мне это нужно...

Вываливаю все его одежду из шкафа и тупо утрамбовываю ее в чемодан. Вот пусть Милочка и наглаживает ему сорочки своими ручками с дорогим маникюром.

Место не хватает. И тогда я достаю большую клеенчатую сумку, с такими сумками раньше ездили челночники в Турцию, вываливаю туда остатки его барахла. Теперь на очереди был письменный стол. Когда-то это был мой стол, но с появлением в моей квартире Алексея, он его оккупировал. Теперь я не могла даже заглядывать в него, мне запрещалось перебирать его вещи, а часть отделений была закрыта на ключ.

С каким-то остервенением я начала выкидывать все вещи из стола в коробку из-под обуви. Закрытые на ключ отделения, я просто вырвала, плевать на сломанные замки, с этого дня я живу одна. В одном из углов ящика, который раньше был закрыт, наткнулась на маленькую записную книжку, а открыв ее, пришла в ужас. Там были десятки телефонов женщин с весьма шокирующими комментариями: Людочка- минет, Маргарита — секс троєм, Ангелина — повелительница, Анжела — садо-мазо ...

Как она раньше не замечала таких наклонностей у Алексея, почему покорно доверяла всему, что он мне говорил. Почему верила, что задерживается он на деловых переговорах, а вечером у него деловые ужины с партнерами. А пахнет от него духами, потому что партнер притащил с собой какую то бабу. Верила всему, я была слепой!

Это было не в первый раз, и даже не во второй. Он всегда был таким, просто умело скрывал, лгал, пользовался мной, как кухаркой, домработницей, своей помощницей, а отрывался на стороне. Только сейчас до меня дошло, что женщиной рядом с ним никогда себя не чувствовала, я забыла что это такое.

Выкинув из стола все его вещи, вытащила чемоданы и сумку в коридор, поближе к дверям.

Только сейчас я заметила, как много место в моей жизни он занимал, шкафы без его вещей опустели, внутренности письменного стола были безжалостно выпотрошены. Сразу стало как-то неуютно и голо, вроде как отрезала часть своей души, и рассовала по тем чемоданам и котомкам.

Я пошла на кухню.

Устало села на высокий барный стул, машинально включила чайник, достала кружку и пакет с кофе. На пакете прочитала красочную надпись «Кофе без кофеина». Сижу, тупо пялюсь на эту надпись. Я никогда не пила раньше кофе без кофеина, считала это глупостью, но после того как в мою жизнь вошел Алексей и его идея о правильном питании, все изменилось. Мы стали питаться только так, как хотелось ему. Я не могла покупать то, что мне нравилось, даже побаловать себя. Готовила я тоже только так, как было нужно ему. Вся моя жизнь перевернулась, я забыла себя, был только он и ничего более.

С омерзением выкидываю в мусорное ведро эту пачку. Встаю и начинаю рыскать в недрах шкафа, и вот на мою удачу нахожу заныканную пачку хорошего кофе. Достаю турку, и варю себе тот кофе, какой любила всегда.

Кухню заполняет аромат сваренного божественного напитка, я вдыхаю его полными легкими. Мои ноздри подрагивают от дивного аромата, даже, кажется, что этот запах вытравливает из уголков квартиры все запахи и само присутствие Алексея.

Пью долго, с наслаждением, ощущая кофе всеми вкусовыми сосочками, смакуя каждый глоточек.

Я вновь оживаю.

Словно растение в старом потрескавшемся горшке, что забыли, задвинули в дальний

угол и не полили, а он давно сбросил увядший цветок, загнул пожелтевшие листики и приготовился умирать. Вдруг над ним разверзся благословенный дождь. И цветок обрел второе дыхание, выпустил новые листочки, заложил свежие бутончики...

Поздно вечером раздается звонок в дверь. Я иду в коридор и открываю даже не глядя в глазок, я точно знаю кто там. На пороге, переминаясь с ноги на ногу, стоят Алексей с Милой. Молча выкатываю им два чемодана и сумку и закрываю двери. В последний миг Алексей ловко вставляет ногу в щель и не дает мне закрыть ее полностью.

— Что еще?

— Мне надо из твоей квартиры кое-что забрать.

— Если ты о своих записных книжках со списком любовниц, то все лежит в обувной коробке...

— У меня было еще кое-что, у меня были деньги отложены.

— Это компенсация мне, за моральный ущерб.

На самом деле мы откладывали часть моей зарплаты, так что Алексей к этим деньгам отношения не имел.

— Я их все равно заберу, — Алексей пытается оттеснить меня и ввалиться в квартиру.

И я со всей дури бью его под коленку ногой. От неожиданности Алексей отдергивает ногу и сгибается от боли, подтягивая ушибленную коленку к себе рукой. В этот момент я пытаюсь закрыть двери, но тут в атаку бросается Мила, упираясь в двери ладонями. От себя не ожидала такой смелости, но я вдруг резко распахиваю двери и бью кулаком прямо Миле в глаз. Поверженная соперница хватается за глаз рукой и орет.

Я захлопываю дверь и закрываю внутреннюю защелку.

Бывший начинает блажить и бить в дверь ногами. На шум появилась управительница всего дома баба Маня. Пригрозив вызвать полицию, она выгнала парочку на улицу.

А я оседаю возле двери. Адреналин выходит, и я напоминаю сдувшийся шарик. Руки мелко трясутся, и болят костяшки пальцев, видимо, Миле я зарядила сильно.

Ночь сижу, сна ни в одном глазу.

Пялюсь на тени, что бегут по стене. Забыла задернуть шторы. Но мне лень двигаться. Сил нет.

Утром звоню начальнику и отпрашиваюсь у него на два дня, якобы я не очень хорошо себя чувствую, может вирус подхватила. Мой начальник — душка, он предлагает мне поработать денек другой дома, и я с удовольствием соглашаюсь.

Как представлю, что теперь весь офис будет обсуждать наше расставание с Алексеем, так мне становится дурно, этот шёпот за спиной, эти выразительные взгляды. Все это я проходила в своем маленьком городке. Здесь все также. Все молоденькие сотрудницы поголовно будут отслеживать каждым мой шаг, будет придумано множество версий, что там происходит между нами. А уж додумать могут все что угодно. Потом это, сидя в курилке, кулуарно обсуждать и обсасывать, разговоров точно хватит на полгода.

Поэтому я решила первую бурю пережить дома, благо моего присутствия на работе не требовалось, а проверить договора я и дома могла.

Следующий день я начала со звонка в службу «Муж на час», надо было установить новые замки. И пока добрый дядечка возится с моими замками, я достаю тряпки, ведра, чистящие средства и делаю генеральную уборку в доме.

От моего когда-то ненаглядного не должно остаться ничего, даже его запах должен быть развеян.

И я тру, мою, стираю. К концу дня квартира блестит чистотой. Приятный свежий аромат цитрусовых и хвойных. Мне остается только вынести четыре мешка мусора. Да сходить в магазин, закупить продукты. Так как из холодильника я выбросила все, что так любил Алексей.

И как была в домашнем рабочем комбинезоне, так и вышла на улицу.

Иду мимо витрины и ужасаюсь. Мало того, что комбинезон слишком откровенно очертил мои аппетитные формы, так еще и на голове бедлам. Русые кудри стоят дыбом, похоже, в них запугались куски паутины. Под глазами черные круги от недосыпа. Ох и красotka!

Но первый встречный парень мне подмигивает.

А в магазине другой делает комплимент.

Я возвращаюсь домой и на лестничной площадке сталкиваюсь с Алексеем. Он выглядит не лучше. Рубашка помята, под глазами мешки, как у алкоголика после недельного запоя, он небрит, костюм не почищен, со следами вчерашнего падения на грязный подъездный пол.

— Ты! Ты поменяла замки! — рычит Алексей, грозно надвигаясь на меня.

— Конечно, поменяла, чтобы всякие мудаки по моей квартире не шастали, — язвительно отвечаю ему.

— Отдай мои деньги! — орет на меня Алексей, глаза его вылезают из орбит, губы трясутся. Один его вид может привести в ужас. Но мне бояться нечего.

— Это мои деньги, ты случайно ничего не попутал?

— Я тебя содержал, так что имею права на эти деньги, — снова рычит Алексей, пытаюсь схватить меня за ворот комбинезона, но я ловко изворачиваюсь.

— Не смейся, мы все расходы делили напополам, так что свои претензии засунь себе...

— Отдай деньги...

Я ловко обхожу Алексея, бегу наверх и пытаюсь быстро открыть дверь. Но замки новые, и я не сразу попадаю ключом в замочную скважину. А он успевает настичь меня.

Где я только смелости набралась. Но я сражаюсь до последнего, пытаюсь отстоять дверь, как будто это дверь в волшебное царство, куда нельзя пускать злого волшебника.

Но я дерусь с Алексеем. На мой крик прибегает баба Маня.

— Помогите, грабитель напал, — орет, не разобравшись, моя соседка и вцепляется руками в волосы Алексея. Теперь его бьют две женщины. И не понятно, кто страшнее.

Алексей пытается вырваться из рук бабы Мани и получает когтями по лицу. И все-таки мужчина сильнее нас. С разорванным воротником рубашки, исцарапанный, с синяком на скуле, он вырывается из наших рук. Сбегаёт на нижнюю площадку и издали, с безопасного расстояния, грозит мне кулаком.

— Ты еще пожалеешь, я отомщу, кровавыми слезами умоешься...

Он убегает, а баба Маня поворачивается ко мне и смотрит удивленно.

— Это что? Это твой что ли? А чо ты с ним дралась?

— Ой, баба Маня, подлец он, пришла домой не вовремя, а там он...

— Изменил чо ли?

— Ага...

— Вот козлина! Такой красавице изменяет, куда настоящие мужики подевались.

Глава двенадцатая

Мое появление на работе было триумфальным, его не заметил только ленивый. Косые взгляды, шушуканье за спиной — это то малое, что происходило вокруг моей персоны. Даже

Артемка, что стоит на вахте внимательно осматрел меня с ног до головы, словно видел впервые.

Пока поднималась к лифтам, девушки из отдела снабжения просто голову свернули, с интересом разглядывая меня, можно подумать раньше они меня не видели. У лифтов по утрам всегда скапливается толпа народа. Иногда приходится минут по пятнадцать ждать, когда приедет вниз очередная кабинка. Вот и сейчас уже скопилось прилично народа, все стоят в ожидании, перетирая сплетни. Поэтому быстро миную фойе, и вбегаю на лестницу, уж лучше подняться на пятый этаж пешком, чем терпеть на себе пристальное внимание барышень с нашего отдела.

В коридор народу не так много, разве возле кулеров стайка молодых девочек обсуждает свой последний поход в ночной клуб. Но только на горизонте появилась я, как все резко замолчали, уставившись круглыми глазенками на меня, словно я редкий зверь или экзотический экспонат.

Рабочий день начинается как обычно. Куча бумаг. Все проверить, разложить по папкам, подготовить документы для босса.

Но в обед меня вызывает к себе генеральный директор. Прошлый наш гендир Александр Григорьевич был правильным мужиком, людей на фирме держал в кулаке, послабления никому не давал, но тех, кто был умный и работоспособный, продвигал. Так и я за несколько лет безупречной службы и свои профессиональные знания продвинулась по служебной лестнице. И сейчас уже месяц шёл разговор о том, чтобы меня перевести на ставку юриста. Мой руководитель старший Юрист Александр Ильич был не против и всячески подчеркивал мой профессионализм.

Но последнее время генеральный сильно сдал, у него был микроинсульт, довольно долго он пролежал в больнице, потом реабилитация, и на некоторое время он отошел от дел. Его заместил сын. Молодой, зеленый, во многом не компетентный, вот тогда и продвинули Алексея на должность коммерческого. Поэтому сейчас меня вызывает к себе Сергей Александрович, сын нашего генерального.

— Здравствуйте, Светлана Валериевна, рад вас видеть в добром здравии, — мой директор как всегда галантен, даже встает из кресла, подходит и пожимает пальчики.

— Доброе утро Сергей Александрович.

— Слышал, вы немного приболели.

— Да, несколько устала, — ну не могла же я сказать ему, что не хочу видеть своего бывшего.

— Вот об этом я и хотел с вами переговорить. Не хочу ходить вокруг да около, как раз и хочу вам предложить новое место, где нагрузка будет меньше, вы поправите свое здоровье... — от неожиданности у меня челюсть отпала.

Какое место, мне и на моем месте хорошо!

— В Подольске у нас сейчас несколько объектов, там нужен грамотный юрист, договоров много, но не так как здесь, вот и поработаешь там, немного отдохнешь, придешь в себя...

— Вы меня ссылаете?

— Ну почему сразу ссылаю? Там работы меньше, да и город там хороший, чистый, спокойный, поможем квартиру снять на время работы.

— Там оклад меньше в два раза, чем у меня.

— Ну, мы тебе премией частично компенсируем.

— А как же мое место здесь?

— Временно на твоём месте поработает Людмила Иванова.

— Я не поеду в Подольск.

— Вы мне очень нужны там, Светлана Валериевна.

— Вам я там не нужна, там свой юрист прекрасно справляется, ещё один не нужен, вас Алексей попросил на мое место Милу поставить.

— Ну что вы такое говорите, Светлана Валерьевна.

Мой директор врет, он отводит глаза в сторону и тяжело вздыхает. Я поняла, что попала в точку. Алексей мстил мне! И пока меня не было на работе, он Милку продвинул на мое место, а меня отправил в ссылку. Больше всего меня удивил директор, он как никто другой знал профессиональные навыки своих сотрудников. Милка закончила факультет «Юрист, менеджер, бухгалтер» в каком-то техникуме в глубинке России. Хотя теперь я очень сомневаюсь, что она что-то закончила, возможно, купила свой диплом. Ее дальше проверки орфографии и пунктуации в документах не пускали, секретарем работать она еще могла, но ... пойти даже младшим юристом надо иметь знания. Что-то тут не чисто...

— Знаете что, Сергей Александрович, я увольняюсь, заявление напишу прямо сейчас, договора у меня все закрыты, так что отрабатывать смысла не вижу.

— Светлана, вы хороший специалист, подумайте хорошенько, мы вас ценим.

— Нет, не цените, — я развернулась на каблуках и, печатая шаг, вышла из кабинета.

Через полчаса, положив на стол секретарю директора заявление, я пошла собирать свои вещи.

За моим столом уже сидела Милка. Подбитый в бою со мной глаз был сильно заретуширован тональником, от чего ее лицо выглядело как маска. Она что-то усиленно искала в моем столе.

— Что ищем, клада там нет, — рявкнула я.

— Ой, извини, я думала, ты забрала уже свои вещи, — юлит Мила.

— Думать надо иногда головой, а не другим местом, Людмила, — Милка быстро соскочила с моего кресла и опасно отошла в сторону.

Да, тут моя территория, можно и под второй глаз схлопотать.

Глупая Милка даже не догадывалась, что в столе я ничего не храню, ну кроме письменных принадлежностей, все свои записи ношу с собой.

Я села за свой стол, рука привычно погладила ровную поверхность, не пылинки, на столе только самое необходимое.

Собирать особо было нечего, просто хотелось посидеть на своем привычном месте, удобное кожаное кресло с деревянными подлокотниками, стол большой и глубокий, можно скинуть туфли и вытянуть ноги, никто не заметит. Протяни руку, рядом стеллаж, уставленный папками с договорами, стеклянные перегородки прикрыты жалюзи. Здесь всегда тихо, солнечно, окна почти до пола. Здесь было хорошо работать.

Мои мысли прервал внезапный визит. Широко шагая вошел Алексей.

— Я не понял, Света, что за демарш, зачем писать заявление? Из-за тебя я получил нагоняй от генерального, — мой бывший недоволен, немного растрепан и зол.

— А затем, милый, что меня не интересует работа в Подольске. Решил теплое место любовнице дать, пожалуйста, только не заставляй меня на это смотреть, не хочу.

— Света, работа в Подольске временная, закончим строительство, переберёшься обратно в офис, — он оперся о стол руками и нависает надо мной.

— Я все сказала, я больше тут не работаю!

— А ты больше не у кого работать не будешь юристом, уйдешь от нас, я сделаю так, что тебя никто на работу не возьмет. Поедешь обратно к себе за Урал, ты поняла, — Алексей угрожающе нависает, в его глазах темнота.

Ой, Света, ты совсем этого мужчину не знала.

— Какая же я была слепая! А ты просто ублюдок, мерзкий тип, только трус может запугивать женщину, — рычу в ответ, думал, напугает, я подожду хвост и соглашусь. Накось, выкуси!

— Еще слово, и ты у меня без расчета вылетишь отсюда, еще и по статье уволю!

— Ты не просто трус, ты — негодяй, надо было директору на тебя глаза открыть, кого он взял коммерческим директором!

Лицо Алексея пошло пятнами, глаза вылезли из орбит, в них такая ярость, такое пламя, была бы я бумагой — сгорела бы за пять секунд. Если бы мы были не на работе, наверно, он меня ударил. Он еле сдерживает себя, кулаки его сжимаются и разжимаются, на шее взбухли вены. Он стоит и смотрит злыми глазами на меня, но тронуть боится. Мы несколько минут меряемся злыми взглядами, потом он убегает, громко хлопнув дверью кабинета. И бормочет: Мы еще посмотрим кто кого...

После обеда возвращается с судебного заседания Александр Ильич.

— Светлана, что я узнал, вы уходите? Почему?

— Потому что не хочу быть пешкой в чужой игре, — твердо говорю я, не знаю, замешан ли в этой игре Александр Ильич, но не дам собой манипулировать.

— Светлана Валерьевна, но вам предложили перейти юристом в наше подразделение в Подольске.

— Александр Ильич, там есть юрист, она уйдет на несколько месяцев в декрет, но не собирается задерживаться, не надо из меня делать пешку в чьей-то игре. Здесь уже открыта вакансия юриста, вы обещали это место мне.

— Так и будет, это место ваше.

— Тогда почему на это место переводят Людмилу Ивановну? У нее диплом техникума из Мухосранска, да и существует ли этот техникум, еще большой вопрос.

— Нет, Светлана, это место будет вашим, вот вы вернетесь из Подольска...

Я не дослушала измышления Александра Ильича, видимо он такая же пешка в игре Алексея, как и я.

Получив расчёт и трудовую книжку, я вышла из офиса. В голове был сумбур. Как жить дальше? Действительно ли Алексей пойдет на такую подлость, что уговорит не брать меня на работу?

Конечно, у меня были средства. Те деньги, которые так старался забрать Алексей из моего дома, а еще пара счетов в разных банках. Я копила первоначальный взнос по ипотеке. Не хотела брать большую сумму, тем более, что зарплата была хорошая, а я не была транжиркой.

И сейчас эти деньги могут меня продержат на плаву. Вот только мечта о квартире опять отодвигается на неопределенное время.

Я набрала Римму. Моя подруга всегда меня поддерживала, и на этот раз выслушала.

— А тебе не кажется, что тут все как-то туманно? — спросила меня Римма, после того, как я ей все рассказала. — У твоего Алексея большие проблемы с деньгами?

— Нет, у него огромная зарплата, у него в этом плане всегда было хорошо, — удивленно

отвечаю ей.

— Нет, мне кажется, он мутит какие-то странные схемы...

И я задумалась. А ведь действительно Алексей последнее время просматривал мой реестр договоров и интересовался некоторыми. Зачем это было ему?

— Ты вот задумайся, — говорит мне Римма. — Если бы он попросил тебя о некоторой конфиденциальной информации, ты бы выложила ему?

— Нет, почему я должна раскрывать секреты, а если ему нужна какая-то информация, то он может запросить ее через официальные каналы.

— А если она ему нужна так, чтобы никто об этом не знал?

— Я не задумывалась об этом?

— А ты подумай...

Глава тринадцатая

Мы сидим с Рим в моей маленькой двушке. Решили отметить мой развод с Алексеем.

Рим расположилась на диване с бокалом красного вина. Она грациозно закинула свои длинные ноги на приставной пуфик и вещает, жестикулируя бокалом.

— Светик, если тебя попадают козлы, то это не значит, что с тобой что-то не так, это значит, что в природе развелось слишком много козлов.

Рим корчит рожицу, делая пальчиками рожки в воздухе, и машет бокалом.

— Козлы всегда ищут добрых и бескорыстных девушек.

— Ты хотела сказать бесхребетных.

— Светик, если бы ты была бесхребетная, то продолжила бы терпеть его выходки, а ты его послала сразу и бесповоротно.

— Я не прощаю предательств.

— У тебя правильное позитивное мышление.

— Если я все делаю правильно, то почему второй раз мне попался урод, который считает, что можно ходить от меня налево.

— Светик, надо было ходить на свидания, не закрываться, не прятаться от жизни в работе. Жизнь бьет ключом, а ты все в работе и в работе. Где ты могла найти нормального мужчину? Ну, где?

— Не знаю, наверное мне сложно найти мужчину, как представляю того со спущенными штанами, так все...

— Поверь мне, не все мужчины козлы, а у меня опыт большой.

Римма тряхнула своей гривой. Мы с ней разные. Я белокурая блондинка с голубыми глазами. А Рим — жгучая, кареглазая брюнетка. В ней намешено столько восточных кровей, что она даже не может точно определиться со своей национальностью.

— Ты умница, — льет мне в уши Рим. — Ты отстояла свои интересы. Ты не простила предателя, ты сильная женщина.

Сильная? Нет! Я слабая, как амeba. Не умею быть такой сильной, как Рим. Она вырвалась из рук своих родителей, сумела сохранить свою независимость, а это ой, как трудно, имея восточного склада родителей, в нарушении всех традиций и устоев. Они устали от ее демаршей, непокорности и дали ей небольшой капитал. С этим Римма переехала в Москву и открыла здесь свой бизнес. В тот год, когда мы познакомились, Рим открыла первую комнату для развития детей. Это был закуток в торговом центре. Но она упорно работала, и через год сняла помещение и расширила свой бизнес. А когда очередной ее любовник сказал, что в Москве на этом денег не заработаешь и предложил ей развивать два

его магазина. Она послала его, взяла кредит и открыла дополнительный офис, набрала людей и стала заниматься подготовкой детей к ЕГЭ, открыла языковые курсы. Ее дела пошли в гору. Даже родители это признали. Рим — сильная женщина, и мне до нее далеко.

— Ты сильная, а я...

— Сильная? А ты знаешь, как я стала сильной?

— Ты не рассказывала ничего о своем прошлом.

— Хмммм, да, я тоже боюсь поднимать эту тему. Мне до сих пор больно.

Никогда бы не подумала, что Рим — сильная, гордая, самодостаточная могла когда-то в молодости пострадать от мужской измены.

— Это было очень давно, я жила в Казани с родителями, только окончила школу с золотой медалью, у меня вся жизнь была впереди.

Рим задумалась на миг, ее взор затуманился. Потом она тряхнула головой и продолжила рассказ.

— Мои родители вдруг решили выдать меня замуж. Хотя я хотела поступить в институт, получить профессию, и лишь потом подумать о замужестве. Но папа с мамой решили иначе. У папы появился новый знакомый бизнесмен, не женатый. И его привели знакомиться со мной. Красивый мужчина, на десять лет меня старше, язык хорошо подвешен, он смог вскружить мне голову. И я дала согласие. Мы уже начали готовиться к свадьбе, и он меня соблазнил. Он поступил некрасиво, у нас так не принято. И только потом мне стало ясно почему. Моим родителям он выставил меня не в благовидном свете, сказав, что я даже не девственница, и он разрывает помолвку. Родители были в ужасе, но встали на его сторону. Я оказалась виноватой. Мало того, он пустил слух по нашим знакомым, что я веду разгульный образ жизни.

— Ох, Рим, как это ужасно...

— Для моих родителей это было очень большим ударом. Они выделили мне деньги и выслали из дома. И только потом стала понятно, почему мой жених так поступил со мной. Мои родители были чиновники, моя семья обеспеченной, но не слишком богатой. А он нашел невесту побогаче, из семьи очень крутого бизнесмена. Но просто так разорвать помолвку — это выставить себя в невыгодном свете. У нас очень цениться репутация.

— Какой подлец! — невольно вырвалось у меня.

— Да, он подлец! Но у меня все сложилось хорошо. Я поступила в университет, благодаря своей золотой медали, на бюджет. Денег, что выделили родители, мне хватило и на съём жилья и на питание. Так что я оказалась в плюсе. Но подлость, что устроил мой жених, я не забыла. И со второго курса начала подрабатывать, чтобы накопить на хорошего частного детектива. Сыщик мне нарыл много интересной информации. Оказалась, что у моего жениха «развесистые рога», а у его новой богатой невесты (теперь уже жены) было рыльце в пушку. Перед свадьбой она сделала гименоластику (восстановила себе девственную плеву), у нее был любовник, и она продолжала изменять своему мужу. Вот это все я подкинула своему бывшему женишку. Такой был скандал на всю Казань. Мой женишок побежал делать ДНК экспертизу, и выяснилось, что сына он растит не своего. А его рога просто упираются в небо.

Рим зло засмеялась.

— Больше всего меня радует, что тесть не разрешил ему с его дочерью развестись. Или живёшь, или идешь лесом без бизнеса. Мой женишок выбрал бизнес. Так и живут они, как кошка с собакой, скандалят, не спят вместе, изменяют друг другу. Я еще год получала отчеты

от своего сыщика. А потом плюнула на все это. Месть моя удалась!

— Ты так спокойно об этом говоришь?

— Пойми, Свет, чем дальше ты от точки события, тем сильнее меняется твой взгляд на него. Теперь я даже рада, что так все произошло.

— Но это же ничего не поменяло?

— Ещё как поменяло! Выйди я за него замуж, могла бы не получить профессию, рожать бы ему детей, а он бы все равно меня в какой-то момент предал бы. Так я увидела, что это за человек. Изменила свою судьбу. Обрела свое счастье.

— Но он же поссорил тебя с родителями?

— Родители через некоторое время сами поняли, что были не правы и попросили у меня прощение.

— И ты их простила?

— Конечно, они же родители. Но сразу поставила условие, что теперь живу, как хочу. Они не лезут ко мне. Мы до сих пор часто ссоримся, миримся, но они поддерживают меня во всех начинаниях. Ведь даже мой брат не смог построить свой бизнес, как построила я свой.

— А что твой жених.

— Однажды я приехала в Казань к родителям, и случайно с ним встретились в торговом центре. Я прямо спросила, как ему понравился мой подарок, он обозвал меня стервой. И мне понравилось это. Теперь я со всеми стерва.

— Рим, ты так не построишь ни с кем семью.

— А я и не хочу семьи. С восточным мужчиной у меня точно ничего не получится, там не любят самодостаточных женщин, жена лишь тень мужчины. Это не для меня. А русского не примет моя семья. Да и не вижу я ни одного интересного мужика рядом с собой.

Мы не успеваем закончить с Риммой разговор, как звонит моя мама.

По настоянию Риммы я таки купила ей девятидневный тур по Волге на теплоходе.

— Светочка, у меня проблема! — чуть не плачет мама в трубку.

— Какая, мам? — какая у нее может быть проблема, все билеты оплачены, отпуск подписан, за огородом присмотрит тетя Зоя.

— Мне нечего одеть, — воет мама в трубку.

— Так, мама, берешь чемодан и едешь к тете Оле в Екатеринбург, пусть она поводит тебя по торговым центрам. Когда будешь мерить одежду, присылай мне фото, я заценю и подскажу.

С мамой только так, ей надо выдавать чёткие ЦУ, либо придется час слушать весь бред. Самое главное, чтобы она не пошла по подругам и не начала собирать весь хлам из старых летних платьев на «выход». Я ее отправляю на отдых, чтобы она новую жизнь начала, а может мужчину нашла. В старых шмотках времен девяностых годов вот только в огороде пугалом стоять.

И только я переговорила с мамой, как телефон опять тренькает, оповещая, что звонит папа.

— Светочка, как твои дела? — папа звонит редко, но словно чувствует, что у меня что-то случилось.

— Все хорошо, пап, — у него слабое сердце, и я не хочу его огорчать новостями.

— Мама куда-то собралась, тетя Зоя о ней беспокоиться, — он хоть и развелся с мамой, до сих пор о ней переживает, не смотря на все ее закидоны и гадости, что она сделала Ире и Костику.

— Я купила ей путевку на теплоходе, так что, думаю, у нее все будет хорошо, — успокаиваю я папу.

— Это очень хорошо, ей давно пора отдохнуть, а то все сад, грядки, — голос папы повеселел. — Мы вот решили в Сочи с Иришкой рвануть, может, к тебе заглянем на денек.

Ой, е ей... Только папы мне тут не хватает, не хочу, чтобы он знал о моих трудностях.

— Пап, у меня работы сейчас много, меня юристом в отдел переводят...

— Понял я, понял, ладно, в другой раз на огонек заглянем...

Я прощаюсь с ним. Папа. Он всегда заботится обо всех: мне, моем брате, маме, тете Зое обо всех. Где бы мне найти такого мужа?

Глава четырнадцатая

Уже неделя прошла, как я уволилась.

Дала себе отдых. После бешенных почти пяти лет без отпусков, выходных и праздников, жизнь кажется какой-то пресной. Дни тянутся, а я не знаю чем себя занять. Слоняюсь из угла в угол. Иногда пялюсь невидящим взором в экран ноутбука. Листаю новостийную ленту, пытаюсь читать о каких-то событиях. Но мое внимание удерживается только на первых строчках, а потом я бросаю это гиблое дело, потому что ничего не понимаю. Меня окружает вакуум. Я двигаюсь словно в желе. Мир для меня умер.

Только вечером есть хоть какое-то оживление, звонит Рим.

— Ну, ты как? — звучит ее первый вопрос. — Что делала сегодня?

— Ничего, — звучит мой ответ, так я говорила вчера, и позавчера тоже.

— Так не пойдет...

И через полчаса Рим влетает ко мне в квартиру.

— Фу, ну и ужас тут у тебя.

Рим бегаёт по квартире с тряпкой и шваброй, отдавая мне распоряжения.

— Свет, пыль с подоконников вытри, у тебя тут недельные отложения, пора раскопки делать. Да, и зеркало в коридоре протри.

Вот уже мои грязные вещи крутит стиральная машина, чистые аккуратно сложены в стопку для глажки. А Рим, вооружившись перчатками и ершиками, драит мою сантехнику.

Проходит час. Квартира сверкает чистотой, благоухает ароматами.

И к нам приезжает курьер. На стол выгружаются пакеты и свертки, из которых я извлекаю аппетитные пиццы, роллы и напитки. Кофемашина варит ароматный напиток, тягучий аромат кофейных зерен наполняет кухню. И я как будто вновь погружаюсь в атмосферу того первого года, когда приехала в Москву, когда нашла квартиру с соседкой, впервые вышла на работу.

— Свет, хватит киснуть, — мы сидим на нашей уютной кухне и едим роллы.

— Я не знаю, Рим, как себя собрать, просто не знаю.

— Давай составим план действий, — Рим напирает, не дает мне киснуть и растекаться лужицей.

— Что ты предлагаешь?

И Римма начинает излагать. Ее план прост, все разложено по полочкам, цели поставлены, выставлены дедлайны, прописаны пути достижения.

Мне даже страшно. Рим настолько целеустремленная, холодная, расчетливая, что кажется в ней совсем не осталось чувств, по крайней мере, к мужчинам, она цинична. И она меня восхищает.

Она не растекается перед мужчинами лужицей. Ее коронная фраза: Не нравится — ты

знаешь, где выход. Чемодан, такси, вокзал.

Я не такая. До сих пор переживаю. Жую сопли, как выражается Рим.

Стоит ей уйти, как я погружаюсь в мир воспоминаний. И прошедшие события вновь оживают в моей голове. И я переживаю их снова и снова. Вижу то Мишку с Анькой, то Алексея с Милой. Одно и то же действие. Голые сплетенные тела, охи и ахи, вздохи и выкрики, влажные хлопки. И глаза изменщиков. У Мишки они были испуганные, он не хотел ничего менять, просто воцарился Аньку, получил, наслаждался, и тут вторглась я. У Алексея — злые, колючие, он привык так жить, а я просто разрушила его идиллию.

Никак не могла уйти от этих болезненных воспоминаний. И все время задавала вопрос: За что они так поступили со мной?

В один из таких дней мне позвонили с неизвестного номера. Обычно не беру трубку, но тут, почему то изменила своим принципам.

— Алло...

— Привет! — в трубке раздаётся веселый смех моей подруги Соньки, мы с ней учились вместе в школе, потом наши пути разбежались.

— Привет, — стараюсь говорить как можно веселее, но на душе скребут кошки, в голове снова сплыли воспоминания о нашем городке.

— Привет, подруга, с боем вырвала у мамашки твой номер телефона, — радостно вещает моя подруга. — Она у тебя просто цербер какой-то, я ей говорю, что пообщаться хочу, а она мне «не велено никому давать».

Сонька ржёт яки конь, и ее настроение передается мне. Так и представляю свою маму воинственно отстаивающую мое спокойствие.

— Ой, Светка, у нас столько новостей...

И на мою голову полилось: кто женился, кто развелся, кто кого родил, кто что купил. Половина моих одноклассниц уже развелись, кто-то вышел снова замуж. Но все живут в одном маленьком городке и варятся в этом «бульоне».

Друг друга ревнуют, периодически устраивают разборки новым мужьям и женам, делят детей, имущество.

Не знаю, смогла бы я так? Наверное, нет. Поэтому и сбежала, сверкая пятками. Не люблю сплетни, пересуды за спиной. Понимаю маму, которая там осталась. Понимаю ее враждебные действия, ее просто накручивали все эти знакомые кумушки, а она не в силах была оказать сопротивление. Ей попросту было очень больно, и всю свою боль она вылила в агрессию.

— Ой, а твой-то Мишка до сих пор с Анькой живёт, у него рога уже небо подпирают, она всего его оципала, — продолжает весело рассказывать Сонька. — У него отец лежит с инсультом, половина тела отказала. Ходят слухи, что он с любовницей кувыркался, а их застала его жена, и тут его хватил инсульт. И поговаривают, что это была Аня. Вот только в той семейке никто сор из избы не выносит, поэтому они молчат. Только шило в мешке не утаишь. В тот день у них такая ссора была, что дым стоял коромыслом. А Аня две недели синяки под глазами замазывала тоналкой и в темных очках ходила.

Ого, приехали! Какие интересные подробности из жизни моего бывшего. Прилетел бумеранг к нему, родимому!

— Только никуда он от Анечки теперь не денется, у него часть фирмы на нее записана. Так и живут теперь, как кошка с собакой.

Сонька еще долго что-то рассказывает, а я только агукаю и поддакиваю. В голове все

вертится картинка, как Анечка лежит на столе и стонет, а ее обхаживает Миша, и я стою в дверях, разинувши рот. Моя не состоявшаяся свекровь могла быть на моем месте. Ох и молодец, Анечка. Добила таки эту семейку.

Не состоявшегося моего свекра жалко конечно, врагу не пожелаешь такой участи, надо было мозги иметь, когда на девку залазил. И чего мужикам спокойно не живется.

Вечером я звоню Римме и рассказываю ей новости моего городка.

— Знаешь, бумеранг всегда прилетает, рано или поздно он ударяет по тем, кто поступил гадко, — Рим говорит жестко. — Не надо делать другим больно.

— Знаешь, Рим, меня отпустило, — смеюсь я.

— Это хорошо, давай завязывай раскисать подруга, берись за ум...

На этой веселой ноте, я, наконец, открываю свой ноутбук и сажусь составлять резюме. Через час передо мной вполне удобоваримое сочинение о моем опыте работы. Еще раз взглядом окидываю текст, проверяю на ошибки и сохраняю. Впереди меня ждет поиск работы.

Я оставляю все плохое позади.

Но проходит неделя, другая. А меня на собеседования не приглашают. Мое резюме просматривают и оставляют без ответа. И я вновь вспоминаю слова Алексея. А не он ли тут мне подгадил.

По вечерам звоню Римме и жалуясь. Время идет, и деньги тают, а работы все нет.

После двух недель безуспешного поиска новой работы, пришлось съехать с квартиры. Нашла маленькую студию на окраине Москвы. Все как тогда, когда приехала покорять столицу. Я опять без работы, и вот-вот мне станет нечем платить за квартиру.

Вечером звонит Рим.

— Привет, болезная, как успехи?

— Рим, ничего нет, вижу, что резюме смотрят, но даже на собеседование никто не приглашает, — жалуясь я.

— Так, собирайся завтра, я нашла тебе работу юриста. Эта компания друга моего любовника. Работы там не так много, зарплата конечно не ахти, но получишь опыт самостоятельной работы юристом, а дальше уже будешь искать что-то по интересам.

— Спасибо, Рим, ты верный друг. А как фамилия у того друга твоего любовника?

— Соболев, говорят хороший мужик, кстати, не женатый, у него несколько автосервисов и магазин запчастей.

— Уж не тот ли Соболев, которому мы ангар строили под автосервис?

— Не знаю, но все может быть.

— Если тот, то Алексей может ему позвонить, наговорить про меня гадости.

— Фу, ты чего, родная, я уже все про тебя рассказала, Соболев тебя ждет, а твой Алексей пусть идет лесом...

Я выдыхаю. Конечно, хорошо, что есть возможность пройти собеседование, не факт, что возьмут, но чем черт не шутит. У меня за спиной уже появляются крылья. И тут раздается звонок с неизвестного номера.

Я радостно хватаю трубку, вдруг по работе, но слышу до боли знакомый голос, когда-то родного человека.

— Ну, привет, что ли? — он говорит язвительно, а я явственно ощущаю, как кривятся сейчас его губы.

— Привет, — голос мой охрип в одно мгновение.

— Как дела с поиском работы? С квартирки, слышал, ты уже съехала, денежки то тютю, жить то не на что, — он говорит, а яд его слов проникает мне под кожу. — Сняла комнатку в Зажопинске?

— Алексей, зачем ты мне звонишь?

— Просто хотел тебя «обрадовать», работы ты здесь не ищи, тебя никто не возьмет, даже не старайся. Собирай манатки и дуй за Урал, может там, кто пригреет тебя. Какой-нибудь жирный дядька директор за тридцатку будет тебя шпилить на своем директорском столе, или ты ему будешь отсасывать...

Я сбрасываю звонок, отправляю номер в черный список. Гадёньш! Просто гадёньш! Мерзкий, слова его мерзкие. Как ведро помоев вылил мне на голову.

На душе гадко. Как я не распознала в этом человеке черную душонку. Почему открывши рот, смотрела на него. Он ведь, как индюк пыжась, ходил в нашем курятнике. В продажники набрал девушек, хотя у нас в отделе всегда было больше парней. Да и трудно торговать стройматериалами девушкам. Тут своя специфика.

Может его похождения еще там начались, а я просто была душой и ничего не замечала.

Так и хочется помыться, оттереть грязь с кожи.

На этой горькой ноте заканчивается мой день.

На следующий день я перевернула страницу.

Глава пятнадцатая

Сложно подать себя, как отличного специалиста, если тебе сломали самооценку. А меня Алексей просто уничтожил. Я просто ноль без палочки.

Поэтому иду на собеседование с ощущением, что на меня посмотрят, ничего не спросят и сразу выгонят.

Одела простую черную юбку карандаш с белой блузкой, накинула на плечи кардиган, волосы забрала в гульку. Посмотрела на себя перед выходом в зеркало, ужаснулась, без слез не взглянешь. Я похожа на выпускницу школы, пришедшую за аттестатом, но никак не тяну на юриста для крупной конторы. Адрес, по которому надо было явиться, был не далеко от моего дома, в промзоне. Нашла быстро. За бетонным забором стояли два здоровенных ангара и несколько небольших офисных зданий. На удивление кругом чисто, асфальт, газоны с подстриженной травкой, кустики и цвета. Как то не вязалось это все с названием промзона. На асфальте четкая разметка, на зданиях вывески с указанием номеров и литеров.

По очертаниям зданий я сразу угадала, что строила моя бывшая организация, вон и щит на заборе до сих пор висит с фио прораба и логотипом компании. Я видела проекты и всю документацию на эти ангара, даже готовила договора сама. Сразу стало неприятно на душе. Алексей вполне мог мне «подгадить» с рекомендациями, оговорить меня.

С тяжелой душой иду дальше, в офисное здание с литером «А».

На входе в новенький офис меня встретил охранник, проверил документы, выписал пропуск и указал на лестницу, что вела на второй этаж. Здесь все сделано в стиле минимализм, дорого, но сдержанно. На втором этаже каждая дверь была с серебристой табличкой указателем, поэтому приемную директора я нашла без труда.

Стучусь и толкаю дверь, смело шагаю внутрь, хоть коленки и дрожат.

Здесь все как у всех начальников, чиновников, директоров.

За столом сидит белокурая нимфа и подпиливает ногти. При моем появлении, она бросает уничижительный взгляд на меня, рассматривая с головы до пят, а потом ангельским голосом спрашивает: Вы к кому, и по какому вопросу...

Вот так и хочется ей ответить что-нибудь этакое. Но я блею невразумительное: Э-э-э-э-, я-я-я на собеседование к Соболеву Кириллу Дмитриевичу.

Голубоглазая, белокурая нимфа тычет пальчиком в устройство селекторной связи и, воркуя, произносит протяжно и ласково: Кирилл Дмитриевич, тут к вам девушкаааааа на собеседованиеееее.

На том конце бросают отрывистое: Пусть проходит.

И по кивку головы белокурого ангела я открываю двери в кабинет.

И чуть не падаю в обморок.

Из-за стола поднимается что-то такое медведе подобное. Хозяин кабинета — огромный мужик ростом почти под два метра, с шириной плеч тоже метра два, лет так тридцати пяти или тридцати восьми. Может он и симпатичный, но выглядит угрожающе: коротко подстриженные волосы, с модной щетиной на лице, здоровый, подтянутый. Даже сквозь рубашку угадывается груда мышц. В общем, не красавец, но такой брутальный, что у меня коленки подкосились, и я привалилась к косяку. А он подходит ко мне и протягивает руку. Нет, ручищу! Как ковш экскаватора! Моя рука тонет в его ладони.

— Здравствуйте, я так понимаю, вы Светлана Валерьевна? — басит мужик.

— Д-да, — заикаясь, отвечаю, а сама спиной в двери в печаталась, оторваться боюсь. Сделай он еще шаг, сигану от страха из окошка.

— Проходите, присаживайтесь, — он машет рукой в сторону своего стола, а сам проходит на свое место, садится в кресло. Ого, это не кресло, а такой мини диван, да и тот жалобно скрипнул под его мощным телом.

— Вот мое резюме, — опять пишу я, куда голос то делся, так и хочется откашляться.

Он вертит листок бумаги с моим резюме в своих огромных руках, потом кладет в сторону и смотрит на меня. У меня сердце в пятки уходит. Вот и момент истины. Сейчас скажет: Вы нам не подходите. И я пойду на выход.

— Светлана Валерьевна, мне вас рекомендовали, как очень ответственную, у меня начинается серьезный проект, поэтому хотелось бы обо всем переговорить на берегу.

— Хорошо, давайте, — чуть смелее отвечаю я.

— Вы замужем?

— Нет, не замужем, детей нет, пока не собираюсь...

— Хм-м, возможна работа по плавающему графику?

— Конечно, — мой голос становится более уверенным.

— У нас проект с китайскими партнерами, сами понимаете, есть разница во времени...

— Не вопрос, пара литров кофе, и могу работать с шести утра, — уже почти своим голосом говорю я, откашливаюсь, а потом подтверждаю. — Готова работать в любом графике.

Кирилл Дмитриевич улыбается. И его лицо становится очень привлекательным. Он откидывается на спинку своего кресла, поза более расслабленная, взгляд теплеет.

— Некоторые вопросы придется по глубокой ночи прорабатывать, правда, не пугайтесь, это не каждый день. Но форс-мажоры бывают.

Он жмет кнопку селекторной связи и бросает: Ольга, пригласи ко мне Катерину.

Не проходит и минуты, как в кабинет врывается нечто маленькое, верткое, шептунное.

— Знакомьтесь, это Екатерина, она наш переводчик, — Кирилл говорит почти ласково, в его глазах пляшут искорки, видно, что у него к его переводчику есть какие-то чувства, они скорее отеческие. — Она наш консультант по Китаю. Почти всю жизнь прожила в там,

лучше ее никто эту страну не знает. Вам придется работать вместе.

Екатерина улыбается ему в ответ. Она маленькая, просто кнопка, темная, кучерявая голова, синие глаза, похожа на егозу, ни секунды без движения.

— А это Светлана Валерьевна, наш новый юрист, — представляет меня Кирилл Дмитриевич, и на душе сразу становится тепло.

И у меня мурашки по коже побежали. Вот так все просто? Несколько ни чего не значащих вопроса, даже по компетенциям не погонял, ничего о моем опыте не спросил, мое резюме не почитал и принял на работу?

Сижусь с отвисшей челюстью...

— Катенька, проводи Светлану Валерьевну к менеджеру по кадрам, пусть принимает на работу. Вы ведь, Светлана, документы с собой захватили?

Я только молча головой киваю.

А Катерина хватает меня за руку и уже волочет из кабинета, я даже попрощаться не успеваю.

— Ой, Я так рада, что ты будешь у нас работать, хоть кто-то в кабинете адекватный будет, — тащит меня по коридору Катя. — Ядвига тебя уже ждет, пойдём.

Я едва успеваю передвигать ноги.

А Екатерина по пути меня уже инструктирует.

— Ты на Ядвигу не смотри, она выдра еще та, всех к Кириллу ревнует. А сама в него когтями крашенными вцепилась, все удержать пытается. Не иди у нее на поводу, не сердись, она язва, любую тут сожрать готова, кто к Кириллу хоть на миллиметр приблизится.

Катерина смеется и заталкивает меня в следующий кабинет.

Оу! Ну, понятно. Сразу видно, что сидит тут бухгалтер и кадровик. Одна из стен — это стеллажи с папками, два стола, мощные компы, куча бумаг, в стене сейф, как в старые добрые времена. Бухгалтера я даже и рассмотреть не успела, а вот кадровика то не разглядеть было сложно.

Дамочка лет так тридцати, кареглазая брюнетка, тюнингованная по последней моде, вряд ли в ней можно найти хоть сантиметр естественного. Как все инста дивы: высокие скула, пухлые губы, кошачий разрез глаз, длинные прямые волосы собраны в высокий хвост, карие глаза в обрамлении длинных пушистых ресниц, модные длинные ногти. Платье обтянуло ее силиконовый бюст третьего размера. Она встает из-за стола, и я воочию вижу перед собой Аньку Селеверстову. Их в одном месте тюнинговали? Один хирург импланты вставлял? Или во всем клиниках их под один образец переделывают? Меня передегеривает, неприятно. Так и представляю, как директор ее имеет на своем столе.

Она ревниво окидывает меня взглядом. Хмыкает и приглашает присесть на стул.

На бейджике имя: Ядвига Куровская.

Мы оформляем договор. И я радуюсь, сумма моего оклада даже выше, чем я предполагала.

Вот я и принята на работу! Пройдем еще один квест, сколько еще всего впереди?

Вечером ко мне врывается ураган по имени Римма.

— Ну, как?

— Римма, меня приняли на работу.

— Уаааау! Гуляем!

И тут же из пакета достает бутылку шампанского. Пришлось заказывать роллы, салаты. Мы отмечали новый этап моей жизни.

— Рассказывай, — начинает Римма после второго бокальчика.

— Что рассказывать?

— Да, ладно тебе, там, говорят, директор просто вау, — Римма хитро щурится.

— Рим, там директор — это мужик размером, как два платяных шкафа, похожий на медведя, я чуть не описалась от испуга, дважды пожалела, что памперсы не одела, — возмущаюсь я.

— Он не медведь, он бывший боец ММА, женщинам он очень нравится, — делает хитрые глаза Римма.

— А ты откуда знаешь?

— Потому что я сплю с его другом, он тоже из бывших бойцов, — закатывает глаза Римма.

— Так, что-то я пропустила в этой жизни, ты мне не рассказывала.

— Ну, мы встречаемся всего месяц.

— Месяц? Рим, это достижение! У тебя и недели никто не задерживался.

— Ну, Светик, плохие были любовники, поэтому и не задерживались. А этот...

— Расскажешь?

— Пока нет, но если мы не поубиваем друг друга в ближайшее время, то возможно даже познакомлю.

Римма смеется, и в его глазах я вижу что-то такое, чего никогда прежде не было.

Наверное, это любовь.

Глава шестнадцатая

На следующий день началась моя трудовая жизнь. Мне пришлось привыкать к новому коллективу, к новым условиям.

Хотя коллектив — это почти всегда террариум единомышленников. Нет ничего более неизменного, и в этой организации все точно также.

В первый день столкнулась с вопиющей безответственностью. Договора хранились, как попало, в некоторых папках они просто были навалены кучей, даже не подшиты. Это всегда было делом секретарей. Но только не в этой организации. Пришлось разбирать договора по организациям, годам, месяцам. Смотреть и сверять регистрацию. В этом мне должна была помогать секретарь Оленька, но она оказалась существом крайне ленивым и безответственным. Пришлось ее постоянно подпирать. Катка, с которой мы сразу подружились, зовет Оленьку «замороженной рыбой».

Та действительно нерасторопна, слова до ее красивой головки доходят, как до жирафа. Как утверждает Катя, скорость прохождения нервного импульса в коре головного мозга данной особи приближается к нулю.

Это конечно смешно, если бы не было так грустно.

Пришлось разбирать все прошлые документы в гордом одиночестве. Но через пару дней на полках выстроились красивые папки зеленого цвета с указателями. Дела пошли быстрее. Теперь нужный договор можно с легкостью было найти в любую минуту.

Затем пришлось перешерстить все действующие договора. Проверить их на соответствие. У Соболева было открыто ИП и ООО, разные фирмы, разные задачи. Я проштудировала все документы по всем фирмам. До меня здесь работал хороший юрист, ни к одному документу не было у меня претензий, все составлены грамотно. Через неделю у меня все было сделано, а обещанного вала работы все не было. И я заскучала.

Хорошо была Катя, с которой можно было перекинуться словами.

— Катя, а как случилось, что у вас не стало юриста, ведь работал кто-то грамотный на моем месте?

— Так Василь Васильевич у нас работал раньше. Грамотный был мужик. Вот только здоровье его в последнее время подкосилось, пережил сердечный приступ. А после взял год. Говорит восстановить здоровье. Может, вернется ещё. Да ты не бойся. И тебе работа найдется, вон Кирилл собрался еще автосалон открыть.

— И когда он все успевает?

— Да, Кирилл у нас энеджерджайзер.

— Он к тебе, как к родственнице относится?

— Не, мы с ним не родственники, мы с ним друзья по несчастью. Мы оба побывали в детском доме.

— Вы детдомовцы? А он говорил, что ты всю жизнь в Китае провела.

— Да, у меня папа был востоковед, мама преподавала китайский, мы подолгу жили то в Китае, то в Корее, даже в Японии одно время жили.

— А как так получилось, что ты попала в детский дом?

Катя горестно вздохнула и отвернулась к окну, чтобы я не заметила ее слез.

— Если не хочешь, не говори, извини, что эту тему подняла.

— Да, ладно, уже все в прошлом. Маму с папой сбил грузовой автомобиль. Мы приехали в отпуск в Россию, маме с папой зачем-то надо было съездить в область. По дороге у них спустило колесо. Папа вышел из машины. И тут в них врезалась гружённая фура. Водитель уснул за рулем. Их даже хоронили в закрытом гробу. Смерть у них была мгновенной.

— А как же ты в детский дом попала?

— Так у моих родителей близких родственников не было, только дальние. Никто меня взять в семью не захотел. Все они бросились раздирать на части то наследство, что осталось от моих родителей, а меня в детский дом.

— И как тебя нашел Кирилл Дмитриевич?

— Он в этот детский дом с гуманитарной помощью приехал, и сразу меня среди других вычислил. Сказал, что тех, кто недавно туда попал, сразу в толпе видно. У нас глаза другие, мы более незащищенные. Вот. Потом он, каким то образом, сумел оформить надо мной опеку, вытащил из детского дома. Оформил в нормальную школу. Нанял адвокатов, те вернули мне наследство. Потом устроил меня в университет, денег давал на практику, я в Китай ездила.

— Теперь понятно, почему он тебя считает сестрой. Он тоже детдомовский?

— Да, у него похожая судьба, ему его дальний родственник помог, тоже вытащил из клоаки. Поверь, он только на вид страшный, а так добрейшей души человек, — смеется Катя. — А давай твое устройство на работу отметим?

— Давай, у меня есть подруга, давайте вместе соберёмся?

Звоню Римме, договариваемся. И вот уже мы сидим в кафе, пьем красное вино, закусываем вкусными салатиками. Римма с Катей быстро нашли общий язык, словно уже много лет друг друга знают. Они сошлись на языковой теме, Римма открыла языковые курсы, а у Кати подруга искала себе место.

И вдруг к нашему столу приближается мужик. Огромный, бритый на лысо, с небольшой модной бородкой, с черной татуировкой на шее, которая уходит под черную футболку. Длинные рукава той футболки жалобно растянулись на огромных бицепсах. Да и футболка больше похожа на чехол от рояля, на который этот чехол с трудом натянули. Груда мышц, ходячий тестостерон, энергия, возведенная в куб, у него настолько сильная аура, что он

просто сносит людей, что попадают к нему на пути.

— Катя? — удивленно басит он, потом смотрит на Римму и добавляет, — привет, Римма, вы знакомы с Катей?

— Привет, Амир, — говорит сначала одна девушка, потом повторяет другая.

— Мы... только что ...познакомились, — удивленно приподнимает брови Римма.

— Нас Света познакомила, — Катя рукой показывает на меня.

— Ах, Света, приятно познакомиться, — и его ручища тянется ко мне.

Я боязливо вкладываю в его руку свою, а он пожимает мою тремя пальчиками, словно переломить боится. И представляется: Амир Ибрагимов.

Ого, это Римкин воздыхатель?

— Наслышан, наслышан, лучший юрист в Москве, — смеется великан.

— Давай я тебя представлю, — говорит Римма и поворачивается ко мне. — Это Амир, мой парень.

Глаза Риммы горят, теперь я понимаю, кто заставляет их так жарко гореть.

— А мы с Кириллом названные братья для Катеньки, — в ответ прилетает от Амира.

Мы все киваем и улыбаемся. Наконец разобрались. А я-то думала, что Москва большой город, а оказалось, что это просто большая деревня. Вот так просто пошли посидеть в кафешке, и оказались, что все мы «родня».

Мы с Катей покидаем сладкую парочку. А я Римме пишу СМС, что не слезу с неё, пока она не расскажет, где подцепила этого громилу.

Рим посылает мне смайлики с рожницей.

Поздним вечером звонит мама. У нее закончился круиз, она должна приехать в Казань, а оттуда на поезде до Екатеринбурга.

— Привет, доченька, как твои дела? — голос у мамы странный, уж слишком мягкий и медовый. Я к этому не привыкла. Моя мама — это железная леди, сильная, властная, она такой была со всеми нами. Командовала отцом, указывала, что делать нам с Владиком, наверное, только с сыном она была чуть мягче, чем со мной.

— Привет, мам, у меня все хорошо, а у тебя?

— Доча, что хочу сказать, я познакомилась с женщиной.

Е-ссссс! Вау! Супер! Ну, наконец-то! У меня от радости даже руки затряслись.

— Я очень рада за тебя, мама, — у меня даже голос сел.

— Доча, мы в Москве, давай встретимся где-нибудь, пообщаемся...

Мы встретились на следующий день, я отпросилась на час пораньше, чтобы успеть приехать в центр города. Там на набережной в маленьком кафе меня ждала мама.

Она действительно пришла и не одна. Вместе с мамой ко мне подошёл невысокий крепкий мужчина с почти буденовскими усами и хитро прищуренными глазами. В нем угадывалась военная выправка, хороший костюм сидел, как влитой.

— Здравствуй, доченька, — голос мамы был что мёд.

— Привет, мамуль, рада видеть тебя.

— Тонечка, ты не говорила, что у тебя такая красивая дочка. Можно поцеловать вашу ручку? — кавалер мамы расшаркался и, схватив мою руку, и ткнулся в нее усами.

— Познакомься, дочь, это Павел Георгиевич, — мама просияла. — А это моя дочь Светлана.

— Вам, Светочка очень подходит это имя, — Павел Георгиевич опять галантно шаркнул ножкой.

Мы расположились за столиком с видом на реку, сделали заказ, и мама начала рассказ о своем путешествии. Она говорила и говорила, ее глаза горели, на лице выступил румянец, она словно помолодела лет на двадцать.

Из рассказа мамы стало понятно, что бравый, отставной военный Павел Георгиевич сразу разглядел среди других дам мою матушку. Тут же и познакомился, сразу взял в оборот. А мама впервые повелась, спрятала свою стервозность. И сейчас глядит на него влюбленными девичьими глазами.

Когда Павел Георгиевич вышел покурить, чтобы нас не окуривать, как он выразился. Мама впервые сказала мне то, что, видимо, всегда было в ее душе, что она прятала и не хотела в этом признаваться.

— Зря я тогда в молодости твоего отца у Дашки отбила, пузом его жениться заставила. Не принесло это нам с ним счастья. Твой отец хороший человек, он меня уважал, помогал, но не любил. Вот так всю жизнь и прожила, а любимой себя не почувствовала.

— Мама, я рада, что ты нашла себе мужчину.

— Ой, не знаю, дочь, он завет меня к себе жить в Подмоскowie, тут у него домик.

— А что ты теряешь, мама, стаж педагогический у тебя уже выработан, пенсию ты свою получишь. Квартиру сдай, пусть тетя Зоя присмотрит.

— А сад, там урожай?

— Мама, какой урожай, хватит уже капусту и картошку разводить, да кабачки выращивать, жизнь одна...Продай сад.

— А вдруг у нас ничего не получится? Мне вернуться некуда будет, как я без сада.

— Мама, не попробуешь — не узнаешь!

Глава семнадцатая

Жизнь течет своим чередом, дни сменяют друг друга. На работе рутина, ничего нового. С Катей мы бегаем вместе на обед, иногда перекидываемся парой фраз.

Компания абсолютно мужская, из женщин только я, Катя, Ядвига, бухгалтер тоже Света только Иосифовна, дама лет пятидесяти, да мороженая, снулая рыба — Оленька.

Катка смеется, что мужики бегают теперь в офис, чтобы посмотреть на новенького юриста. И действительно, в кабинет то и дело заглядывают разные личности, окидывают оценивающим взглядом, здороваются и лезут знакомиться. Только Катя стоит на страже, пресекая любые фамильярные выпады в мою сторону. И быстро разгоняет зарвавшихся мужиков. Она маленькая и воинственная, а те ее боятся.

— Гони их в шею, нечего им яйца подкатывать, у нас все женатые, холостых нет, — предупреждает меня Катя.

Я ей благодарна, мужиков красивых много, но не хотелось снова нарваться на токсичные отношения.

Зато Ядвига ревностно следит за мной, чтобы я не слишком сблизилась с директором. И однажды я спросила у Кати: Почему Ядвига не ревнует Ольгу к Кириллу Дмитриевичу?

— Так у Оленьки жених есть, местный олигарх, правда не понятно, женятся ли они, но так-то он каждый день ее на работу заводит и забирает.

— Понятно, почему Ядвига ее из претендентов на руку Кирилла вычеркнула.

— Ага, меня она в расчет не берет, я как сестра. А ты для нее триггер, ходишь тут, попой виляешь, а ее уже от злобы трясет.

И мы смеемся с Катюхой.

По воскресеньям у нас посиделки с Риммой, правда иногда к нам присоединяется Катя.

Собираемся обычно у меня. Хоть квартирка и маленькая, но удобная. Широкий диван буквой Г позволял расположиться комфортно, маленький столик перед ним умещает всю закуску, а вино стояло в ведерке со льдом.

Что еще надо для приятного времяпрепровождения, где мы друг другу изливаем душу.

Вот только сегодня мы вдвоем с Риммой. У Катьки клиент, переговоры с китайцами.

— Ты не права, Светик, нельзя замыкаться, если тебя постигла неудача, то это не значит, что так будет всегда.

— Рим, сама подумай, два раза, два! И все одни и те же грабли.

— Свет, ты почти пять лет не ходила на свидания, шарахалась от любого мужика, а тут слащавая моська тебя чуть ли не силой в постель уложила, и ты поплыла.

— Так я сама на это согласилась. Думала, что у меня чувства к нему.

— Светик, надо общаться с другими мужчинами, ходить на свидания, дать им возможность ухаживать за тобой.

— Не могу, я любого со спущенными штанами представляю, и все. Как отрезало.

— Тьфу ты, зачем, зачем ты это делаешь?

— Не знаю.

— Ты специально отталкиваешь от себя мужчин, и невольно притягиваешь тех, кто поступает с тобой точно также, как твой Миша.

— Может я бракованная?

— Тьфу, ну что у тебя за мысли? Ты себя в зеркало видишь?

С этими словами Рим тянет меня к большому зеркалу. Стаскивает с меня халат и оставляет в одном белье. Я закрываю себя руками, мне жутко неудобно.

— Да перестань закрываться. Лучше смотри.

Куда смотреть? На что тут смотреть? Кожа бледная, сто лет не загорала, от переживаний пять килограмм потеряла, ребра торчат, волосенки дыбом. Они от природы у меня кучерявые, выпрямляй не выпрямляй, стоит появиться небольшой влажности в воздухе, как у меня кудри по всей голове. Намучалась я с ними.

Но Рим этого всего не видит.

— Смотри, какая у тебя тонкая талия, хорошо очерченная линия бедра, очень гармоничная, пропорциональная фигура, ноги длинные.

— У меня титек нету, — ворчу я.

— Господи, родишь и вырастут! А пока все гармонично. И хватит уже зажиматься. Давай я с Амиром поговорю, он тебе в своем клубе нормального тренера найдет, а не обезьяноподобную громилу.

— Ой, надоели мне эти тренеры. После этих тренировок у меня ещё больше комплексов стало.

— Так Алексей специально в тебе комплекс неполноценности взращивал, чтобы не убежала. Знал сука, что красотку себе в пользование заполучил.

— Не знаю, Рим.

— А тут и знать не надо, завтра я тебе позвоню, и мы пойдем в спортзал. И хватит тебе уже переживать по своему Алексею — козлу рогатому, пора начинать нормально питаться, а то исхудала до костей. Мужики на кости не бросаются. Нормальные мужики!

Я накидываю на себя халат, и мы вновь с ногами забираемся на диван.

— Ой, лучше расскажи, где ты познакомилась с Амиром и как?

— Да, тут целая история была. Последний мой любовник потащил меня на день

рождения к другу в клуб. Сначала все было хорошо, но потом все перепились, и мой дружок начал хватать за задницу девицу, что приехала с именинником.

— Вот козёл!

— Ну, я, конечно, не стала этого терпеть и по морде ему заехала. Развернулась и пошла на выход. Так этот горе любовник за мной побежал, решил отношения прямо там выяснить. Ладно бы был действительно нормальным любовником, а то так — середнячок.

— Ииииии...

— И тут появился Амир, я не знала, что это его клуб. Он объяснил моему несостоявшемуся любовнику, что девушек тут обижать нельзя, тот полез драться. Амир его по морде один раз стукнул и выкинул на улицу.

— И что потом?

— Амир предложил довезти меня до дома, потом мы целовались в машине, потом у меня в квартире, потом он забрал меня в охалку и увез к себе, сказав «мужчина свою женщину тащит к себе в берлогу»!

Мы сидим и хохочем, А я представляю, как Амир тащит на своем огромном плече маленькую и хрупкую Рим.

— А дальше? — интересуюсь я.

— А дальше был крышесносный секс, я так орала кончая, что охрипла. А он только и повторял «Кричи, мне нравится, как ты кончаешь».

Я смущаюсь, признания Риммы очень откровенные, так откровенно мы никогда не говорили. Или я не слушала ее.

— Что тебя так смутило? — в лоб спрашивает Римма. — Ты покраснела?

— Ну, ты так своих любовников никогда не описывала раньше.

— Ну, раньше таких я и не встречала, с ним могу кончать по два раза, а сексом мы занимаемся почти всю ночь.

— Эээээээээээээээээээээ...

— А твой Алексей был также активен в постели? Сколько раз ты кончала?

— Ну, да, мне было приятно, — киваю я головой.

— Приятно? — удивленно спрашивает Римма. — Приятно — это в детстве, когда тебя мама или папа по голове гладят, а в постели мужик женщине должен доставлять наслаждение. У тебя было так, чтобы накатывало, как лавина, а потом тебя накрывало, да так, что башню сносило?

— Ээээээ...

— Так я и знала, у тебя не было ни одного нормального мужика!

У меня в душе поднялась волна протеста. Нормальные у меня мужики были. С Мишкой в постели было приятно, он умело целовал и ласкал меня. А Алексей был в ласках дока. Я так и текла в его руках.

— Оргазм. Не знаю, но ведь было приятно, что доставила мужчине удовольствие. Они потом благодарили, целовали, говорили мне, какая я чувствительная. Наверное, это самое приятное в сексе, — говорю это все Римме.

— Балда ты, Светка. Ты удовлетворяла мужика, а он получал от тебя все, не давая тебе взамен ничего. Это не любовь, это секс по дружбе. Они тебя не любили, ни тот, ни другой. Так что смело посылай их в бан, забудь, как страшный сон. Это не мужики.

— И как я должна найти мужика?

— Светик, первым делом надо просто пойти на свидания, без секса. Научись просто

контактировать с мужчинами. Говорить на разные темы. Общаться. В конце-концов, понимать их.

— Зачем?

— Свееееет, ну вся проблема твоя в том, что Мишка и Алексей тебя просто в койку затащили и использовали. Ты в их душонку даже не заглянула. Ладно, твой Мишка, он не зрелый еще, пацан, он сам не понимал, чего хотел. Как только другая жопой повертела, так с него штаны слетели. Но Алексей прожжённый мужик, он то просто тебя использовал. Он точно знал, чего хотел. Научись разбираться в мужиках, говорить, пойми сначала, какой человек перед тобой.

— И как я буду знакомиться?

— Зарегистрируйся на сайтах знакомств, в Тиндере, просто походи на свидания без всякой цели, знакомься, общайся. Ты быстро начнешь разбираться в людях.

И мы достали с ней ноутбук...

Вечером позвонил брат Владик.

— Светка, привет. Ты слышала, мать какого-то козла отрыла, чушь несет, говорит к нему переезжает?

— Ну, почему сразу козла? Я познакомилась с Павлом Георгиевичем, очень хороший человек, военный в отставке, у него домик в Подмосковье.

— Света, ты дура? Это разводилово! Он ее обчистит, и она с голой жопой по миру пойдёт!

— Владик, по-моему, ты перегибаешь палку!

— Света, она сад собралась продавать! Сейчас денежки тому козлу отдаст, а потом квартиру так же профукает.

— Владик, мама взрослый человек, давай ей дадим возможность самой все решать.

— Ты в своем уме, у нее старческий маразм, в ее возрасте пора покупать саван и ползти на кладбище! — орет в трубку Владик. — Она нам обещала с сыном сидеть, а теперь уезжает?

Владика в нашей семье всегда любили чуть больше, чем меня. На свадьбу папа с мамой дали им денег на первоначальный взнос. Те сразу в ипотеку купили квартиру. Папа им помог с ремонтом. Мебель им сваты подарили. Владик ни в чём не знал отказа, поэтому так остро воспринял весть, что мама собралась устраивать свою жизнь. Интересно, почему папу он ни в чём не обвинял. Или папа от него откупился?

Вечером позвонила расстроенная мама.

— Доченька, здравствуй.

— Привет мам, как твои дела?

— Доченька, я решила продать сад.

— Молодец!

— Доченька, а ты против не будешь, если я деньги Владикку отдам, ему ипотеку гасить надо.

Вот так всегда, интересы Владика прежде всего.

Глава восемнадцатая

В обед я зашла в Тиндер и поразились, сколько человек меня отметили сердечками, значит, я понравилась. В душе возликовала. Настроение резко улучшилось. Зашла в другие приложения. И ура! Во всех приложениях мне пишут, присылают сердечки. Как мало надо женщине, чтобы ей поднять настроение. Меня накрыла эйфория, ненадолго я почувствовала

себя кайфово, пока не стала смотреть то, что мне прислали мужчины. Полистала профили, почитала презентации кандидатов. Занесло в «черный список» всех, кто сделал в слове девушка две ошибки, затем тех, кто прислал фото своего члена, еще двоих, кто прислал два десятка стихов. С детства не люблю стихи и стихоплетов. Настроение несколько угасло. Отметила нескольких интересных парней. И сразу прилетело несколько сердечек. Настроение вновь улучшилось. Но начать переписку не рискнула. Обед, время в обрез, а начать общаться, потом резко уйти в игнор, если бы так поступили со мной, то мне бы не понравилось. Поэтому просто отметила тех, кто мне понравился, и закрыла приложение.

Решила вечером встретиться с парочкой кандидатов.

Звоню Римме, рассказываю. Она сразу раздает инструкции: Так, назначаешь свидания в кафе «У Ашота», там хозяин друг Амира, я предупрежу, чтобы проследили за тобой. Вдруг кто обидеть попытается. Значит так, знакомишься, если кандидат нравится, то назначаешь следующее свидания. Если нет, набираешь меня, якобы мама бросила сообщение, просит срочно приехать, потом кандидата заносишь в черный список. И, Светик, никаких поездок к мужикам домой, прошу, можешь нарваться на неадекват.

Вот так всегда. Римма ведет себя, как моя старшая сестра, будто я маленькая. Обидно.

К вечеру на работе не так много дел, поэтому я начинаю переписку. И мое настроение сразу падает. Большинство интересных кандидатов сливаются, то у них настроения нет, то работа, а то совсем в игнор ушли.

И все ж находится один, который сразу соглашается.

И вот я уже договариваюсь о встрече.

Первый кандидат согласился подождать меня в кафе «У Ашота», это недалеко от моей работы. Я забегаю в туалет перед выходом, поправляю прическу, макияж. Оглядываю себя. Вроде все хорошо. Сегодня на мне голубая блузка, что идет под цвет моих глаз и волос и белые брюки. Мне кажется, что я красотка.

Захожу в профиль парня. На фото он молодой, не более двадцати пяти лет, интересный, запечатлен где-то в походе, вдалеке горы, под скалой река, он стоит на кромке скалы и улыбается во все тридцать два зуба. И улыбка такая залихватская, рождается ощущение, что не может этот парень быть плохим.

И вот я у кафе. Руки неприятно дрожат, а ладони потеют. Вот так через приложения ещё никогда не знакомилась. Если бы сказали мне лет пять тому назад, что буду искать парня через социальные сети, я бы засмеяла.

Раньше было проще, у меня не было проблем. Достаточно было улыбнуться парню и сказать привет. Я легко находила темы для разговоров, могла с любым незнакомцем поговорить обо всем. Если бы не Мишка и его дурацкая выходка перед свадьбой. Моя самооценка так упала, что ниже был только плинтус. И я четыре года даже не смотрела в сторону парней. Навыки потеряны.

Давно пора было пережить этот неприятный момент перед свадьбой, но память меня возвращает и возвращает, словно прокручивает мое сердце в мясорубке. За эти годы во мне выросло столько комплексов, что я забыла себя, забыла ту интересную девушку, которой была в юности.

Алексей взял меня почти силой, просто подмял под себя, а я боялась ему слово сказать, чтобы не разрушать идиллию наших отношений. Мне казалось, выскажи я тогда ему недовольство, и он сразу бросит меня. Я боюсь быть снова отвергнутой.

И вот сейчас моя первая попытка возродить ту прекрасную девушку, что жила где-то в

глубине меня.

Делаю шаг. В кафе играет тихая музыка, не яркий свет. За столиками почти никого нет. Только в дальнем углу сидит лысоватый мужик лет так сорока и пьет кофе.

Оглядываюсь по сторонам в поисках своего кавалера. И тут мужик встает, улыбается мне и идет навстречу.

— Светочка, я так рад, твое фото в профиле...бла...бла...бла...

А где тот парень? Твоё то фото в профиле не соответствует тебе нынешнему. О, чёрт, у него брюшко свешивается из-под ремня, на голове глубокие залысины, и когда он говорит, трясутся щеки.

— Ой, — резко опускаю взгляд на дисплей телефона. — Простите, мама звонит, надо срочно уехать.

Я мямлю, а потом разворачиваюсь и выбегаю из кафе со скоростью пули.

Только в след слышу: Светочка, Светочка, постойте...

Бегу так быстро, насколько позволяют мои каблуки. Вот ведь дура! На фотку повелась, а этот тоже хорош, на крючок ловит, хоть бы на себя со стороны посмотрел. Я злюсь на себя. Забегаю за угол и открываю профиль кавалера. Ну, все так и есть, возраст явно себе занижил, написав, что ему тридцать лет. Заношу его в черный список. И выдыхаю, а потом набираю Римму.

— Ну, как свидание, подруга? — раздаётся веселый голос.

— Ой, Римма,...

И я расписываю в красках своего «жениха».

— Престарелого Казанову на молоденьких потянуло, — смеется Римма. — Не расстраивайся, бывают и неудачи.

И еще раз ругаю себя. Решаю, что на сегодня хватит мне острых ощущений, как в Тиндер приходит приглашение на свидания. И мой кавалер совсем рядом. Правда встречу он назначает в маленьком кафе в двух кварталах от меня. Но я соглашаюсь.

И бодрым шагом иду на следующее свидание.

Вхожу в кафе. Здесь много народа, все столики заняты. Кто-то пьет кофе, кто-то сидит за ноутбуком, курят, над головами висит сизое облачко, хоть вытяжка хорошо работает. Давно не бывала в таких местах.

Где-то у самой стены мне машут рукой. Пробираюсь сквозь толпу, на меня смотрят недовольно, но двигают стулья, давая возможность пройти. Вот и мой новый знакомый. Кажется, его зовут Витя, его анкету я не успела прочитать. Не Виктор, нет Вик, именно Витя. И ему двадцать семь лет, как и мне.

Он поднимается из-за стола и протягивает мне одну розу, и тут меня разбирает смех. Витя на полголовы ниже меня, но, видимо, его это не обескураживает. Он щуплый, совершенно невзрачный, но с мальчишеской улыбкой от уха до уха. На его щеках проступают ямочки, а в глазах пляшут чертики. Это подкупает.

Поэтому я сажусь на стул за его столик, решая продолжить знакомство.

С Витей, оказалось, легко общаться, разговор ведет он.

Оказалось, что мы почти земляки. Он тоже приехал в Москву с Урала в надежде на карьеру, хотел быть программистом, но карьера не задалась. Сейчас он обычный продавец в Ситилинк.

Я же вяло рассказываю о себе, только основное, мне не хочется с незнакомым человеком делиться личным. Для себя я решила, что это одноразовая акция, больше с

ВИТЕЙ встречаться не буду.

Потом мы переходим на интересы, и тут у меня происходит разрыв шаблона. Мне всегда казалось, что на первом свидании о таком не говорят. Но мой новый знакомый вдруг поднимает тему секса.

— Я люблю экстремальный секс, самый экстремальный у меня был в машине в городской пробке. Моя знакомая девушка сначала сделала мне окуенн...отсос, а потом запрыгнула мне на колени и дала поиметь ее в зад, пока мы стояли в пробке ...

У меня от шока медленно падает челюсть.

— А еще мы занимались сексом на смотровой площадке, когда там были туристы, я мечтаю попробовать прыгнуть с парашютом и заняться сексом прямо в воздухе, в самолете у меня уже был...

— Витя, это нормально рассказывать такое на первом свидании, — произнесла я с возмущением, после того, как вышла из ступора.

— А чего, я сразу говорю девушке, чего я ищу, не люблю нюни разводить.

— Витя, ты сейчас гадости мне рассказываешь, — я повышаю голос, и на нас начинают оглядываться.

— А чего тут такого, это все естественно, — мой собеседник видимо не понимает, что переступил черту, а я просто ошарашена, он кладет свою ладонь на мою и сжимает ее, меня накрывает.

— То есть ты считаешь, что рассказывать о своих потрапушках — это нормально, — я уже почти ору.

— Так я в Тиндере указал, что ищу девушку для экстремального секса, — удивляется парень.

И тут я хлопаю себя по лбу. Вот ведь балда! Я не прочитала о парне ничего. Просто глянула на его фото и меня зацепила его обезоруживающая, мальчишеская улыбка и голубой цвет глаз. А информацию о нем я не посмотрела.

— Прости, Витя, я неправильно поняла. Прости, но потрапушки в воздухе — это не ко мне, — я встаю и пытаюсь уйти, но Витя хватает меня за руку и разворачивает к себе.

— Постой, ну ты же не попробовала, может тебе понравится, — он с щенячьей преданностью заглядывает в глаза, но в глубине его глаз плещется что-то совсем другое.

— Нет, не понравится, — твердо говорю и выдергиваю руку из захвата.

— Динамишь, — и с парня спадает маска дружелюбия, глаза становятся злыми, вот сейчас он становится похож на маленького крысёныша.

— Нет, просто я не прочитала твой профиль, поэтому не знала...

— Надо просто один раз попробовать, тебе понравится, ты же ни разу не пробовала? Это по тебе видно. Не пробовала же? Например, секс втроем? У меня даже друг один есть, — его захват становится жёстче, а мне — страшно. Руки дрожат, я пытаюсь набрать на телефоне Римму. Но Витя вырывает у меня из рук телефон. Кругом люди, но на нашу ссору внимания не обращают, а мне неудобно кричать «Помогите».

— Витя, я пошла домой, — я резко вырываюсь и выдергиваю из его рук свой телефон, разворачиваюсь и бегу на выход.

Приходится вновь пробираться сквозь ряды стульев и столиков, я бегу, запинаясь о чьи-то ноги. Но только я оказалась на крыльце, как мне хватается за рубашку и тянет на себя Витя.

— Витя, отстань! — ору я.

— Стой, мы еще не договорили, — рычит сзади Витя. — Мне ещё никто не отказывал.

Вокруг никого, вечер.

— Я домой хочу, — хнычу я, дергаясь в его руках.

Но он не ослабевает хватку, и прижимает меня к себе, спиной прижимает к своему телу, сквозь брюки чувствую его возбуждение. И тут до меня доходит, что никто на помощь мне не спешит, и из этой ситуации мне надо выбираться самой. И я бью со всего маха его каблуком под колено, он охает, ослабевая хватку. А я бью сумкой по его причинному месту.

Витя бледнеет, шипит и начинает оседать, отпускает меня. И тогда я разворачиваюсь и бью его в челюсть кулаком. Витя со стуком падает на землю. А я мчусь со всех ног в сторону своего дома.

Вбегаю в подъезд, у меня трясутся руки. Я не с первого раза попадаю в замочную скважину. Трясучка такая, что я слово сказать не могу. Бросаю вещи на пол, раздеваюсь, разрывая застёжки, и залажу в ванну. Наливаю очень горячей воды и лежу, пока моя трясучка не проходит.

Потом иду на кухню и наливаю себе настойки валерианы.

— Уф, чего у тебя валерьянкой так пахнет, — хлопает дверь, и в квартиру входит Римма, у нее есть свой ключ на всякий пожарный случай. — Светочка, что случилось?

Римма меняется в лице, подходит и обнимает меня. А у меня начинается откат. Зубы стучат о край стакана, слезы льются ручьями. Через полчаса истерика утихает, и я внятно рассказываю все Римме.

— Ну, Светик, тебе не повезло, сразу на неадекват налетела. Где он там работает? — в голосе Риммы звучит угроза.

— Рим, я думаю, ему хватило сегодня, я его так по причиндалам...

— Я бы ему причиндалы вообще обрезала, сделала бы обрезания по самые гланды, — глаза Риммы сверкают, вот не удивлюсь, если она это уже делала.

— Света, давай договоримся, что все свидания только в кафе «У Ашота», там за тобой приглядят, если поведение мужчины тебе не нравится, просто свисни официанта, того под руки выведут, а тебя домой проводят. Хорошо?

— Хорошо. Только я теперь долго не смогу на свидания ходить.

Глава девятнадцатая

Я сделала скрин с профиля Вити и разослала по всем сайтам, куда только смогла. Админу в Тиндере написала. Через полчаса профиль Вити был удален.

Хотя не факт, что он не сделает новое фото и вновь создаст себе профиль, ну хоть кто-то увидит его морду, узнает, и будет с ним осторожен.

А в моей голове опять поселился рой мыслей. Что со мной не так? Почему у меня не получается выстроить отношения с мужчинами, а мужчины мне попадаются сплошь козлы.

Мой первый мужчина меня предал. Променив на продажную девку. Я стала бояться заводить отношения, почти четыре года полного игнора в сторону мужского пола. Я отгоняла от себя мужчин своей холодностью и высокомерием. Даже прозвище получила «Снежная королева». И у меня сложилось ощущение, что я так хорошо научилась отгонять от себя мужиков, что нормальные ко мне не подходят и на пушечный выстрел.

Может мне к психологу сходить?

Но тут на пороге появляется Римма.

— Привет, подруга, мы завтра идем с тобой на квест! — радостно кричит она.

— Какой квест? — смотрю на нее, выпучив глаза, у меня тут вся жизнь сплошной квест.

— Мне подогнали билеты на очень крутой квест, тебе понравится.

— Рим, настроение не то, — пытаюсь я отделаться от подруги, но с Риммой это не прокатит.

— Я понимаю, вчера у тебя были не самые лучшие свидания, не самые хорошие эмоции, поэтому клин клином вышибают.

— Что ты имеешь в виду?

— Квест с элементами хоррора.

— Римма, ты с ума сошла, я и так всего боюсь...

— Вот и надо страхи страхами выбивать, клин клином вышибают, — говорит Римма.

На следующий день я, одетая в спортивный костюм и кроссовки, стою перед подъездом и жду Римму. У меня несколько минут, чтобы подумать и отказаться. Но я медлю. И вот уже во двор въезжает красненькая машина Риммы. Я выдыхаю. Поздно.

Нам приходится ехать на другой край Москвы, благо раннее утро субботы, машин нет. Мы быстро добираемся до места.

Это заброшенный завод советских времен. Бетонный забор, железные, откатные ворота на въезд. Вокруг тишина. Из-за забора торчат покоцанные по весне обрубки тополей, которые к лету успели обрасти сочной зеленью. Заспанный дед пенсионер открываем нам железные ворота. Мы едем по указателям до стоянки. Удивительно, но приехали мы самыми первыми.

Проходит минут пятнадцать, и начинают подтягиваться люди. На стоянку подруливают дорогие иномарки, вот никогда бы не подумала, что состоятельные люди любят поиграть в квесты.

Нас собралось человек двадцать с небольшим. Из них только четыре женщины: я, Римма и две девчушки лет так двадцати. Девчонки совсем салаги, либо косят под тинэйджеров. По ним видно, что на квест приехали, чтобы задницами перед мужиками покрутить. Одеты соответственно: короткая юбка в складку, гольфы полосатые, яркие кроссовки, бомбер. Стоят вызывающе жуют жвачку, надувая яркие, розовые пузыри, глазами стреляют.

Вот только рядом с Риммой любые красотки меркнут. Мужики глаз от Риммы не отводят, весь асфальт слюной закапали. А я уже подумываю написать её йети, пусть приедет и им глаз натянет. Хотя за Римму я спокойна, если что, она сама может, кому угодна яйца оторвать.

Нас с Риммой начинают клеить парни. Девчонки тинэйджерки резко сдуваются и киснут.

— Какие симпатичные девчонки сегодня с нами в игре...

Один из молодых людей мне кажется очень знакомым, просто не могу вспомнить, где его видела. Я точно помню и эти карие глаза, и темные ежиком волосы...

Тут появляются администратор. И начинается инструктаж, из которого я мало что понимаю, потому что пялюсь на того, кто показался мне знакомым.

— Вы меня не узнали, — он вдруг наклоняется ко мне и шёпотом говорит.

— Нет, а должна была?

— Мы с вами в Тиндере перекинулись парой фраз перед выходными, я Олег, — он подмигивает мне. — Я рад вас встретить здесь.

Краснею до макушки, как же я могла его забыть. Мне же он сразу понравился, вот только в тот день не смог со мной встретиться, а на выходных у него были планы. Я рада, что наши планы совпали. Ох, знать бы заранее, не стала бы назначила встречу другому. Уж эти мне свидания.

Но игра начинается. И мне некогда отвлекаться. На нас надели длинные плащи, ярко-желтые жилеты, на руки нацепили маячки, по нему можно дать сигнал бедствия, если стало плохо. В руки всучили по игрушечному пистолету, стреляющему краской.

Мы выбрали лидера, сурового дядьку лет так сорока, вот не знала, что такие дядьки любят поиграть в квест. Он ведет себя как настоящий командир боевого подразделения. Делит нас на подразделения и в каждом выбирает командира. Девушек взяли по одной в каждую команду.

По его приказу каждая из команд должна обследовать по одному помещению. У всех мини рации для связи в нагрудных карманах.

Как я поняла из вводного курса, что наша задача найти сейф с лекарством и спасти город от зомбоапокалипсиса.

Нас заводят в помещение цеха, и за нашими спинами задвигаются огромные железные ворота цеха. Они со скрежетом ползут по бегункам, отрезая нас от внешнего мира. В конце звучит металлический удар, скрежет задвигаемого засова. Атмосфера пропитывается ужасом, липкий страх разбегается мурашками по рукам и ногам.

Мы в игре.

Всё игровое поле — это огромное старое здание завода с кучей переходов и коридоров, пять этажей, один большой цех с лесенками вдоль стен. Каждая лесенка ведет на свой этаж, а где-то в глубине этих помещений прячутся зомби.

По условиям игры, если тебя «укусил» зомби, то ты выбываешь из игры, поэтому надо смотреть в оба и успевать отстреливаться, а еще решать загадки, что подкидываются на каждом этапе.

Я попала в его подразделение Олега, он наш старший. Мы идем по цеху, парни, как настоящий спецназ. Не реальное зрелище, как будто идет съемка фильма, а я одна из героинь. Парни скользят, стараясь не наделать шума, пистолеты наизготовку.

И вот тут-то я лоханулась. Я так увлеклась разглядыванием парней, что проморгала зомби. Он выскочил из-под лестницы и бросился напрямик ко мне, словно угадал, что я слабое звено. Страшное лицо до смерти перепугало меня. Но кто-то из команды успел выстрелить, и чудовище упало «замертво» на землю.

Я хотела заорать, но чья-то рука заткнула мне рот, и голос с хрипотцой прошептал: Тихо, не ори, а то они полезут из всех щелей.

Это было так страшно, что я первые минуты не могла произнести и слово. Олег взял меня за руку, заглянул в глаза и спросил: С тобой все нормально, ты продолжаешь игру?

И я только потрясла головой.

И тут ожила рация.

— Команда два, как слышите, что у вас?

— Зомби во втором коридоре.

— Зачистите коридор, в конце него должна быть комната, проверти ее.

— Принято...

И Олег дает сигнал бойцам. А у меня ощущения другой реальности. Это не может быть правдой? Это просто игра! Но это настолько реалистично, что я уже не понимаю, где реальность, а где игра. Сюрр.

— Серега, прикрывай девушку, — кидает Олег парню справа от меня.

Все одевают очки ночного видения и идут в сторону коридора. Там темно. И только лазерные прицелы на пистолетах чертят строго прямые линии на стенах.

Я опять не заметила зомби, он пропустил всех бойцов и выскочил прямо у меня перед носом. Выстрел. Да я от испуга выстрелила! Мой охранник добивает зомби в голову.

— Молодчина, — шепчет мне на ушко, а у меня по коже пробегает стая мурашек.

Впереди раздаётся пара выстрелов. И где-то позади нас дикий женский визг.

Там в цехе начинается суматоха, судорожные выстрелы, их много, там идет бой с зомби.

У нас же темнота. И вот дверь.

— Пацаны, — скрипит рация, — у нас потери, выбыло трое.

В темноте этот голос пробирает до костей. словно я действительно в городе, пораженном страшной болезнью, что превращает людей в зомби. И нам надо найти это чертово лекарство.

Вот и дверь. Черная, неприметная. Парни расходятся по ее сторонам, вставая наизготовку, а Олег бьет по двери ногой. Она гнется, но не поддается.

— Может она открывается наружу? — робко говорю я.

Мужики резко поворачиваются в мою сторону, и мне кажется, смотрят на меня с удивлением. Но Олег протягивает руку к скобе и дергает дверь на себя.

Она со скрипом открывается, и в глаза бьет солнечный свет. Парни со стоном срывают с себя очки ночного видения, и не успевают заметить, как в коридор выскакивает зомби. И я стреляю. Дважды. Попала.

Мужики стирают с лица пот: Зачетный выстрел.

И один из моих бойцов поднимает большой палец вверх. Все вокруг смеются.

— Ну, девка, ты даешь, — ржёт кто-то за моей спиной.

А я смело делаю шаг в комнату. Здесь пыльно. На полу куски штукатурки, по углам лежат старые пожелтевшие папки, из них торчат листы бумаги. Посередине стоит разохшийся стол. Его словно йети драл. Столешница в трещинах, боковины со следами от когтей, ящики выбраны.

— Так, ребята, быстро ищем карту- схему, — отдает приказ Олег.

И мы разбредаемся по комнате, в поисках непонятной карты. Мне достается угол с наваленными папками. Как истинный юрист и перфекционист, я не люблю беспорядка, поэтому аккуратно раскладываю папки стопочкой.

И вот под одной из них мне попадется листок с какой-то схемой. Здесь черточки, схема каких-то помещений, красный кресты.

— Я, кажется, нашла....

Игра продолжается!

Глава двадцатая

Мы на коне. У нас в руках карта всего завода, где отмечены места, куда обязательно нужно попасть. Вот только там нас точно ждёт засада.

Мы снова проходим темный коридор и выходим в цех. Яркий свет, который льется из огромных окон, бьет по глазам. Пыль, висящая в воздухе, забивает легкие. Тут словно Мамай прошёлся. Кругом валяются зомбоки, все залито краской, что лежит красными полосками по стенам, по гравию на полу. Вторая и третья команда в урезанном количестве стоит среди этой разрухи. Нет девчонок тинэйджеров. Как сказали бойцы, выбывают сразу слабые звенья. Первый отряда обследуют второй и третий этажи. До нас доносятся одиночные выстрелы и крики.

Олег коротко кивает головой командиру, теперь тот отвечает сразу за два отряда. В первом же бою выбыла большая часть команды. Они перебрасываются парой фраз, смотрят

план и определяют дальнейшую тактику.

Мы снова разделяемся, только теперь наш отряд идет вверх. Нам отведена роль зачистки пятого этажа, и поиска ключа.

Олег командует, и мы выстраиваемся цепочкой, замыкают цепь сильнейшие. И вот уже отряд скользит вверх по металлическим лестницам. Те ржавые и поскрипывают под весом тел, на некоторых переходах нет перил. Идти страшно, а еще приходится постоянно оглядываться. В стенах куча ниш, где могут прятаться зомби.

Практически бесшумно и без потерь мы добираемся до верхнего этажа. Вот и поворот в коридор. Олег тормозит группу, светит фонариком в темный проход. И поднимает руку. Бойцы понимают его с полуслова и распределяются по обе стороны прохода. И только Олег с оставшейся группой хочет войти в проход, как от туда вываливаются зомби.

Боже!»! Они такие страшные. Плоть отстала от костей и висит лохмотьями, сквозь кожу выпирают кости черепа. Один тянет ко мне костлявую руку, и я стреляю. По-моему я даже не отпускаю курок, жму и жму на него, а зомби все выбегают и выбегают из темноты. Вот уже перед входом навалено куча из мертвых зомби. Я даже слышу омерзительный запах разлагающейся плоти.

На мою руку ложится чья-то рука, и у меня забирают пистолет, перезаряжают и вновь вкладывают в руку.

— Хорошо стреляешь, боец, — ко мне подходят другие члены команды и жмут руку.

— Ну, ты даешь...

— Блин, если были бы знакомы раньше, то брали бы на все квесты тебя...

— А ты клевая!

Это они все мне? Я замираю перед кучей зомби.

— Ничего ты их настреляла?

Это все я? Ничего не понимаю, просто увидела первого зомби, бегущего на меня по темному коридору, и нажала на курок. Потом стреляла на автомате, уже от страха. Ведь их было много, а я очень боялась. Этот ужас просто прошел все тело насквозь.

Мрак! Я это воспринимаю уже никак игру. Нет! Я ощущаю себя в другой реальности, вижу, слышу и даже обоняю.

Боже! Не тронуться бы умом.

И тут Олег отдает команду, и мы движемся по узкому, темному коридору.

Идем цепочкой, держа пистолеты на весу.

Олег впереди, он пинает каждую дверь. Какие-то из них, со скрипом открываются, другие же наглухо заколочены. Мы почти дошли до тупика, как одна из дверей, казавшаяся нам заколоченной, вдруг распахивается и от туда вываливается страшный зомбак.

Нет! Я не хотела, просто так среагировала моя рука. Я ударила его кулаком в зубы!

— Ой, по зубам то зачем? — закричал зомби голосом обычного среднестатистического пацана. — Блин, брошу это занятие, второй раз по зубам получаю.

Сделал грустное заключение зомби, получил струю из пистолета и лег, изображая убитого.

В последней комнате мы получили ключ.

По рации договариваемся с первой командой. И спускаемся в цех.

Там сбор всех подразделений. Смотрю на сильно поредевшие наши ряды и с радостью отмечаю, что Римма до сих пор в строю.

После короткого совещания, все вместе ищем сейф, разгадываем ребусы, что открыла первая команда на третьем этаже. По ним находим нишу в стене, там сейф. Долго ломаем голову над кодом. Но разгадываем последнюю загадку.

Конец игре. Мы взламываем сейф, и раздается сигнал окончания игры.

Все радостные. Нас провожают к накрытым столам. Здесь в термосах душистый чай, пирожки на блюде, вкусные бутерброды.

Все смеются, рассказывая, как застрелили своего первого зомби, у всех огонь в глазах, адреналин в крови.

— Я предлагаю тост, — поднимает свой стакан Олег, — за самого продуктивного бойца, Светлану! Сегодня она застрелила больше всех зомби.

— Ура! За Светку, самого лучшего бойца в мире!

— За Свету, ты молодчина!

Несется со всех сторон, восторженные вопли вводят меня в ступор. Это все обо мне? Это я такая клевая? Это правда?

Даже Римма поднимает свой бокал с чаем и подмигивает мне.

Со мной обнимаются, меня целуют в щеку, некоторые мужчины целуют мою руку. А Олег шепчет мне на ушко: Пойдешь со мной на свидание?

Я краснею до корней волос, смущаюсь.

Но потом начинаются еще «тосты» и радостные воспоминания, как мы мочили зомбаков.

День заканчивается на мажорной ноте. В крови еще гуляет адреналин, но мы уже садимся в машину и уезжаем домой с Риммой.

Завтра у меня свидание с Олегом.

— Ну, как тебе?

— Ой, Рим, сначала казалось, что это не игра, а реальность, было до жути страшно.

— Они специально создают такую атмосферу, как в реальности.

— Потом сама не поняла, как застрелила первого зомби, страшно было, выстрелила на автомате.

— Попала?

— Да с первого раза! А потом так втянулась в игру, что в конце даже пожалела, что все закончилось.

— А настроение?

— Супер!

— Мне так понравилось, как тебя хвалили мужики!

— Я сама в шоке! И знаешь, мне так подняли самооценку, что, пожалуй, к черту пошлю Алексей, Витю и ежи с ними, — смеюсь я. — Я крутая!

Как мало надо женщине, чтобы почувствовать себя хорошо. Не нужны дорогие подарки. Надо что бы окружающие говорили тебе чаще, что ты супер, ты молодец, ты клевая. И самый красивый мужчина пригласил на свидание. Хотя я уверена, что он просто обогнал других, там не один он хотел пригласить.

По дороге мы заезжаем в торговый центр, купить продуктов. В моем холодильникемышь повесилась, а мы с Риммой решили отметить наш дебют. Думаю, мы играем не последний раз.

Супермаркет огромен, мы теряем из вида друг друга.

Я иду по рядам фруктов и овощей. Смотрю, нюхаю, выискивая наиболее спелые

персики и груши. Увы, в магазинах все твердое и на первый взгляд напоминает пластмассовые фрукты. Мой взгляд скользит по фруктовым развалам и упирается в знакомую фигуру.

Боль пронзает сердце. Старая рана обнажается и вновь течет кровь.

Перед ящиками с овощами стоит Алексей.

Где мой бывший, и где магазин? Он понятие не имел, как выглядит кабачок и цветная капуста на лотках в супермаркете. И вот сейчас он стоит тут, выбирая себе овощи.

И тут вдруг из второго ряда, закрытого для моего обзора ящиками, выныривает Мила. Быстро подбегает к Алексею и, шепча тому что-то на ушко, накладывает в пакеты овощи, виляя тощей задницей, бежит их взвешивать. У меня пропал аппетит. Есть резко расхотелось.

Я отвернулась и пошагала прочь.

Римму нахожу в ряду с алкогольной продукцией. У нее в корзинке уже лежит торт и готовая пицца.

— Рим, торт для фигуры не вредно? — язвительно спрашиваю ее.

— Светочка, не вредно, иногда, даже полезно, а мужики, знаешь ли, на кости не бросаются, — улыбается Римма.

Ох, мне бы ее уверенность!

Глава двадцать первая

С понедельника мы с Риммой идем в тренажерный зал. Ее Амир договорился с тренером для меня, а через Римму передал, что не примет от меня отказа.

Ох уж эти мне восточные люди!

И вот мы подходим к большому стеклянному зданию нового центра. На первом этаже бутики спортивной одежды, магазины спортивного инвентаря, спортивного питания. Второй этаж и третий занимают тренажерные залы, а в отдельной пристройке — бассейн. И это всё епархия Амира. Здесь всё принадлежит ему, и я понимаю, насколько богат мужчина Риммы.

На стойке администратора нам выдают черные с позолотой карты. Девушки за стойкой нам так широко улыбаются, столь подобострастно, что невольно мурашки по коже бегут. Мы получаем полотенца и браслеты для раздевалки.

— Чего это они нам так улыбались? — спрашиваю я у Риммы.

— У нас с тобой «золотые карты», это VIP — клиенты, с доступом ко всем услугам зала, такие карты на год почти пол ляма стоят.

— Ого, Амир расщедрился! — удивляюсь я.

— Ещё бы он не расщедрился, будущей жене обязан подарки делать!

— Жене? — ещё больше удивляюсь я.

— Аха-ха, у нас все развивается стремительно, — смеется Римма.

— Ты мне не рассказывала, давай, колись, — нависаю я.

— Потом...

Мы переодеваемся, и нас уже на входе в зал встречают два тренера женского пола. Думаю, Амир не разрешил бы Римме тренироваться с мужчиной. Мне подобрали тренером симпатичную блондинку с точёными формами. Она представляется Соней.

Соня чемпион в направлении Бодифитнесс, сама создает программы, а еще обучает тренеров. Она мне нравится. Мне нравится, как она выглядит, как разговаривает. Соня сначала выясняет мои мотивы, потом взвешивает меня, измеряет рост.

— Светлана, у вас всё хорошо с весом, вы пропорционально сложены, — говорит она

обнадеживающе. — У вас нехватка на данный момент мышечной массы, поэтому я предложу вам курс упражнений и еще дам рекомендации по питанию, чтобы вы немного набрали вес.

А дальше мы начинаем разминку и тренировку.

Ох, где там мои мышцы. Через два часа у меня болит все. Даже плавание в бассейне и сауна не помогают. Я с трудом передвигаюсь, а еще надо добраться до дома. А у меня в холодильнике мышшь повесилась, Соня говорит, что надо обязательно после тренировки через час покушать.

Но тут, на наше счастье, приезжает Амир. Даже не дает слово вставить, просто усаживает нас с Риммой в свой автомобиль для йети и везет в супермаркет.

В огромных руках Амира тележка в супермаркете смотрится, как игрушечный автомобильчик в руках ребенка. Он быстро движется по рядам, накладывая в тележку пакеты, коробки, свертки. В один момент я отстала и ... вновь натыкаюсь на Алексея с Милой, прямо несчастье какое-то. Только теперь мы столкнулись нос к носу. Да что за невезуха такая.

— Я смотрю, ты просто захла без меня, — язвит Алексей, после тренировки я немного лохматая, в обычном спортивном костюме, без косметики. — Или ты тут уборщицей работаешь?

— Да, видок у тебя потрепанный, — язвит Мила.

— Мила, а ты еще один раз в глаз хочешь получить? — я зла на них, зла на себя, чего вот нюни по Алексею пускала, говно он, а не человек.

Мила осторожно перемещается за спину Алексея, видно в моих глазах прочитала угрозу.

— Ну, милая, расскажи, как сложилась твоя жизнь. Где работу нашла? Уборщицей работаешь, кладовщиком, продавцом? — Алексей ехидно улыбается.

— Нет, Алексей Алексеевич, юристом я работаю, — пытаюсь согнать самодовольную ухмылку с лица Алексея.

— Да, ладно! Кто тебя возьмет юристом? Ты же у нас воровка! — вдруг говорит Алексей, а у меня мурашки бегут по всему телу. Это он сейчас о чём?

— Светочка, мы тебя потеряли, — раздаётся позади меня бас Амира, и огромная серая тень надвигается на нас.

Алексей вдруг меняется в лице. Мила рот открыла и из-за плеча Алексея вынырнула. Она уже навскидку оценила мужчину. Я видела, как она бросила быстрый взгляд на его руки, где блеснули часы стоимостью с автомобиль; быстренько пробежалась взглядом по его костюму; заценила туфли. Ее рот расплылся до ушей, глаза распахнулись, она усиленно захлопала ресницами опухшими. Но это все не про Амира. Он не удостоил ее даже взгляда.

— Светочка, пошли быстрее, мне еще ужин вам готовить, Римма тебя голодной не отпустит, — басит Амир, и я, подхватив его под руку, разворачиваюсь и скольжу дальше по супермаркету.

На секунду оглядываюсь и вижу, Алексей стоит напряженный, его глаза молнии чертят страшные зигзаги, челюсти сжаты, аж зубы крошатся. А Мила завистливо смотрит нам в след.

Так и хочется показать этой парочке средний палец!

Вот только слова Алексея «Ты же у нас воровка» не дают мне покоя.

И пока Амир на кухне возится с мясом, а Римма болтает со мной ни о чём за бокальчиком красного вина, я все кручу в голове эту фразу. Алексей меня где-то подставил. Вот теперь надо разобраться где.

Я словно вновь играю в квест, и мне надо разгадать очередную загадку, чтобы пойти дальше.

— Ты совсем меня не слушаешь, — Римма печально смотрит на меня. — Что-то случилось, это как-то связано с тем говнищем, что ты в магазине встретила?

Алексея Римма по-другому и не называет.

— Рим, тут все сложно, но когда разберусь, я тебе скажу...

Разгадка пришла очень быстро.

На следующий день мне позвонили и пригласили в отделение полиции.

Хорошо в этот день работы было мало, и я отпросилась у Кирилла Дмитриевича.

Здание полиции нахожу с трудом, даже опаздываю. Мне выписывают пропуск. И я делаю шаг в узкий коридор в сторону кабинета следователя. Меня накрывают воспоминания о нашей игре. В коридоре мало света, посередине перегорела лампочка, разделив коридор на две освещенные половины, а посередине мрак. По коридору движутся люди, попадая в неосвещенную половину, они словно растворяются, и выныривают с другой стороны. Ощущение нереальности происходящего, так и кажется, что сейчас из темноты вынырнет страшный лик зомби.

Вот и нужный мне кабинет. Стучусь. Слышу рык «входите», и толкаю дверь.

Обычный кабинет. Во время учебы мы проходили практику, все как в те времена. Окно с решёткой, два стола, по бокам стоят стулья для посетителей, огромный, металлический сейф у стены. За столом сидит мужчина в гражданской одежде, лысоват, непонятного возраста с одутловатым лицом.

Даю ему повестку, он смотрит и кивает мне на стул.

— Опаздываете, — голос его скрипучий и неприятный.

— Это не мой район, я здесь не живу, поэтому не особо ориентируюсь.

— В курсе, по какому поводу я вас вызвал?

— Нет.

— Вы работали в Стройинвесте, кем? — вот так и знала, что Алексей мне где-то подгадил.

— Да, работала четыре года, начала помощником менеджера, потом менеджером, затем старшим менеджером. Полгода назад была переведена на должность помощника юриста. Потом уволилась.

— То есть юристом вы проработали полгода?

— Нет, только помощником.

— У вас диплом юриста...

Он задает и задает мне наводящие вопросы, у меня ощущения, что мы ходим все вокруг да около. Меня словно испытывают на прочность. Или проверяет, смогу ли я дать отпор.

И вот основной вопрос.

— У нас есть доказательства, что перед увольнением вы с заместителем коммерческого директора гражданином Тихоновым Максимом Леонидовичем через подставные фирмы выводили деньги и стройматериалы с фирмы, — следователь смотрит на меня прозрачными, ничего не выражающими глазами снулой рыбы, на его лице нет эмоций.

— Я не знаю такого гражданина Тихонова, в момент, когда я еще работала на фирме, такого гражданина у нас в штате не было, вы это можете проверить по списку сотрудников, — я стараюсь держать poker-фейс, а внутри меня «колбасит» от осознания, что это все придумал Алексей.

— Вот сканы документов, договоров с вашей подписью, говорит об обратном, — и передо мной выкладываются договора на поставку стройматериалов, на работы, на субподряды, — внутри меня буря, я отчаянно цепляюсь хотя бы за кусочек нормальной реальности. Но цунами меня сносит. Руки начинают мелко дрожать и потеть. Это нереально, этого не может быть, зачем он так со мной!

Я борюсь с маленькой испуганной девочкой внутри меня, и юрист во мне поднимает голову. Начинаю просматривать документы более внимательно. Я знаю, что этого не может быть. Это подделка. И теперь вижу ляпы. Махинаторам не удалось полностью хорошо подделать такие документы. И пробелы вылезают наружу.

— Во-первых, документы точно составляла не я, это может установить лингвистическая экспертиза, шапка действительно взята из договоров, что когда-то писала я, в вот приложение к нему написано явно не мной. Во вторых, документ зарегистрирован уже после моего увольнения, что невозможно исходя из правил документооборота на нашем предприятии. Договор должен быть зарегистрирован сразу после подписания его с двух сторон, иначе он не действителен. А тут стоит дата с двухнедельным разрывом. В третьих, здесь подпись не моя, и опять же это докажет экспертиза.

— А я смотрю вам палец в рот не клади, — тянет следователь.

— Не надо мне в рот класть грязные пальцы. Мне стоит вызвать своего адвоката? — стараюсь смотреть на следователя уверенно, хотя внутри меня все трясется от страха.

— Пока нет, свободны, — Я внимательно читаю протокол своего допроса, подписываю его, а следователь забирает у меня пропуск и ставит размашистую подпись.

На дрожащих ногах я выхожу из отделения полиции и пытаюсь набрать номер Риммы.

— Ну, что, воровка, попалась на жаренном, — слышу я до боли знакомый голос.

Глава двадцать вторая

Алексей стоит позади меня. Я оборачиваюсь и сталкиваюсь с ним взглядом. Ледяное безумие, он замораживает, пугает не на шутку.

— Ну, тебе понравилось быть в роли подозреваемой?

— Это не шутка, Алексей, чего ты добиваешься?

— Айя-яй, Светик, ты нанесла огромный ущерб предприятию, огромный, — Алексей качает головой и цокает языком, это меня просто бесит.

— Говори, что тебе от меня надо, ты ведь это не просто так затеял?

— Ну что ты, Светочка, это не я затеял, это ты все устроила, а в результате аудита на предприятии была выявлена кража стройматериалов, денег со счетов.

Он говорит, говорит, валит какие-то факты, цифры, а меня пробирает мороз, не смотря на летний день. Он это все спланировал. Давно? Может уже тогда, когда жил со мной, готовил этот план. И соблазнил, наверное, чтобы с крючка не соскочила. А сам гулял по левым бабам. И все ждал удобного случая. И предложение мне перевестись в Подольск было отнюдь не случайно. А я-то думала, что он хочет посадить на мое место свою любовницу. Нет! Они бы за моей спиной проворачивали бы махинации, подставляя меня, и им сошло все с рук.

— Мой перевод в Подольск ты придумал? А я сорвалась с крючка, — спокойно бросаю ему фразу, как будто делаю ход конем.

И он морщится, на его лице гримаса брезгливости, явно недоволен.

Что, Алёшенька, разгадала я твой секрет, раскрыла твою подлую натуру?

— Это ничего не меняет, дело твое не прикроют, — сплевывает себе под ноги Алексей,

с него слетел флёр хороших манер, обнажая натуру обычного гопника времен девяностых. — По какой статье пойдешь под суд, тебе известно. Так что учи блатной язык, скоро понадобится.

— А может не мне блатной язык учить надо будет? Ааааа?

— Ты можешь избежать суда, но для этого тебе надо погасить растрату в десять миллионов, — спокойно добавляет он.

На миг я даже застываю. Это он сейчас о чём? Какие десять миллионов?

А он продолжает.

— Ты можешь продать квартиру своих родителей, потрясти кошельки родственников, если не наскребешь, то взять кредит. Думай быстрее, часики тикают. За неделю сумма должна быть собрана.

И он разворачивается уходить.

— А харя у тебя не треснет, — вдруг срывается с моего языка.

Алексей оглядывается, и пугает меня. У него хищный блеск и ярость в глазах.

— Не принесешь через неделю десять миллионов, пеняй на себя.

Кидает он мне и уходит. Вот сейчас мне становится действительно страшно.

И я набираю Римму. Заикаясь и трясь, пытаюсь ей что-то объяснить, но понимаю, что сейчас от меня мало толка.

— Далеко не уходи, сейчас буду, — кидает мне Римма.

Я делаю несколько шагов, нахожу скамейку, сажусь и застываю, как изваяние. Не чувствую, как течет время, даже не могу точно сказать, сколько прошло, как возле меня тормозит огромный внедорожник. А из него выскакивает Кирилл Дмитриевич.

Он-то тут откуда?

Не слова мне не говоря, подхватывает меня на руки и усаживает в машины.

Боже, я сплю? Мой директор упал с небес и стал ангелом?

Кирилл Дмитриевич запрыгивает на место водителя и трогается с места. Машина летит по проспектам.

— Куда мы едем?

— Римма просила привезти тебя к ней, — я удивленно пялюсь на Кирилла Дмитриевича.

— Римма? А вы где...

— Я в гостях у Амира был, ты разве не знала, что Римму Амир перевез жить к себе?

— Вот это новость! Год назад Римма кричала, что никогда и ни за что!

— Ну, за год многое могло поменяться, — смеется Кирилл, а я постепенно успокаиваюсь, потому что от Кирилла исходит такая аура сильного мужчины, что мне уже не хочется вспоминать Алексея.

Вот мы и загородом. Амир живет в большом двухэтажном доме, построенном на огромном участке. Дом сразу выдает хозяина, не может такой громила жить в маленькой квартирке. Здесь высокие потолки, широкие проемы, в коридорах на машине развернуться можно. Мы с Кириллом Дмитриевичем выходим на веранду, что чуть поменьше футбольного поля.

Здесь стоит мангал, стол для великанов, глубокие кресла вместо стульев. Меня обнимает Римма и ведет к столу.

— Давай, девочка рассказывай, куда на этот раз вляпалась, — басит Амир.

И я начинаю свой рассказ, стараясь ничего не пропустить. Мужики переглядываются.

— Как фамилия следователя? — спрашивает Амир, он набирает какой-то текст на телефоне и задает мне наводящие вопросы, я отвечаю на автомате.

— Ну, что скажешь, — спрашивает Амира Кирилл.

— Сейчас добрые люди проверят информацию, дадут ответ, — бросает Амир.

О чем это они? Смотрю на них с подозрением.

— Ты кушай шашлык, Светочка, пока он горячий, овощей подкладывай себе. Римма, девочка моя, налей гостье чая, — Амир ухаживает за мной, как и положено восточному хозяину.

— Да у меня кусок в горло не лезет, — я пытаюсь отбрыкаться, хотя шашлык выглядит аппетитно и истекает соком.

— Кушай, кушай, совсем худенькая, прозрачная, тебе кушать надо, а то как мы тебя замуж выдавать будем, — Амир шутит, внутри меня начинает таять лёд.

И тут у Амира звонит телефон. Он берет трубку и отходит от стола. Он слушает внимательно, кивает головой, бросает односложные фразы. Потом скидывает звонок и подходит к столу.

— Света, тебе лучше пожить немного с нами, в твоём деле все очень сложно и грязно.

— Мне что-то угрожает? — я пугаюсь, и лёд снова сковывает мне душу.

— Видишь ли, никакого дела на тебя не заведено. Это развод чистой воды. С тебя потребовали десять миллионов, а это уже шантаж.

— Как нет дела? Я своими глазами видела документы, — еще больше трясусь я.

— Мой человек сказал, что никакого дела нет, следовательно такой есть, а дела нет. Возможно он в деле с другими шантажистами. С тебя просто хотят поиметь денег. Поэтому тебе лучше пожить с нами, здесь охрана, на работу тебя будут возить, с работы забирать.

— Мне страшно, — меня действительно начинает потряхивать.

— Мы быстро разрулим это дело и виновных накажем, не переживай. Но на короткий период тебе лучше пожить с нами, — говорит успокаивающе Амир, но меня уже знатно трясет.

Какой же негодяй Алексей. Он жил со мной, мы вместе спали, я готовила ему и наглаживала рубашки, мечтала с ним завести детей. И что? Эта скотина решила меня опустить на деньги! Мерзость какая.

— Какой он мерзкий! — это я сказала вслух.

— Я тебе сразу сказала, что это говнище, — долго молчавшую Римму прорвало. — Он всегда был таким. Жаль, что не смогла приехать тогда к тебе, помогла бы тебе его вещички собрать. Я бы не только его Миле в глаз дала, но и ему бы глаз на жопу натянула.

Римма кровожадно расписывает, что бы она сделала с Алексеем. А Амир смотрит на нее с обожанием.

— Кстати, мы давно хотели пригласить тебя в гости, — начинает Амир, потом смотрит на Римму.

— У нас через месяц Никах, потом свадьба, — добавляет Римма, сама смотрит так ласково на Амира, что мне становится немного завидно. — Ты у меня подружка невесты. Никах будет в Казани, так захотели мои родители.

— А меня Кирилл Дмитриевич отпустит, — смотрю на своего начальника.

— А Кирилл Дмитриевич с нами едет, так как он друг жениха, — смеется Амир.

И мы начинаем обсуждать свадьбу пить вино, есть шашлык. И вот уже мои страхи отходят на второй план. Мне не так уже и страшно.

Поздно вечером Римма стелет мне постель в комнате для гостей, Кирилла Дмитриевича селят в соседней комнате. Дом Амира такой большой, что мест хватает всем.

— Рим, мне не верится, что ты решилась выйти замуж, — я смотрю на Римму, а она светиться от счастья.

— Когда найдешь своего мужчину, тогда тоже отбросишь все предрассудки, и точно будешь счастлива, — она улыбается, а я так рада за нее. — Присмотрись к Кириллу, хороший мужик.

Она говорит, прикрывая ладошкой рот и кося взглядом на соседнюю дверь, где вторая гостевая спальня.

— Ой, там Ядвига с говном сожрёт, если я в его сторону хоть взгляд брошу, — шёпотом отвечаю Римме.

— Ядвига не его девушка, он ее на мероприятия не берет. Значит, мужик чётко очертил ей границы, за которые она не должна заступать, — еще тише шепчет Римма. — Хватай, пока его свободен.

Но я только смеюсь.

Утром мы с Кириллом Дмитриевичем заезжаем ко мне на квартиру, и я собираю вещи. Придется привыкать жить ссылке. Сегодня я переселяюсь к Амиру с Риммой.

На работу мы приезжаем вместе.

Кирилл Дмитриевич выходит и открывает мне дверку, подавая руку. А на крыльце замерла в стойке кобры Ядвига.

Глава двадцать третья

Утро, как обычно, суматошное. Только к десяти часам появляется минутка на кофе. И мы с Катей бежим на кухню к кофемашине.

— Ты не знаешь, чего это Ядвига сегодня не в духе, молнии мечет, а сама выглядит, как сбитый летчик, — смеется Катя.

— Мы с Кириллом Дмитриевичем приехали на работу вместе, он мне так галантно руку подал, чтобы я из машины вышла, а Ядвига в это время на крыльце стояла, — смеюсь в ответ я.

— Ааааа, тогда понятно, а я думаю, чего это у нее губёшки расплющило, — Катюша ржёт, она недолюбливает Ядвигу и, втихаря зовет бабой Ягой. — А вы откуда такие красивые нарисовались?

У Катюшки загораются от любопытства глаза, но я пока не хочу ей рассказывать все мои злоключения, поэтому говорю только то, что она и так знает.

— Мы были в гостях у Амира с Риммой, выпили вина и остались ночевать, а утром вместе поехали на работу.

— Никак обсуждали свадьбу, — хитро щурит глаза Катя.

— Да, я должна быть подругой невесты, вот мы едем в Казань на Никах, ты ведь с нами, — смотрю на Катю, я не в курсе, приглашали ли ее, но она названная сестра для Кирилла и Амира.

— Да, мне Амир звонил, только я не поняла, куда меня пригласили, что это такое Никах?

— Это брак для мусульман, обряд, который совершается в присутствии муллы, — уточняю я.

— А мы там зачем? — недоумевает Катюха.

— Это как этап в бракосочетании, сначала празднуют у невесты и ее родителей, а затем

у жениха. На самом обряде присутствуют только близкие.

— Ааааа, ну ладно, Амир хочет поехать в Казань на трёх машинах. Прилетает еще Вячеслав.

— А Вячеслав — это кто?

— Так родной брат Кирилла, он три года назад в Таиланд перебрался, там отель купил, женился на Полине, у них не так давно сын родился, все вместе прилетают.

— Здорово...

И тут раздаётся на моем телефоне звонок. Смотрю на дисплей «Олег».

С Олегом мы встречались всего пару раз, сразу после игры. Он хороший парень, мой ровесник, с ним интересно, но не более. Как говорит Римма, не ёкнуло у меня.

Он много путешествовал, ему есть что рассказать, много прочёл книг. Да и сам он — парень красивый. Но мне он скорее друг.

Правда Римма сказала не форсировать отношения, просто учиться общаться. А тут и форсировать было нечего. Не появилось у меня к нему чувств, сердце не забилося, даже перед свиданием не переживала. А вот у него ко мне что-то было, он настойчиво просил о встрече.

— Привет, — отвечаю на звонок.

— Привет, Свет, куда пропала, я тебе с понедельника звоню? — в его голосе слышу и тревогу, и раздражение.

— Тут срочных дел навалилось много, — пытаюсь отвертеться от очередной встречи, а он точно звонит, чтобы пригласить на свидание.

— Свет, надо срочно встретиться, пожалуйста, — в его голосе мольба, как будто сейчас решается какой-то важный вопрос.

— У меня очень мало времени, давай на обеде пересечемся? — я дала слово, что с территории никуда без Кирилла не уйду, но не будет же он меня все время караулить, да и здесь безопасно, мои преследователи не знают, где я работаю.

— Хорошо.

И мы договариваемся встретиться в кафе.

В обед я выскальзываю за территорию, оглядываюсь по сторонам, не заметив ничего подозрительного, бегу в кафе, что расположено в квартале от промзоны.

Олег встречает меня возле кафе с цветами. Целует в щеку, вручает букет и берет за руку, радостно улыбаясь.

Мне самой удивительно, почему он тоже не старается ускорить развитие наших отношений, другой бы в койку потащил, но не он.

Мы заходим в кафе, здесь не протолкнуться, но, оказывается, Олег заказал столик заранее. Поэтому мы проходим к нашему месту, присаживаемся, и через минуту возле нашего столика уже порхает официантка. Делаем заказ. И пока нам его несут, Олег начинает разговор.

— Светочка, у меня к тебе есть одно очень интересное предложение, — начинает он заговорщицки.

— Какое? — он меня напугал, не хочу никаких предложений, просто еще не готова.

— Я тебе рассказывал, что я работаю на одну IT компанию?

— Говорил, что ты крутой программист, — киваю головой.

— Я работаю на одну гигантскую компанию, ее офис в штатах, недавно мне предложили перебраться в США, — он смотрит на меня сияющими глазами, а я не понимаю

в чём фишка. Ну, предложили, перебирайся, я то тут причём.

— Иииии, — осторожно говорю я.

— Я предлагаю тебе поехать со мной в качестве жены, — он смотрит на меня с щенячьей радостью в глазах, думая, что я сейчас ему брошусь на шею, а я чуть листом салата не подавилась.

— Олежа, а ты не сильно торопишься, ты меня от силы неделю знаешь, — осторожно так спрашиваю я.

— Света, да какая разница неделя, месяц, год. Поедем вместе, там притремся к друг другу. Зато там шикарная жизнь, купим дом, будем жить у моря, — он расписывает мне прелести жизни в Америке, а я вот не уверена, что мне это все нужно.

— Олег, ты торопишься? Я не готова к столь кардинальным изменениям в моей жизни.

— Света, ты просто не понимаешь своего счастья, люди годами ждут визу, а у тебя виза может быть уже завтра, — убеждает меня Олег. — Единственное, ты там работать не сможешь, зато ты можешь быть домохозяйкой.

Он рассказывает это все с такой радостью в глазах, антидепрессантов что ли объелся?

— Нет, Олег, я готова так быстро поменять свою жизнь, у меня сейчас есть любимая работа, друзья, здесь мои родные...

— Света, там жизнь, а здесь одна серость, — удивленно восклицает он.

— Ну, так и езжай в свою жизнь, а тут как-нибудь, — сержусь я.

— Света, подумай...

Мы начинаем спорить, и я понимаю, что у Олега нет ко мне никаких чувств, просто ему не хочется ехать одному, подружку там найти труднее. А я просто удобный вариант. Не хочу быть удобным вариантом. Хватит с меня и Алексея, тому я тоже была удобным вариантом: кухаркой, горничной, грелкой во все тело. Когда уже я найду себе нормального мужчину?

К концу обеда мы разругались, и я ухожу одна.

До работы надо пройти всего несколько домов. Я не смотрю по сторонам, потому что уверена в своей безопасности. Зря! Мне остается пройти один дом и вот он вход, как кто-то хватается меня за рукав и дергает на себя.

Меня разворачивает, и я утыкаюсь в чью-то худосочную грудь. В нос ударяет запах кислого вперемешку с потом и запахом табака. Меня чуть не покинул мой обед, желудок жалобно сократился, пытаюсь вытолкнуть еще не переваренную пищу.

— Чё, красотка, попалась, — рычит мне в ухо худосочный парень.

На нем застиранная клетчатая рубашка с расстегнутым воротом, в который виднеется серая от грязи майка. Я задираю голову и с удивлением смотрю на знакомые черты. Чёрт, где я его видела, не могу вспомнить.

— Денежки когда вернешь? — сипит парень.

— К-к-как-кие денежки? — испугано говорю я.

— Десять лямов. Десять лямов задолжала, красотка, — ржёт негодяй.

И я понимаю, что его послал Алексей. Решил запугать. Не мог поймать одну, стерег у работы.

Боже! Он знает, где я работаю. Но откуда? Хотя если стерег у дома, то мог видеть, что я приехала на машине, пробить номера и выяснить кому принадлежит авто. А там собрать сведения о хозяине и так узнать мое возможное место работы. В нынешние времена интернета все можно. Личного пространства становится все меньше.

— Не убей ее, она нам денег еще должна отдать, — вдруг слышу за спиной до боли

знакомый голос.

Мила!

И тут эта красотка выныривает из-за спины и смотрит на меня прищуренными, злыми глазами. И только тут я понимаю, на кого похож парень. Он копия Милы, так могут быть похожи только близкие родственники.

— Парень чуть отпускает мой рукав, но все равно держит меня крепко, теперь я могу немного отстранилась от него. Меня меньше тошнит.

— Не знала, Мила, что у тебя родственники уголовники, — говорю я насмешливо.

— Нет у меня в родне уголовников, а ты вот скоро пойдешь по статье, если деньги не отдашь, — зло фыркает Мила.

— Давай я тебя огорчу, Мила, никакого дела нет. Алексей тебя не предупредил видимо. Поэтому сесть можешь ты, и сядете вы с братцем за вымогательство, за ваши деяния предусмотрено наказание до четырех лет, статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации.

— Чё за развод, — малахольный парень смотрит на сестру. — Ты же знаешь, что мне обратно в тюрьму нельзя.

— Да, чего ты слушаешь эту, — Мила сжала губы в ниточку, глаза горят, того и гляди сама броситься на меня.

— Уж поверь мне, юноша, я с красным дипломом закончила Юридическую Академию, — говорю спокойно, ровным голосом, свысока поглядывая на Милу.

— Не верь ей, — пищит Мила.

— Что тут происходит? — вдруг гремит бас позади меня, и мы все подпрыгиваем с испуга.

Я от того, что нарушила приказ не выходить никуда без охраны. А мои преследователи потому, что на них надвигается каток по имени Амир. А он страшен в гневе.

Боюсь, памперсы мои вымогатели одеть забыли. Парень бледнеет, Лицо Мила покрывается пятнами. Страшно!

И тут Мила со своим братом разворачиваются и бросаются наутёк.

— Светочка, — теперь каток по имени Амир надвигается на меня. — Я же выдал охрану, почему ты ушла с территории без нее?

— Ааааааа, понимаешь....

— Не понимаешь! — басит Амир и смотрит на меня, его взгляд просто душу мне режет. — Меня же Римма за тебя убьёт.

А-ха-ха, большой и сильный Амир боится маленькой Риммы.

Глава двадцать четвертая

Амир заталкивает меня в машину и подвозит к дверям офиса, хотя тут пешком можно было пройти. Высаживая, грозит пальцем, напоминая, чтобы я без охраны и шагу не делала. И уезжает. А я топаю в офис.

Прямо у стеклянных дверей сталкиваюсь с Ядвигой.

— Не пойму, ты спишь только с Кириллом, или с Кириллом и Амиром? — брови Ядвига, наколотая и прочерченная карандашом, приподнимается, изгибаясь, словно коромысло. Кончики губ язвительно приподнимаются, а в глазах разгорается пламя.

— А тебе какой дело, Ядвига? — кидаю ей в ответ.

— Кирилл мой парень, вот какое у меня дело, — она хватает меня за рукав и цепко держит.

— Кирилл — твой парень, но спит с другими девушками? — насмешливо спрашиваю я.

— Ну, мальчики любят разнообразие, а я не ревнивая, — при этом Ядвига с горящими от ревности глазами смотрит на меня.

— Абсурд, если парень любит, то он не будет спать с другими девушками, — пытаюсь вырваться из ее захвата, говорю я.

— Наивная. В сторону Амира даже не смотри, тебе Анжела глаза за него выцарапает, — Ядвига смотрит на меня многозначительно, крепко удерживая мою руку.

— Какая Анжела, Амир на моей подруге женится, — вырывается неожиданно у меня, и я прекращаю вырваться.

Ядвига смотрит на меня, словно не понимая, чего это я такое несу.

— Ну, с этого места поподробнее, — глазки Ядвиги суживаются так, что остаются только щелочки, и мне становится страшно интересно, а она сейчас что-нибудь видит через частокол наклеенных ресниц.

— Свадьба у Амира скоро. Женится он на Римме, — выкладываю я, следя за ее реакцией.

Лицо Ядвиги перекашивает, так что становится страшно. Наколотое ботоксом лицо не может передать всю гамму эмоций, что испытывала сейчас Ядвига. Часть лица может двигаться, часть, как застывшая маска, и от этого картина настолько ужасная, словно девушку поразил инсульт.

— Это мы еще посмотрим кто кого! У Анжелка любовь с Амиром, они просто поругались. Она вернет себе Амира, а твоя подруга пусть чешет лесом, — зло шипит Ядвига.

— Весь яд сцедила? Или ещё есть? — с вызовом смотрю на Ядвигу.

Та хмыкает, пожимает плечиком, отпускает мой рукав и проходит мимо меня, как бы невзначай толкая меня плечом.

— Ты чего с Ягой сцепилась? — у лестничного марша меня встречает Катя.

— Да ты представляешь, она меня спросила, с кем из начальников я сплю, — совсем баба умом тронулась, — плююсь я в сторону Ядвиги.

А в ответ мне прилетает: Я всееее слышьшуууу...

— О, яд, видимо, не весь сцедила, сейчас по второму кругу пойдет, — смеюсь я, а на душе скребут кошки.

Кто такая Анжела? Что там была за любовь? Вдруг у Амира еще не все прошло? Я бы не хотела, чтобы перед самой свадьбой торжество сорвалось, как это было у меня. Боль о том почти утихла, но иногда с глубины души поднимается муть. Я для себя решила, что обязательно спрошу Амира об Анжеле.

Остаток дня пробегает незаметно. И вот уже вечер. И с работы меня забирает Кирилл. Новость об какой-то Анжеле жжёт меня изнутри, разъедая мне кислотой внутренности.

— Спрашивай, — вдруг говорит Кирилл, не отвлекаясь от дороги.

— А с чего ты решил, что я хочу что-то спросить? — поерзала и насупилась я.

— Ты на одном месте усидеть не можешь, прыгаешь, как будто у тебя гвоздь в сиденье торчит, бурчишь что-то под нос, сама не своя, — я удивленно смотрю на Кирилла. Неужели я такая предсказуемая?

— Хотела бы тебя спросить, но не знаю, уместно ли это? — осторожно спрашиваю я.

— Спрашивай, — кидает мне в ответ Кирилл.

— Ядвига сегодня мне сказала, — слышу тяжелый вздох Кирилла, будто ему камень на грудную клетку положили, — у Амира есть Анжела, и она не допустит их свадьбы с Риммой.

Я спрашиваю очень осторожно. Не хотелось бы прослыть сплетницей, и в тоже время хочу расставить все точки.

— Ядвиге надо язык свой поганый кое-куда засунуть, — рычит Кирилл. — Если хочешь расспросить, то спрашивай Амира. А я вот что скажу тебе, есть для мужчины ЕГО женщина. Он с ней живет, растит детей, думает о будущем. А есть шлёндры, те живут за счет мужчин, нигде не работают, содержанка одним словом. Анжела — профессиональная шлёндра, Ядвига тоже содержанка. Это их работа, она предоставляют свое тело, мужики за это платят. Но для мужчины они никогда его женщиной не станут.

Кирилл замолк и больше ничего не сказал за всю дорогу, а я чувствовала себя сплетницей. Вот зачем спросила? За спиной начала расспрашивать о чьих-то отношениях. Сама такое всегда пресекала. А тут вот ...

До дома Амира доехали молча. Припарковались. Огромная машина Амира, грузовик йети, стояла в гараже. Красной же машинки Риммы еще не было. Значит, она на работе. Поэтому я смело иду искать Амира. Нам надо поговорить.

Над террасой вьется дым, Амир опять готовит мясо на мангале. Иду туда.

Все как вчера. Амир стоит на террасе в футболке и джинсах босиком, перед ним огромный мангал. Он помешивает красные угли на дне, равномерно распределяя те по дну мангала. Рядом таз с мясом. Оно уже надето на шампуры и истекает соком.

— О, Светочка, проходи, садись, сейчас мясо будет готово, — радостно встречает меня Амир, а у меня кошки скребут на душе.

— Я хотела с тобой поговорить, Амир, — начинаю я, заикаясь, даже страшно его спрашивать, но выяснить все нужно, до свадьбы совсем мало времени осталось.

— Спрашивая, — Амир открыт, не прячет глаза, не отворачивается.

— Меня сегодня встретила Ядвига, она видела, что ты меня подвез. Слово за слово, я проговорила, что вы с Риммой скоро женитесь, — тяжело вздыхаю, дальше говорить становится труднее.

— Мы с Риммой наш брак не скрываем, если что, — удивленно поднимает бровь Амир.

— Да, но Ядвига сказала, что у тебя была девушка Анжела, вы с ней поссорились, поэтому ты решил жениться на Римме...

— Что за бред? — басит Амир. — Не было у меня девушки по имени Анжела. Я пользовался эскорт услугой, там действительно была такая Анжела. Но прости меня, это проститутка, а не моя девушка. Да содержал, пока не надоела. Потом она перебралась к другому мужику.

Амир смотрит на меня непонимающе. И вот сейчас мне стало стыдно, почему я решила, что у него до Риммы никого не было. Ведь понятно, что он не евнух. Но с чего я взяла, что Анжела могла быть его девушкой. Слово Ядвиги против слова Амира.

— Света, мы с Риммой оба не идеальные, да у нас были партнеры, у меня даже когда-то были отношения с одной девушкой, но ничего из этого не вышло. Но мы с Риммой любим друг друга и решили пожениться, и уж тут никакая Анжела нам помешать не может, — закончил он.

— Извини, мне надо было выяснить, просто у меня в свое время сорвалась свадьба из-за другой девушки, вот я и боюсь за Римму.

— Ой, зря ты за Римму боишься, — смеется Кирилл. — Она коня на скаку остановит и яйца ему оторвет.

И мы смеемся. Так нас Римма и застала. Пришлось ей рассказать все.

— Ой, Светка, за мной месяц его шлендры бегали, ядом плевались, я только ему ничего не говорила, — на ушко шепчет мне Римма. — Пока одной хвост не выдрала — не отстали.

— Римма, я так боялась за тебя, не хотела, чтобы с тобой поступили так, как в свое время поступил со мной Миша.

— Спасибо, Свет. Но у нас с Амиром все действительно хорошо.

Поздно вечером мы ели шашлык, пили вино, наслаждались теплым вечерним воздухом. В пруду квакали лягушки, в кустах пела пичуга. А небо окрашивали розовые облака.

И тут тишину вечера прервал телефонный звонок. На экране высветилось «Олег».

Я взяла трубку и отошла подальше от веранды.

— Привет, — прозвучало в трубке.

— Привет...

— Света, я хотел все ж с тобой договорить, ты так спешила, понимаю, что это был обед, и тебе надо было на работу.

— Олег, мы, по-моему, все выяснили, я не готова сейчас сорваться и поехать на другой край земли с малознакомым человеком, ну не авантюристка я.

— Света, ты все не так себе представляешь. Это возможности, большие возможности.

— Какие возможности? Быть домохозяйкой? Я не для того пять лет училась и получала красный диплом, Олег. Я хочу развиваться в своей профессии.

— Света, какое развитие, не смей меня, быть на затрапезном предприятии юристом — это протирать штаны да перекладывать бумажки.

— То есть ты считаешь, что моя работа не нужна и не важна? Нам не о чем с тобой разговаривать.

— Света...

Но я сбрасываю вызов и заношу его телефон в черный список. Все! Аут!

Мне опять испортили вечер.

Глава двадцать пятая

Утром мы едем на работу с Кириллом. Еще вчера мы решили вне работы к друг другу обращаться по имени. Вчерашний разговор с Олегом вывел меня из себя, засел занозой в моем мозгу, посеял в моей душе сомнения. Может и правда я никчемный специалист и меня взяли только по знакомству.

— Кирилл, а почему ты решил взять меня на работу, ты же не знал меня, да и при приеме на работу по компетенциям «не погонял», ты взял меня по блату?

— Для тебя это большой вопрос? Это из-за вчерашнего звонка? Я видел, что к столу ты вернулась сама не своя.

— Мне это очень важно.

— И да, и нет. Тут надо рассказать предисторию. Несколько месяцев назад мы выиграли тендер по поставки спецтехники для города. Конкуренты остались далеко позади, так как мы заключили договор с одним китайцем, тот дал нам хорошие цены, и он друг моего старшего брата. Мы будем не только поставлять, но и у нас будет сервисный центр по обслуживанию этой техники. Контракт на много миллионов, деньги из бюджета. Но конкуренты не дремали. Они стали под нас копать. По документам у нас все чисто. И тут они надавили на какие-то тайные кнопки моего юриста Василия Васильевича. Уж не знаю, где он там проштрафился, но наружное наблюдение донесло, что конкуренты его чем-то прижали. И Василий наш слился. Юристу слить своего клиента — это нарушить профессиональную этику. Поэтому наш Василий Васильевич предпочел уволиться, мол,

ничего не знаю, моя хата с краю. Правда все документы подготовил, комар носа не подточит. И в этот момент нам нужен был юрист позарез, но мы боялись, что конкуренты нам подкинут шпиона. Вот тогда Римма и предложила тебя. Так что ты вроде как по благу, но и нет. Я заценил твой красный диплом, а что опыта мало, так у нас все готово, все документы в черновиках лежат. Ты умница, разберешься.

Я немного выдохнула, теперь все стало понятно.

— Свет, а кто там тебе звонил, если что — говори. Глаз на то самое место натянем за тебя.

Я улыбнулась, как хорошо, когда за твоей спиной такие сильные мужчины. Краем глаза посмотрела на Кирилла.

Не красавиц, но такой brutальный. Медведище.

Может права Римма, стоит к нему приглядеться?

Уже забываю о Алексее, Миле с ее братцем, Олеге. Новые события закружили в своем водовороте.

Мы с Риммой готовимся к ее свадьбе. В выходные Амир выдает нам золотую карту и дает отмашку: Тратьте!

Нам надо выбрать мне два платья на первый и второй день, туфли для обеих, дамские штучки, и оплатить свадебные платья для Риммы. Их шьют в специальном ателье. Украшения для своей любимой Амир уже купил, но не показывает. Говорит, увидите на свадьбе.

И вот с взводом охраны, на двух машинах мы едем в торговый центр и ателье.

В ателье нас встречают у порога доброжелательная женщина в хиджабе.

На моем лице такое удивление, что Римма невольно хихикает.

— Рим, ты в хиджабе будешь?

— Светик, мои родители мусульмане, я с Амиром иду на никах, неужели я пойду в светской одежде? Не переживай, вторая свадьба у нас в Москве, там все будет по-светски.

Я выдыхаю, но все равно меня это напрягает. Римма идет в отдельную комнату и там меряет первое платье. Оно очень закрытое, под горло, хотя пошито шикарно. Голубой шелк расшит жемчугом и мелким бисером, золотой шнур на ткани лег в затейливые цветы, внутри которых поблескивают голубые камешки. Наверх сложный платок тоже голубого цвета с золотой нитью. Второе платье меня порадовало больше. Римма решила не шить платье в виде торта. Поэтому ей пошили шелковое, белое платье в пол без корсетов, пышных подъюбников, но шелк платья поражал своей красотой. Теперь нам осталось выбрать под эту красоту туфли.

Платья помещают в чехлы и передают нашему охраннику.

И вот мы стоим в торговом центре в магазине платье, а перед нами мечутся три продавщицы, показывая наряды, а еще две стоят на изготовке, чтобы подобрать под эти наряды туфли.

Из огромной кучи вечерних платье Римма мне выбрала два: бирюзовое с открытой спиной и без рукавов на второй день; изумрудно-зеленое, закрытое с рукавами на первый день. Девушки подобрали и принесли красивые туфли и клатч к ним. Мы забрали все. А продавцы остались очень довольны, так как получили свои чаевые.

От такого насыщенного дня у нас разыгрался зверский аппетит, и мы решили посидеть в кафе тут же в торговом центре. Сделали заказ, и пока Римма щебетала с Амиром по телефону, я пошла в туалетную комнату.

Я сделала только шаг в женскую комнату, как оказалась в тисках. Алексей схватил меня за волосы одной рукой, второй прижал к своему телу так, что вырваться я не могла. Из кабинки вышла Мила и встала передо мной, злобно скаля зубки.

— Ну чего, нет твоих защитников? Кончились все? — ржет Мила, показывая розовый язычок.

— Мила, заткнись! Света, ты сейчас спокойно берешь трубку, набираешь Римму и говоришь ей, что устала, голова болит, ты пошла домой. Если поняла, то покивай головой.

Киваю головой, насколько мне позволяет его рука, прочно захватившая мои волосы в кулак.

В голове вертеться: Он это серьезно, это же красная тряпка для Риммы, как красная тряпка для быка на корриде. Она же сразу поймет. Хоть бы что-то интереснее придумал. Видимо там мозги поплыли давно.

Но я послушно киваю, а Мила достает мой телефон из сумки. И вот я уже набираю знакомый номер и уверенным голосом произношу фразу, Алексей в конце вырывает мой телефон из рук и кидает его в стену.

Это же был мой любимый телефон!

— Не сопротивляйся, сейчас мы выйдем отсюда, сядем в мою машину и поедem ко мне. Ты все поняла? — шепчет мне на ухо Алексей.

Мне становится даже интересно, чем это все закончится. И я послушной куклой иду за ним. Алексей цепко держит меня за руку, второй придерживает за плечо и ведет к служебному входу. Двери открываются, а там стоит Милкин родственник, похожий на крысу. Мерзкий. Перед моими глазами поигрывает ножичком, предупреждая, чтобы не вырвалась.

Ну, ну... Посмотрю я на вас потом...

Выводят меня быстро, на открытой площадке парковки оглядываются по сторонам и ведут на другой конец, где и машин меньше, и освещение более слабое.

И тут происходит то, что никто не ожидал.

За мной рванула Римма. Где охрана?

Торнадо по имени Римма сносит Алексея, тот от неожиданности отпускает меня и поворачивается к Римме лицом. А я налетаю на Милу. Милиного родственника такое развитие события вводит в ступор.

Но мы с Риммой две худенькие девушки, нам не справиться с двумя мужиками, один из которых вооружен ножом, а второй довольно сильный, накаченный и весом с двух нас.

Но разве это когда-нибудь останавливало Римму, она лупит сумкой Алексея, а тот только изворачивается от мощных ударов разъяренной женщины.

И пока Римма пытается справиться с Алексеем, который ее на голову выше, на меня тигрицей набрасывается Мила. Ее шаловливые ручонки пытаются схватить меня за волосы, но и я не лыком шита. Поэтому Мила сразу получает по зубам. И пока Мила приходит в себя от зуботычины, ее родственник хватает меня за шею и приставляет нож к горлу.

На меня налетает Мила и бьет по скуле. Сзади слышу, как пыхтит Алексей и орет на него матом Римма. Потом топот звук удара, меня разворачивают. И я вижу, как над распростертым телом Алексея стоит Амир, рядом с ним потрепанная, но целая Римма. А мой похититель держит меня за шею, вертит перед моим лицом ножом и орет: Отошёл, отошёл от нас, я ее сейчас порежу!

Амир стоит молча, по его лицу перекатываются желваки, он сжимает и разжимает

кулаки. А мне действительно стало страшно. По спине потекли струйки холодного пота, рука, что сжимает мое горло, сдавливает все сильнее и сильнее, мне не хватает воздуха, мне нечем дышать...

Раз. И все закончилось. Меня обнимает Римма, а я кашляю, никак не могу надышаться. Всхлипываю и обнимаю свою подругу. Наконец я оборачиваюсь. Позади меня стоит Кирилл.

Как он сумел незаметно подкрасться сзади, но одним точным ударом он вырубил моего похитителя. Тот лежит на асфальте, раскинув руки в стороны.

Амир вызывает полицию. Возле нас топчется охрана, в руках одного из охранников рыдает Мила.

Вечер мы проводим в отделении полиции, нас допрашивают, составляют протокол, потом мы едем на освидетельствование. У Риммы пара синяков на скуле и ссадина на подбородке, у меня синяки на горле, небольшие порезы от ножа, ужасная гематома на плече. Врач выписывает нам мази и таблетки. У нас через две недели свадьба. Ох, и красавицами же мы будем.

Амир костерит охрану. Они не проверили подсобные помещения и туалеты.

— Римма, зачем ты побежала на стоянку, бежать туда охрана должна была, — рычит Амир. — Ты же могла пострадать! Передала охране сообщение и отошла в сторону, я зачем этим долбое...м плачу!

— Амир! Она моя подруга, ближе, чем сестра, я за нее переживала, — оправдывается Римма.

Он обнимает ее и шепчет: Я так за тебя испугался...

Вечер мы проводим с Риммой в гостиной и тупо надираемся коньяком. Мужчины ничего нам не говорят. Мы пережили такой стресс, что никакая валериана не поможет.

— Вы, девчонки, хоть бы закусывали, — Кирилл нарезает холодное отварное мясо и подкладывает нам на тарелки.

Мы выпиваем бутылку коньяка. И, кажется, я падаю замертво.

Утром просыпаюсь в своей кровати, раздетая. На тумбочке стоит стакан воды и лежит упаковка аспирина. На моих синяках лежит компресс.

Моя одежда аккуратно повешена на стул, а возле кровати стоят тапочки.

Ничего не помню.

С трудом встаю, тело болит. О вчерашних событиях мне напоминает зеркало. Из него на меня смотрит опойка, с отеками под глазами, с синяком на пол лица (вчера же были небольшие синячки), с абсолютно синей шеей, и опухшим плечом.

Ох, еб...колотить. Что делать? Через две недели свадьба.

Глава двадцать шестая

Приняла душ, расчесала волосы. Посмотрела на лицо и чуть не зарыдала. А тут еще девочка горничная зовет на завтрак. Мрак. Очень понадеялась, что Амир и Кирилл уже уехали на работу. Поэтому спустилась вниз.

Ошиблась. За столом сидела большая компания. Мало того, что Амир и Кирилл никуда не уехали, с ними сидела Катя, а рядом с ней мужчина очень похожий внешне на Кирилла, а с ним блондинка с ребенком. И сейчас все дружно повернули головы в мою сторону.

В этот момент мне так захотелось резко провалиться под землю. Но встает Римма и обнимает меня, а затем Катька. У Катьки слезы градом льются.

— Не хило вас так помотало вчера девоньки, — говорит нам мужчина. Смотрю на

Римму, ее синяки тоже как-то больше стали, стесанный подбородок покрылся коростой. Ох, и красавицы мы с ней, куда бежать.

— Вот представь, брат, как теперь мне с этими красотками в Казань ехать, свадьбу отменять нельзя, — бурчит Амир, обращаясь к мужчине.

Я сажусь за стол, у меня, конечно, отлегло, но все равно на душе кошки скребут, неприятно. Это как тебя в неглиже выставили перед публикой.

Меня знакомят с вновь прибывшими гостями.

— Это Вячеслав и Полина. Вячеслав наш старший брат, Полина — его любимая жена, а их сын Димка сейчас дрыхнет без задних ног.

На маленьком детском стульчике действительно мальчишка спит, уткнувшись личиком в сложенные перед собой ручки.

Полина извиняется, подхватывает мальчонку и уносит. Вячеслав с улыбкой смотрит ей в след. В его глазах столько любви, что мне становится завидно. На меня так никто не смотрел. Даже Мишка, с которым мы дружили еще с песочницы.

Мы сидим, обсуждаем насущные дела, за столом такая дружеская атмосфера, что я невольно оттаиваю и включаюсь в обсуждение.

— Римма, девочка моя, тебе надо сейчас взять Светочку и поехать к одному врачу физиотерапевту, она постарается вылечить ваши личики, — мурчит Амир.

— Амир, какой физиотерапевт, у меня сегодня переговоры, надо в новом районе помещение искать под филиал...

И тут раздается рык Амира.

— Какие помещения, я тебе любое помещение куплю! Римма, как я тебя к родителям повезу с таким лицом, мне перед ними ответ держать, я не уследил за тобой, и какие-то бандиты разукрасили мою девочку.

Амир зол. Римма тут же смолкла. Вот теперь я понимаю, что Римма в нем нашла. Ни один ее мужчина не доминировал, ни один. И только Амир смог укротить такую дикую кобылицу, как моя Римма.

Нас не слушают, после завтрака сажают в машину и отвозят в физкультурный диспансер на прием к физиотерапевту. Та действительно оказывается очень хорошим специалистом. Нам назначает процедуры, выписывает новые рецепты. Нас за руку проводят по всем кабинетам, токи, электрофорез...

Через час мы выходим, наконец, у меня спала отечность, а у Риммы синяки изменили цвет, теперь они зеленые. Мы с ней смеемся, нам поможет только грим, даже тени накладывать не надо, такие мы красавицы. Правда физиотерапевт пообещала нам, что все пройдет за пять- семь процедур. Вот только мою руку пришлось зафиксировать косынкой.

Так и явилась я на работу: пол лица сине-фиолетовое, одутловатое, на шее синие пятна, как будто меня с виселицы сняли, рука на перевязи. Красотка!

Ядвига встретила в дверях, на губах язвительная улыбка, бровки приподняла, сделала вид, что не знает о наших злоключениях, хотя Катька по телефону уже все мне выложила.

— Ой, Светочка, что с тобой случилось? — а у самой злорадно блестят глаза. Слухи распространяются быстро, думала, что в женских коллективах перемывать кости любят, а мужчины оказалось еще те сплетники.

Быстро делаю свою работу. Договора почти готовы, можно нести на подпись к директору, и тут я натыкаюсь на недочет. Один из начальников забыл поставить свою подпись. Приходится мне бежать в ангар, его кабинет возле мастерских.

И только я выбегаю на улицу, как натыкаюсь на Милу. Ждала видимо меня.

— Мила, ты как здесь оказалась? — удивляюсь я.

— Меня выпустили с подпиской о не выезде, — кривит губы Мила. — Я с тобой хотела поговорить об Алексее. Это несправедливо, что его задержали.

— Мила, ты в своем уме? Вы с меня деньги вымогали! Вы меня вчера пытались похитить! В конце напали и избили! — возмущению моему нет предела.

— Ой, избили мы ее, сама дура, отдала бы деньги, и никто бы тебя не трогал, — язвит Мила.

А у меня от возмущения рот открылся и не закрывается, так и хлопаю челюстью.

— Мила, включи мозги! Если ты действительно закончила юридический колледж, то открой Уголовное Право, почитай, по каким статья вы пойдете под суд! — ору я на Милу, вот ведь дура безмозглая.

— Света, забери заявление, Христом богом молю, — вдруг зарыдала Мила. — Алексек в тюрьме плохо, он болен, ему там не место.

— Ему там самое место! — припечатываю я.

— Ну, поговори с ним, ему очень плохо, — продолжает спектакль Мила.

— Нет!

— Нам, видимо, надо подать на вас в суд, гражданочка, чтобы запретить приближаться к Светлане Валерьевна на километр, — вдруг раздается позади, это Кирилл вышел из мастерских и, заметив нас с Милой, бросился на мою защиту.

Милино лицо скукожилось от страха, глазенки забегали из стороны в сторону. Удивительно быстро высохли слезы. И Мила сайгаком припустила вдаль.

— Я так понимаю, что теперь ты и по территории будешь ходить с охраной, — Кирилл смотрит на меня, а я, как нашкодившая школьница, стою, опустив глаза в пол. Разве я виновата, что Мила меня достает везде, где только может.

— Но ведь их посадили? — спрашиваю у Кирилла.

— Посадить то посадили, но до суда еще далеко, там адвокат этого подонка Алексея суетиться, хочет, чтобы того выпустили под залог, поэтому охрану не снимаем.

— И что мне теперь всю жизнь ходить и оглядываться?

— Конечно, нет, но в данном время лучше быть осторожной.

День пролетает, за ним другой. Мое лицо приобретает все более или менее нормальный вид. Отеки спали, синяки из фиолетовых стали желто-зелеными, конечно не красавица, но уже не так пугаюсь себя по утрам.

И тут мне позвонила мама.

— Доченька, мы с Павлом Георгиевичем приехали в Москву, у него тут дела. Мы можем с тобой в кафе посидеть, — щебечет мама.

Вот черт! Я же не могу прийти на встречу с ней в синяках, рука на перевязи, что мне ей сказать?

— Мамочка, я на несколько дней уехала в командировку, давай в следующий раз, — мямлю я, врать не хорошо, не приучали меня родители лгать, но это ложь во имя спасения. Маме не надо знать об моих злоключениях.

Я берегу ее здоровье. А еще берегу свое душевное здоровье, потому что об этом будет известно всем тетушкам, всем ее подружкам, потом это будет обсасывать весь город. И в результате мне мои школьные подруги вынесут мозги.

Вечером того же дня, когда все ужинали за большим столом, приехал Кирилл. По его

возбужденному виду было понятно, что он с новостями.

— Ну, что узнал, — с интересом спрашивает Амир, и мы все уставились на Кирилла.

О чем это они?

— Дайте сначала поесть нормально, — бурчит Кирилл, накладывая себя на тарелку овощей и мяса. — Сначала накорми, спать уложи, а потом расспрашивай.

Кирилл посмеивается над Амиром, тот лишь играет желваками, да вилку сжимает так, что сейчас погнет. Но Кирилл не обращает внимание на своего названного брата, а уплетает за обе щеки мясо.

Рассказывать он начинает только тогда, когда на его тарелке не остается и кусочка.

— Ох, и интересный человек — этот Алексей Алексеевич Вольный, — и я подпрыгиваю от испуга, как только он произносит имя моего бывшего.

— Ты был у следователя? — испуганно спрашиваю я.

— Конечно, я держу руку на пульсе, — Кирилл спокоен, как скала в бушующем море, так и хочется спрятаться за его широкую спину.

— Алексей этот — кадр еще тот, он до Москвы успел наследить в Новосибирске. Там он тоже работал в строительном тресте, с подельником мутил, крутил, вертел, но подельник взял всю вину на себя и сел. А этот отделался условным сроком. Самое интересное, что на Вольного было заведено несколько дел, он брачный аферист. Заводил знакомства с женщинами, затем обирал их до нитки, заставлял брать кредиты. Но! Все женщины забрали свои заявления обратно. Не знаю уж каким образом он их уговорил.

Мне стало плохо, наверное, я побледнела, и Римма протянула мне стакан воды. Судорожно глотаю воду, не чувствуя ничего. А Кирилл продолжает рассказ.

— Я генерального вашей фирмы Александра Григорьевича хорошо знал, мы с ним давно сотрудничали. И тут я ему позвонил, когда ты про заведенное на тебя дело рассказала, — он кивает мне, а мне все хуже и хуже, только теперь я понимаю, в какую историю вляпалась.

— Оказалась, он дела сыну передал. Но после моих слов очень заволновался и назначил аудит. Тут и полезло из всех щелей. Этот Вольный и в этот раз взял подставного человека, некое Тихонова Максима Леонидовича, как потом проверка показала, что документы данного гражданина поддельные. Они с ним начали темные дела проворачивать, деньги из фирмы выводить.

У меня в глазах черные мушки уже летают, язык сухой, горло царапает. Мне очень страшно. Я, как юрист, понимаю, что могла просто попасть в тюрьму.

— Если бы я осталась работать в фирме и переехала в Подольск, они бы на меня свалили ответственность, — хриплю я, как будто у меня болит горло.

— Да, — Кирилл кивает головой. — Скорее всего, так и было задумано, но ты поломала им схему.

— А еще я не отдала ему деньги, которые копила, — у меня слезы скапливаются в уголках глаз, я попала в очень дурно пахнущую историю.

— Да, видимо, с тобой он хотел повернуть ту же схему, что и с другими, ты слишком быстро слетела с крючка.

Я теперь так благодарна той старушке Антонине Павловне, что готова целовать ей ноги. Если бы она тогда не позвонила, то Алексей еще бы долго водил меня за нос, а, может, и, усыпив мою бдительность, заставил меня взять кредит. И я бы вляпалась по самую макушку.

— А десять миллионов ему понадобилось, чтобы уехать за границу, потому что над ним висит дамоклов меч, он уже в Москве наследил. Успел еще в одной конторе поработать и

«свистнул» от туда деньги. На него завели дело. Вот он и хотел сбежать.

— Но он же похитил достаточно большую сумму, зачем ему ещё? — удивленно спрашиваю я.

— Так он одной рукой воровал, другой раздавал. Тратил на девушек легкого поведения, содержал любовниц, рестораны, карты, кутежи. Очень разносторонняя личность, — усмехается Кирилл.

Господи, я была такой дурой, как этого всего не замечала?

— Так что следствие будет идти долго. Судить его будут по нескольким статьям, в том числе и за вымогательство, твое похищение, нанесение телесных повреждений. Хотя это мы можем доказать. А будут или нет судить за хищение средств и мошенничество, тут сложно сказать точно, это все еще доказать нужно.

Ну, хоть чем-то успокоил.

Глава двадцать седьмая

Прошло еще пять дней, до свадьбы осталась неделя.

У Риммы с лица сошли коросты и синяки. Она посещает косметолога и расцветает. Мне, конечно, досталось больше. Поэтому мои гематомы сменили цвет на зеленоватый. И физиотерапевт уже не так обнадеживает, что к свадьбе все это пройдет. Поэтому мне срочно приходится искать шарфы под мои платья, чтобы прикрыть синяки на моей шее. «Красоту» на лице визажист точно перекроет макияжем.

В один из дней с вахты мне в кабинет звонит охранник: Светлана Валерьевна, тут вас женщина спрашивает, а Кирилл Дмитриевич сказал к вам никого не пропускать, так что мне с ней делать?

Ох, уж эта мне охрана, Кирилл так переживает за меня, что на воду дует. Что может мне сделать женщина. И я спускаюсь, ожидая увидеть Милку. Но в фойе меня ждет женщина лет так под пятьдесят. Белокурые волосы до плеч уложены волосок к волоску, она ещё достаточно стройная, хотя ее тело уже немного поплыло, неброский макияж, дорогой костюм, изысканные украшения с бриллиантами. Все подчеркивает ее статус.

— Здравствуйте, — осторожно здороваюсь с незнакомкой.

— Здравствуй, — та сразу переходит на ты. — Ты Светлана?

— Да, а вы, простите, кто? — осторожно прощупываю я почву.

— Я жена Алексея, Морозова Дарья Семеновна, — чеканит слова незнакомка.

— Жена? — да вот не поверю, Алексею всего-то тридцать с хвостиком, а дамочке полтинник. Приглядевшись, вижу морщинки, залегшие возле глаз и на лбу, хорошо заретушированные небольшие отеки под глазами. Да ей даже немногим больше пятидесяти.

— Жена, — с этими словами она достает из папки документ, где черным по белому написано. Что Дарья Семеновна замужем за Алексеем Александровичем Вольных.

— Я юрист, документы стараюсь читать внимательно, а тут фамилия Вольных и отчество не совпадает.

— Я тоже юрист, адвокат, и тебе, наверное, известно, что некоторые люди занимаются подделкой документов.

Она смотрит на меня холодным, оценивающим, волчьим взглядом. Такой бывает у адвокатов, кто специализируется в уголовном судопроизводстве и долго общается по своей службе с уголовниками. Профессиональная деформация.

— И что вы хотите от меня? — интересуюсь я у Дарьи Семеновны.

— Я тебе заплачу, а ты заберешь свое заявление, все сведём к взаимной неприязни,

хулиганству с его стороны, он выплатит тебе компенсацию. Дело закроем.

— Ха, а мне это зачем?

— Тебе деньги не нужны? — вот сейчас мне совсем не смешно, недавно ее муж из меня деньги выколачивал, а теперь она готова заплатить, чтобы его отпустили.

— Нет, ни от вас, ни от него денег не возьму, — глаза Дарьи Семеновны сужаются, лицо становится напряженным, на лбу прочерчиваются горизонтальные складки, уголки губ опускаются. Ее возраст становится явным. Да, ей пятьдесят или пятьдесят два, не молодая дама. Зачем ей такой сложный мужчина с уголовным прошлым.

— Не думала, что будет так сложно, — шипит дамочка.

— А я не думала, что такой умной женщине нужен такой бабник и уголовник как Алексей. Он вам изменял, имел десяток проституток, любовниц и просто дурочек, — парируя я.

— Нужен, деточка, нужен. На счет дурочек, себя имеешь в виду, — я прикусываю щеку, дура, сама напросилась, а эта гюрза не упустит случая укусить.

— Зачем он вам?

— Это пока твое тело молодое, к тебе мужики сами липнут. Я его по-своему люблю, почему нет. О его похождениях на стороне мне известно.

— Он же от вас сбежал, — подливаю я яду, чтобы и ей не так сладко было. Дарья Семеновна вздрагивает от неожиданного моего выпада и смотрит на меня злым взглядом.

— Это не твое дело, — чеканит она. И я понимаю, что попала в десятку.

Но дальше нам продолжить рокировку не дают, В дверях появляется Кирилл. Быстр разбирается, кто есть кто, и настоятельно требует от дамочки, чтобы она очистила территорию.

Та фыркает, угрожает, но уходит.

— Света, я же просил тебя, не контактируй ни с кем, дело еще не закончено, не понятно как оно там все обернется.

— Согласна с тобой, мне надо было уйти, как только она сказал, что является адвокатом.

— Это может усложнить нам жизнь, — заключает Кирилл. — Ладно, я разберусь, а ты иди, работай.

Остаток дня у меня все сыпется из рук. Я ругаю себя за опрометчивый шаг.

Вечером за ужином легче не становится. Приезжает Кирилл и привозит весьма и весьма плохие новости.

Жена Алексея активно взялась за дело. Пишет жалобы, давит на прокурора. У нее есть знакомства в высоких структурах ФСБ.

— Как такая женщина терпит такого прохвоста, как Алексей, он же уголовник? — возмущаюсь я.

— Так они и познакомились в суде, где Алексей был подсудимым, — смеется Кирилл. — Я их свидетельство о браке посмотрел, они зарегистрировали брак как раз после суда, его тогда первый раз судили за воровство. Ему было всего двадцать два года, так что они уже десять лет женаты, и пять лет он в бегах от своей любимой.

Мы смеемся, но мне немного грустно, мне жаль эту женщину. Это как надо любить такого прохвоста, что спасать его от тюрьмы каждый раз. А он каждый раз ее бросает и вновь устремляется к «следующим свершениям». Снова махинации, кражи, легковверные дурочки, которых он разводит на деньги. А она все разруливает за ним, удерживает его, не

дает попасть тому в тюрьму. Я сочувствую ей.

И тут мы переходим к обсуждению девичника и мальчишника.

Скоро свадьба. Но из-за последних событий мужчины предлагают нам провести свои вечеринки в одном заведении, просто в разных залах. Но Римма категорически была против. После долгих споров пришли к консенсусу, что будем праздновать в ночном клубе, а мальчишки в ресторане. Амир тут же зарезервировал нам отдельный зал, хотя нас всего четверо: Римма, я, Катька, да жена Вячеслава Полина.

Лучше бы мы согласились праздновать вместе.

Глава двадцать восьмая

Проснулась я от того, что что-то больно упиралось мне в ребро. В голове пронеслось, что сегодня моя постель слишком жесткая. И в этот момент мне на лицо упала чья-то рука, от испуга я подскочила и захлопала глазами. Пришлось потрясти головой, от чего та сильно заболела. Зазвенело в ушах, задвоилось в глазах. Изображение плавно поплыло куда-то в сторону, и я чуть было не упала.

Я сидела на деревянной скамейке, чуть в стороне тут же спала Катька, а прислонившись к стене, сидела Римма с закрытыми глазами. Комната, в которой мы оказались, была странной. Три стороны каменные, покрашенные в зеленый цвет, а на четвертой стороне были решетки, через которые был виден коридор с окнами. По тому, как светлели окна, можно было предположить, что наступал рассвет.

Где мы? — просипела я.

— Кажется в ментовке, — прошелестел голос Риммы, она открыла глаза и села удобнее.

— Как мы тут оказались? — удивленно тяну я, оглядываясь по сторонам.

— Не помню точно, но, по-моему, мы с кем-то дрались и разбили стеклянную перегородку, — Римма тоже оглядывается по сторонам. — Катька!

Катя просыпается и потягивается, и так как она, впрочем, как и мы, совсем не помнит, что спит на скамейке, то с грохотом падает на пол.

— Опа, чё это было? — Катя, сидя на полу, с интересом рассматривает стены.

— Катя, как мы оказались в клетке? — шёпотом спрашивает Римма.

— Где? — кажется, до Катиного мозга информация пока дойти не может. — Ой, чего-то мне плохо девоньки, кажется, вторая бутылка текилы была лишняя.

— А где Полина? — вдруг вспоминаю я.

— Не зна-ю-ю-ю, мы ее потеряли? — икая, говорит Катька.

— По-ли-на... — зовем мы...

— Харэ орать, — рывкает кто-то невидимый из другого конца коридора.

Мы испуганно замолкаем. Полина не откликнулась, мы делаем вывод, что ее с нами нет. Тогда где она? От страха бегут мурашки по телу. У Полины маленький ребёнок, вдруг с ней что-то случилось.

Вдали слышится шум и знакомые голоса. У нас автоматически головы втягиваются в шеи от испуга. Мы не помним, что натворили, как попали сюда, и сейчас наши мужчины идут за нами.

— Эти? — к клетке подходит пожилой полицейский и тычет в нас палкой.

В клетку заглядывает Кирилл. У него серьезное лицо, брови сведены к переносице.

— Эти, — утвердительно кивает он.

— Тогда пошли оформлять, — кивает полицейский, и они уходят.

— Э-э-э-э-э, что это сейчас было? — пытается выдавить из себя Катька.

— Ох, и получим мы нагоняй от Амира, — шепчет Римма, я впервые вижу, что она испугалась.

— Прорвемся, — Катька сжимает кулак и машет им куда-то вверх.

Как мы прорвемся, может, и прорвемся, но голову нам точно Амир с Кириллом оторвут. А пока нам плохо, нещадно болит голова, во рту — пустыня Сахара, мутит. Как в плохом кинотеатре, перед глазами скачет картинка, и штормит.

Через полчаса появляется Кирилл, Амир, Вячеслав и пожилой полицейский. Тот гремит ключами и отпирает клетку: На выход, красотки!

Он командует не зло, даже подмигивает нам, и от него пахнет коньяком.

Наши мужчины молчат, губы у них сжаты, смотрят сухо, словно уголовниц из тюрьмы встречают. Хотя почему «словно», так и есть. Еще не понятно, на каких условиях нас отпустили. Ведь если нас закрыли по статье за хулиганство, то впереди суд.

Нас ведут по коридорам. Впереди идет Амир, в руке он держит какие-то бумаги, мне так и хочется попросить его передать их мне, я ж все ж юрист. Но он идет, даже не оборачиваясь, позади процессию замыкают Кирилл и Вячеслав.

На выходе нас уже ждет три внедорожника черного цвета, такие большие, что за глаза я их зову йети-мобили.

Все девчонок сядут в один из, за рулем водитель.

— А вы? — осторожно спрашиваем мы.

— Мы будем позднее, — получаем в ответ, и нас увозят.

Только возле дома мы вспоминаем про Полину, на душе становится плохо, кошки скребут — это легко сказано.

Но к нашему удивлению, на кухне, как ни в чем не бывало, сидит Полина и пьет чай.

— Девчонки, я так за вас переживала, когда узнала, что за вами полиция приехала, и вас забрали, сразу мальчишек набрала, — щебечет Полина. А мы дружно выдыхаем и берем по бутылке воды из холодильника. Молча пьем и садимся за стол.

— Полин, что там было? — первый вопрос задает Римма.

— Что за фигня, почему нас повязала полиция? — второй вопрос Катюхин.

Я молчу, лучше выслушать того, кто хоть что-то помнит.

— А вы что, ничего не помните? — удивленно спрашивает Полина.

Мы переглядываемся и начинаем по кусочку восстанавливать тот вечер.

Точно помним, как приехали к клубу, где нам была заказана вип комната, но менеджер что-то напутал с заказом, и нас привели в брутальную комнату, явно рассчитанную на мальчиков. Стены были отделаны дубовыми панелями, мягкие кожаные диваны и кресла, хромированные столы. Везде пепельницы на подставках. Нам накрыли стол, принесли бутылку шампанского в ведерке со льдом. Через полчаса внесли огромную вазу с букетом белых роз. Было кисло и скучно. Римма сидела молча, о чем-то думала и печально смотрела на розы. Мы пытались рассказывать смешные случаи из жизни и анекдоты. И тут Катя предложила: А давайте закажем бутылку текилы?

Все согласились. Официант принес на подносе нарезанный дольками лимон, соль и открытую бутылку текилы. Расставил перед нами маленькие стаканчики, ободок которых был покрыт солью, для напитка и удалился.

Я точно помню, что мы первую порцию «намахнули» сразу, потом пили как гусары с руки, а потом...

Провал.

— Я вам говорила, не налегайте на текилу, так вы еще пузырь виски заказали, — грозит нам пальчиком Полина.

— К-к-какой пузырь виски, мы что ещё и виски пили? — почти в один голос спрашиваем у Полины.

— Нет, виски выпили стриптизы, — машет рукой Полина.

— У нас стриптизёры были? — тут вопрос задаю только я, похоже все остальные стриптизеров помнят.

— Светка, ты что? Ничего не помнишь? — тебе же приватный танец танцевали, по моему, стриптизер тебе свою карточку в лифчик сунул.

У меня в голове пусто. Пытаюсь пошарить в своем гардеробе и нахожу визитку эскорт агентства «Ангел и бес». Того стриптизера свали Валерий. Ха, вот совсем не смешно. Не девки ржут.

Мы уже выпили аспирин, Римма пьет рассол из банки с солеными огурцами, Катька хомячит салатик из холодильника. Всем хорошо, только я в прострации. Чего ж я сделала такого, что оказалась в клетке?

— Полин, а дальше что было? — спрашиваю я у единственной свидетельницы, которая весь вечер тянула бокал шампанского и поэтому была трезва, как стеклышко.

— Я ненадолго вышла в туалет, мне после шампанского стало как-то нехорошо, возвращаюсь обратно, а там такая кутерьма. Вас полиция пытается повязать, какие-то две шалавы визжат. Не знаю, откуда там взялись шалавы. Мальчики к стенке жмутся. Везде стекло битое. Я парней набираю, те не отвечают. Я страсть как переживала.

— Так, мы подрались? А из-за чего был сыр-бор? — Римма задумчиво чешет щеку и глядит в потолок.

Тут, видимо, случился провал в памяти у всей нашей троицы.

Входные двери в коттедж хлопают, и мы испуганно замираем, как кролики перед удавом. Явились наши мужчины. Они заходят, их лица суровы, губы сжаты. Нас простреливает страх от макушки до пяток.

И вдруг Кирилл начинает ржать, за ним Вячеслав, к ним присоединяется Амир. Они хлопают себя по ляжкам, показывают на нас пальцем, что-то пытаются сказать друг другу, но сквозь смех это не получается. Они смеются очень заразительно. Полина тоже начинает улыбаться. А мы сидим молча и смотрим на всю эту вакханалию. Обидно. Они сейчас смеются над нами!

Когда первый смех смолк, мужчины, улыбаясь, рассаживаются за столом. Полина достает закуски и салаты из холодильника, быстро накрывая «поляну». Парни подшофе, но пьяными их не назовешь. Чтобы напоить этих громил, в них надо влить ящик водки в каждого.

— Девчонки, вы подарили нам самый незабываемый мальчишник в моей жизни, — начинает Вячеслав. — Никогда не пил столько. Мальчишник в отделение полиции, всю ночь пить вискарь с ментами, чтобы выкупить своих девушек с невестой.

И Вячеслав салютует нам бокалом с минеральной водой. А мы втроем сидим на противоположной стороне стола и дуемся.

— Да, девчонки, весело вы отжигали, — вновь начинает ржать Кирилл. — Это ж надо было набить морду двум шлюшантам.

— Да откуда там шлюхи то взялись? — вдруг подает голос Римма.

— Да, они шли по вызову в комнату рядом, там парнишки отмечали днюху, — ржет

Кирилл, к нему присоединяется Амир и Вячеслав. — Горе менеджер, когда брал заказ, перепутал комнаты. Вас устроили в комнате тех парней. Шлюхи этого не знали и завалились к вам. А у вас там три мальчика полуголые танцуют.

— Вот говорила, что не надо брать трех, одного бы хватило, — бурчит Римма. — А все ты, Катька.

— А чего я, надо было, чтобы всем было приятно.

Мужчины продолжают смеяться над нами. А у меня вдруг всплывают воспоминания. И, похоже, что не только у меня. Мы восстанавливаем события того вечера. Переглядываемся и улыбаемся, а потом начинаем смеяться.

Вот теперь я вспомнила. Катька — заводила решила, что без танцев на столе будет как-то кисло. И вызвала трех стриптизеров. Мальчишки молодые, горячие, так классно зажигали, что невольно увлекли нас. И мы тоже зажигали. Что вытворяли, даже вспомнить стыдно. Это было похоже на секс в танце. Мои щеки резко стали пунцовыми, Катька опустила глаза, и лишь Римма сидела, и ее глаза горели.

А потом нам обломали кайф. В комнату ввалились две шлэндры. Девки из эскорта. Увидев трех почти раздетых молодых человека, они решили, что это их клиенты. И с похотливыми взглядами стали вешаться им на шею, а одна даже пыталась облизать торс одного из стриптизеров. Нам это не понравилось, и мы ринулись в атаку. А так как в нашей кровеносной системе крови не обнаружилось, там уже давно текла текила, то естественно вокруг нас начали падать предметы.

Ох, и бедлам мы устроили!

Парни рассказали, что случилось дальше.

Нас вместе с шлэндрами забрали в милицию, где те написали на нас заявление.

— Представляете, девчонки, эти две проститутки назвались певицами, и в заявлении указали, что вы им сорвали кастинг, — ржет Амир. — Мы потом слышали, какое прослушивание им устроили в соседней комнате.

И тут уже мы смеемся все вместе. А потом Кирилл достал те бумаги, что я видела в руках у Амира, и начал читать. Это были заявления тех двух эскортниц. Простые девки из глубинки. Эх, возможно, и получились бы из них очередные пензивухи, поющие трусы для нашей эстрады, но они выбрали другой путь.

Дальше Кирилл начал читать выдержки из протоколов.

«В 22 часа мы с Марией Ивашиной (творческий псевдоним Матильда) пришли в комнату «Шоколад», как нам сообщили по телефону, в ней должен был проходить кастинг. Когда мы вошли, то увидели трех раздетых мужчин, которые танцевали, поэтому мы решили. Что кастинг уже начался.»

На этом месте Кирилл остановился, потому что не мог уже читать дальше, хрюкнув, он уронил голову на руки и затрясся от дикого смеха. Бумагу вырвал из его рук Амир и продолжил.

«Матильда решила станцевать с одним танец с языком и облизала его торс. Трое неизвестных нам девушек прервали наш кастинг. Одна из них дернула Матильду за волосы и ткнула мордой в тарелку с салатом, после чего вылила ей на голову виски, испортив той прическу за две тысячи долларов.»

Тут мальчишки просто покатались со смеха. Они смеялись, тыкали в лист бумаги пальцем и снова ржали, яки кони.

«Еще две девушки схватили меня за руки и поволокли к выходу. Я, конечно,

сопротивлялась. Кто разбил витрину, кинув бутылку виски, я не знаю, потому что мою голову опустили в ведро со льдом.»

Амир, Кирилл и Вячеслав ржали, их сотрясал дикий смех.

— Девчонки! Нам никогда еще не было так весело! Вы сделали нам лучший мальчишник!

— Мы потом с ментами четыре часа, пока вы спали в клетке, пили вискарь и ржали.

Мы переглянулись. Завтра в обед нам надо было быть в Казани. А у нас помятый вид. И ночь мы практически не спали.

Поэтому мы встаем и, не сговариваясь, расходимся с девчонками по комнатам. У нас есть часов пять для сна и час на то, чтобы привести себя в порядок.

Глава двадцать девятая

Нас разбудили в обед. Я с трудом разлепила глаза. Казалось, что моя голова сейчас взорвется от боли. Но возле моей койки уже стояла Катька со стаканом воды, в котором, шипя, растворялась какая-то таблетка. Пришлось выпить эту гадость. Катька не отвяжется.

Потом был душ. Короткие сборы. Ехали мы на один день, поэтому вещей с собой брали по минимуму. Пока я быстро перекусывала тем, что принесла мне горничная, Катька уже укладывала мне волосы. Хотя я и сопротивлялась, ехать часов десять, но Катя была непреклонна, надо явиться во всеоружии и сразить всех родственников наповал. У самой Катьки волосы вились так, что уложить их было нереально, поэтому она плела множество кос и замысловато их укладывала, но между косичками все равно торчали кудри.

Оделись мы просто — спортивные костюмы и кроссовки. Надеюсь, что перед встречей с родственниками заедем в гостиницу и переоденемся.

Через час мы уже были в пути. Четыре черных йети-воза гнали по трассе. Вячеслав вел машину сам, а Кирилл и Амир посадили за руль водителей, первой шла машина охраны. Доехали мы быстро и без приключений. Был уже глубокая ночь, поэтому мы быстро разошлись по номерам. Завтра у Амира и Риммы Никах.

Я разделась и уже хотела пойти в душ, как ко мне, постучавшись, вошла Римма.

— Рим, ты чего? — удивленно спросила я.

— Знаешь, мне страшно, — Римма сидела на краешке кресла и мяла в руках салфетку. — Я не хотела ехать сюда, но родители настояли. Никах могли и в Москве сделать, но мама сказала, что тратить много денег на родственников не хочет. Родня у нас не богатая. И так с папы денег тянет.

— Не поняла, чего ты боишься? То, что родня бедная, разве этого страшно? — удивилась я.

— Страшно не то, что они бедные, а как ведут себя. Это они натравили на меня моих родителей. Это они распускали обо мне грязные слухи, думали, что родители выгонят родную дочь на улицу и будут тратить деньги на дочерей своего родственника, — лицо Риммы исказила презрительная гримаса.

— Ну, сейчас ведь все хорошо, ты выходишь замуж за Амира, он тебя в обиду не даст, никто из них тебе уже не сможет сделать ничего плохого, Амир им просто голову оторвет, — заключаю я.

— Они могут устроить все, что пожелают, ты даже не знаешь, насколько это гнилые люди, и дочери их ужасные и мерзкие, а сынок у них вырос отребьям.

— Ладно, прорвемся, у меня есть Катька, а та любого слона догонит и хобот ему оторвет. Сама знаешь, ей пальцы в рот не клади, откусит пол руки.

— Следи, пожалуйста, за Кириллом, мои двоюродные сестры падки до богатых мужчин...

Римма уходит, а у меня появляется чувство тревоги. Что готовит нам завтрашний день?

Вот и день свадьбы. Мы уже накрашенные в нарядных платьях стоим у выхода. К нам спускаются Кирилл и Вячеслав, с ними Полина с сыном.

Возле дверей отеля выстроились черные машины, они украшены лентами и цветами. А вот и главные виновники.

К нам спускается Амир с Риммой. Он — красавец мужчина в смокинге, она — прекрасная и неповторимая. Только ее волосы закрыты хиджабом, хотя ее красоты это не умаляет. Черные глаза подведены, алые губы, румянец на щеках. Амир смотрит на нее с восхищением. Мы едем в дом родителей.

У ворот нас уже встречает папа и мама Риммы. Теперь понятно в кого Римма такая красавица. Мама для ее пятидесяти с хвостиком стройна, белокожа, с яркими темными глазами. Отец у Риммы тоже мужчина хоть куда. Рядом топчется ее брат Марат.

— Доченька, Амир, — радушно встречают нас хозяева.

Мама выговаривает по ходу дочери, что она не приехала ночевать домой, как же традицию нарушила. Но Римма лишь отмахивается. Мы знакомимся, и нас ведут в дом. Там накрыты столы. Угощают нас долго и сытно, под конец я уже боюсь, что платье разойдется по швам. Но настает время церемонии, и молодожены с родителями уезжают в мечеть. С ними едет Кирилл и Вячеслав.

А нас передают на руки родственникам — это родной брат отца Риммы Вахид и его супруга Фатима. Наконец, можно выйти из-за стола и погулять по участку. Частный дом у родителей Риммы не такой большой, как у Амира, но уютный и удобный. Видно, что ее мама Роза этот дом любит и лелеет. Участок с ландшафтным дизайном, часть засажена подстриженной травкой, на другой части много красивых клумб, цветы тут везде, даже беседка, в которой нас угощали, вся увита плющом и розами. Для посиделок на воздухе есть широкая веранда возле дома, где сейчас накрывают столы для гостей, и уютная беседка на краю участка.

Не успели мы как следует оглядеться, как начали прибывать гости. Первыми появились двоюродные сестры Риммы — Камилла и Эля. Симпатичные девочки, но ничего особенного. Римма на их фоне была королевой, а эти просто болонками твякают, шуму много, толку мало. Затем появился их брат Руслан. Красивый, высокий молодой человек, он сразу подошёл к нам и представился. С ним было легко общаться, и внешне он произвел приятное впечатление. Мне даже показалось, что Римма его оговорила, настолько он произвел хорошее впечатление.

— Говно человек, — Катька хмуро смотрела вслед Руслану, того позвала тетя Фаина, и он поспешил ей на помощь.

— С чего ты взяла, по-моему, из всего семейства он самый хороший, — удивленно сказала я.

— Прости, Светик, но в мужчинах ты разбираешься плохо, а я прошла школу детского дома, по глазам червоточину вижу, — констатировала Катька. — Почти у всех извращенцев очень милое лицо и добрые глаза.

Я не стала дальше развивать эту тему, Римма говорила, что не надо в разговорах с Катей затрагивать тему детского дома. Парни ее вытащили из такой клоаки, что потом еще два года водили по психологам.

Гости прибывали и прибывали. Они перешли к приятному, потянулись к столам с закусками и напитками.

Вскоре прибыли новобрачные с родителями. Их встречал уже целый полк гостей и родственников. Всех знакомили. Амиру пожимали руки, вспоминали его славную спортивную карьеру. Поздравляли Римму.

Потом все расселись. Столы были забиты битком, гостей было так много, что и сантиметра свободного не было. Фатиме помогали накрывать на столы еще четыре женщины. В большой казане нанятые повара варили плов. Спиртного на столах не было.

Пир продолжался довольно долго, и молодежь потихоньку перекочевала в беседку. Тут уже подавали спиртное, в импровизированном баре работал местный знаменитый бармен, он готовил цветные коктейли и лихо жонглировал бутылками.

— Тебе сделать коктейль, — ко мне подкатил Руслан. — Я классно делаю коктейли.

Почему то после слов Кати о нем у меня пропал интерес к этому парню. А может потому, что моя память неустанно подкидывает воспоминания о наших отношениях с Алексеем, в него я тоже влюбилась, аки кошка, за красивые глаза. Для меня теперь смазливая внешность, как красная тряпка для быка. Вот и Руслан — это всего лишь смазливый мальчишка с красивой фигурой.

Через час приезжает диджей расставляет оборудование: проигрыватели для винила, акустические системы, микшер. По краям импровизированной сцены расставляются стробоскопы, над беседкой вешают зеркальный шар. Темнеет, и запускается цветомузыка.

Толпа молодежи танцует. Коктейли теперь разливают без оглядки на родителей, половина молодежи уже со стеклянными глазами.

Музыка сбивает сердце с ритма, толпа качается под ритмичные биты.

Меня кто-то хватает потными ручонками и затаскивает в толпу. Это Руслан. Музыка прерывается, а затем играет спокойная композиция. Все разбиваются на парочки, меня уводит Руслан. Мы качаемся под приятную мелодию, а его руки начинают шарить по мне.

— Руслан, руки убрал, — команду я.

— Что ты, Светочка, что ты? Ты такая приятная и красивая девушка, я еще никогда не встречал девушку с такой обалденной фигурой, ты просто конфетка, — ездит мне по ушам Руслан.

— Руслан, я тебе повода лапать меня не давала, понял, — резко сдаю я.

— Понял, понял, Светочка, ты замечательная девушка.

Мимо нас проплывает пара Кирилл с Камиллой. Та одной рукой держится за его плечо, а второй наматывает себе на палец локон выбеленных волос. Ее головка наклонена в сторону его плеча, кажется, она строит ему глазки. Вот сучка! Возле пульта диджея вертится Катька, это любовь. Она смотрит восхищенным взглядом и помогает ему в работе, изредка потягивая какую-то цветную дрянь из стакана. Надо ей сказать, чтобы не налегала на спиртное, а то будет девичник номер два.

Вечер плавно подходит к концу. Вот мы провожаем Амира и Римму в гостиницу, их увозит один автомобиль, следом уезжают Вячеслав и Полина. С нами остается Кирилл. Мы с Катькой тоже собираемся.

Но Катька по уши влюбилась в диджея и воркует с ним напоследок. Кирилл куда-то ушёл. И я, предоставленная сама себе, выхожу за ворота особняка. Здесь тихо, пахнет цветами, скошенной травой и нагретым солнцем асфальтом. В частном секторе почти нет освещения на улице и видно на небе звезды. Я стою и вдыхаю свежий воздух. Даже не

обратила внимание на приближающиеся огни автомобиля. Я же на тротуаре. Но авто резко тормозит возле меня, дверки открываются, и из него выходят трое парней вместе с Русланом.

— Привет, красавица, покатаемся? — Лицо Руслана расплывается в самой добродушной улыбке, но что-то мне не хочется садиться к нему в машину.

— Спасибо, Руслан, но я еду в гостиницу, — спокойно отвечаю ему.

— Да, ладно, такой вечер хороший, успеешь еще, поехали, погуляем, мы тебя на реку свозим, можно даже искупаться, — Руслан все еще улыбается доброжелательно, а вот дружки неприкрыто разглядывают меня сальными взглядами.

— Спасибо, Руслан, но нет.

— Да чё ты ломаешься, — тот, что стоял ближе ко мне, резко подходит и хватается за руку, второй из парней резко перепрыгивает через ров, что отделяет проезжую часть от тротуара, и хватается за вторую руку.

Мне становится страшно. Вокруг ни души, тут хоть заорись, на заднем дворе орет музыка, возле ворот никого нет, даже в доме вряд ли будет слышен мой крик.

— Отстаньте от меня, — пытаюсь вырваться я, дергаюсь в их руках, как сломанная кукла, но парни здоровые и уже волокут меня к машине.

— А ну убрали от нее руки! — слышу я грозный рык, это Кирилл, и я выдыхаю.

— А чё? — самый мелкий из парней делает шаг вперед, он что-то достает из кармана и машет перед Кириллом. В свете единственного фонаря мелькает бликами металл.

— А то, руки оторву и в жопу засуну, — рычит Кирилл и первым ударом сносит того, кто вертел перед его глазами финкой.

Вторым ударом он бьет в ухо парня, что держит меня за руку, второй мой похититель бросается наутёк, а Руслан пытается напасть на Кирилла, но получает удар в челюсть. Он визжит, как поросенок, падает на колени, из его рта течет слюна, перемешанная с кровью. Паренек с финкой быстро очухивается и бросается на Кирилла сзади. Но Кирилл ловко разворачивается, хватается нападавшего за руку и ломает ее. Нападавший блажит, трясет рукой, а потом садиться на асфальт и начинает плакать, как маленький ребенок.

— Кирилл, ты не ранен? — Я до жути напугана.

Кирилл осматривает себя, на его белой рубашке проступили пятна крови.

— Кирилл, у тебя кровь, — в панике кричу я.

— Это царапины, — спокойно говорит Кирилл, а потом смотрит на меня и добавляет, — мне придётся на тебе жениться, Светик, и следить за тобой, иначе ты постоянно вляпываешься в неприятности. Пошли в машину.

В машине мы находим аптечку. Раны действительно неглубокие, но кровь не останавливается.

— Кирилл, надо раны зашивать, поехали в медпункт, — переживаю я.

— Нет, сейчас доедем до гостиницы, один из охранников медбрат, он зашьет, — Кирилл спокоен, закрывает рану хирургической повязкой и садится за руль.

Тут к нам прибегает Катька, у нее светятся от счастья глаза, но когда она видит Кирилла в крови, ее начинает трясти истерика.

Кое-как удалось нам успокоить Катьку. И мы едем в гостиницу.

Нам казалось, что на этом нежданчики окончились. Как же мы ошибались! А дальше нас ждал цирк с конями. И я вспомнила слова Риммы о ее родственниках.

Глава тридцатая

Через полчаса мы были в гостинице. Сразу вызвали охранника Федора с экстренным чемоданчиком. И пока он собирал его, пошли в номер к Кириллу. По дороге Катя вспомнила, что у нее есть обезболивающий спрей (и зачем она возит такие вещи с собой), и ускакала к себе в номер с криком: Я скоро буду!

— Может, и ты уже пойдешь отдыхать? — Кирилл смотрит на меня, но я трясую головой. Оставить его одного с раной в боку.

— Нет, вдруг Федору понадобится кто-то, кто сможет подавать инструмент, я крови не боюсь, — твержу я, а саму уже трясет.

— Федор в горячих точках на поле боя дырки зашивал, — улыбается Кирилл, но меня не прогоняет.

Мы доходим до номера. И тут Кирилл останавливается, я даже по его спине вижу, каким напряженным он стал.

— Стой, — тихо говорит он.

— Что такое? — спрашиваю его шёпотом.

— Дверь открыта...

Он задвигает меня за спину, осторожно приоткрывает дверь и проскальзывает внутрь, при его габаритах это вышло бесшумно, он скользил, как барс, который вышел на охоту.

В его номере горел свет. Амир не поскупился, всем заказал шикарные номера. У Кирилла был номер, разделенный стеклянной перегородкой, в одной стороне огромная кровать, во второй половине — гостиная с диваном, креслами, телевизором и журнальным столиком.

И сейчас на этом столике лежала Камилла в одежде Евы и ела виноград, гроздь которого лежала у нее на животе. При виде Кирилла, она потянулась кошечкой, приподнялась и перевернулась на бочок, подставив руку под голову.

— Я заждалась тебя любимый, что так долго? Твоя кошечка заскучала, — Камилла сделала губы бантиком, а потом, дико завизжав, спрыгнула со стола и заметалась по номеру в поисках одежды. Из-за плеча Кирилла на нее, разинувши рот, смотрел Федор.

— Простите, Кирилл Дмитриевич, не проверили ваш номер на наличие бля...дей. сейчас вызову парней и исправим ситуацию, — бубнит Федор.

— Не надо, я думаю, Камилла сама соберёт свои вещички и уйдет из номера.

А Камилла застывает посередине номера, прикрывши наготу диванной подушкой.

— Я проконтролирую, — басит Федор и проходит внутрь комнаты, за ним иду я, трясусь от еле сдерживаемого смеха. Ну и цирк устроили родственнички. Вот о чём предупреждала Римма.

Мы то думали, что выведем из номера голую клоунессу и все, но не тут то было.

Снова хлопает дверь номера, и в коридоре появляется тетя Фатима.

Как она узнала, что ее любимая дочура здесь?

— Ой, Кирилл, что ты натворил, ты мою дочь обесчестил! — рыдает Фатима, заламывая руки.

В проходе боком стоит Кирилл, и я вижу, как его глаза округляются. Фатима нас с Федором не видит, так как мы стоим за углом. И продолжает цирк с конями.

— Кто ж теперь ее замуж возьмет, она же обесчещена, ау-у-у-а-а, — воет Фатима, а ее дочь, стоя на середине комнаты с прижатой к груди подушкой, пытается той показать что-то глазами, мимикой, но Фатима не видит и продолжает представление.

— Кирилл, будь джентльменом, женись на ней, — и тут Фатима затыкается, потому что

из-за угла выглядывает Федор. Фатима хлопает глазами и смотрит на дочь.

И тут двери в номер опять отрываются, и влетает Римма: Фатима? Камилла?

Римма удивленно хлопает глазами, а потом переводит взгляд на Кирилла: Кирилл, ты ранен?

— Все хорошо, Рим, это царапина, — пытается успокоить ее Кирилл.

Но Римма хватается за рубашку и разворачивает к себе, пытаясь расстегнуть ее и убедиться. Но Кирилл осторожно берет ее руки в свои и проникновенным голосом говорит, смотря ей в глаза: Все хорошо, Римма, успокойся.

И тут двери опять открываются (напасть на нас сегодня) и в коридоре возникает мама Риммы, тетя Роза: Кирилл, как ты мог, ты напал на наших... род. ств..е..ни..ков...

Голос ее стихает, и она удивленно хлопает глазами.

— Камилла, — выдыхает она, смотря на голую девушку круглыми глазами.

— Ой, я, наверное, пойду, поищу свою одежду, — девушка отмирает и говорит, без какого либо стеснения в голосе, а потом, сверкая пятой точкой, уходит в спальню, видимо, где то там затерялась ее одежда.

— Ка-ми-лла, — тычет пальчиком с дорогим маникюром мама Риммы вслед Камилле и смотрит на Фатиму, а у той глаза из стороны в сторону бегают, как у кошки, что хозяйскую сметану съела.

— Вот, Камилла в гости к Кириллу пришла, а тут, — разводит ручонками Фатима.

— Кирилл, может, ты нам объяснишь, что тут происходит? — гневный взор мамы Розы переходит на Кирилла. — Почему ты напал и избил нашего родственника и его друзей? Почему в твоём номере голая Камилла? Она хорошая девочка и не ходит в номера к мужчинам!

— Мама, а может, нам тетя Фатима объяснит, как Камилла оказалась в номере у Кирилла, и откуда тетя Фатима узнала, что Камилла будет здесь.

— Ой, у меня тут подруга работает, она мне и сказала, что Камиллу в гости к себе мужчина позвал, — залезбила Фатима, глаза ее бегали из стороны в сторону, а на груди и шее появились багровые пятна.

— Какая хорошая девушка, поперлась, значит, к мужчине в номер в час ночи, видимо обсуждать прочитанную книгу, так? — гневный взор Риммы теперь перешел на мать, та тоже как-то ступевалась, взгляд ее становится растерянным, кажется, впервые она не знает что сказать.

— Надоели мне вы мне, — вдруг произносит Римма, — как же вы мне надоели! Одна носится со своими дочерьми- проститутками, как с писаной торбой, вторая защищает родственничков ублюдков.

Римма выплевывает эти слова, и я понимаю, что крышечку у чайника сорвало, сейчас всем будет «по» самое не хочу выдано!

— Тетя Фатима, может, расскажешь моей легковерной маме, сколько раз твои детки на аборт бегали да гименопластику делали. А то мамочка моя уверена, что твои девочки святые! Они не трахаются, они хранят себя для единственного дурака, который их замуж возьмет. А ты только и успеваешь их подкладывать под всех богатых мужиков. Вдруг среди них тот дурак найдется. Да твои дочуры даже с моим бывшим переспали!

Тетя Фатима бледнеет и хватается за сердце.

— Воды, мне плохо...

— Да, ладно, тут концерт разыгрывать, — бросает Римма, в этот момент из спальни

появляется Камилла.

— Федор, обыщи девку, вдруг что стащила, — дает команду Кирилл.

Камилла пугается и судорожно дергается в сторону, Фатима начинает заваливаться набок, изображая обморок, а мама Роза краснеет, ее белая кожа покрывается некрасивыми красными пятнами, как бывает у женщин во время климакса при приливах. Федор быстро и профессионально проверяет Камиллу и из сумочки достает запонки Кирилла. На вытянутой ладони лежат красивые бриллиантовые запонки в платиновой оправе, он протягивает найденное Кириллу, а украшения поблескивают бриллиантовым блеском. Видимо, на блестящее и повелась вороватая Камилла, с паршивой овцы хоть шерсти клок.

— Ну что, мамаша, будет кражу оформлять?

— Не надо! — истерично кричит тетя Фатима, у нее сразу и обморок прошёл, и здоровье значительно «улучшилось», она бледнеет до синевы.

— За одно и вашего сынка, которому я зубы вышиб, вместе с дружками повяжем, — Кирилл говорит спокойным тоном, но от его голоса по телу бегут мурашки.

— Вы не имели права бить Руслана, — вдруг заступается мама Роза.

— Роза Сабировна, при всем моем уважении, этот Руслан с друзьями пытались похитить Светлану, и бог знает, что бы там произошло, если бы я не вмешался, — выдает Кирилл.

— Да, Светлана сама крутилась с Русланом, девушка свободных нравов, — мне от этих слов мамы Розы становится плохо, — вот мальчик и решил, что может увести девушку.

— Мальчики напали на меня с финкой, — при этих словах Кирилл расстегивает рубашку и показывает окровавленный бок. — Это не мальчики, это шакалы, только шакалы втроем нападают на одного.

Мама Роза опять тушует, уж слишком много разочарования, слишком много информации в один день, слишком много рухнувших надежд. Она теряет, взгляд ее начинает метаться, а Фатима, под шумок, пытается ускользнуть, но в дверях уже появляется Амир. Заспанный Амир страшнее грозовой тучи.

— Я не понял? Что тут за цирк? — он обводит всех присутствующих грозным взглядом. — Римма, как ты тут оказалась?

— Тебе звонила охрана, а ты спал, я не стала тебя будить и ответила на звонок. Охрана сказала, что Кирилла ранили, — отчитывается Римма.

Теперь Амир смотрит встревоженно на Кирилла, но тот лишь махнул рукой.

— Так, царапина небольшая, сейчас Федор пару швов наложит и все, — Кирилл спокоен, как удав.

И тут Амир обводит взглядом присутствующих: А эти что делают здесь?

Это он Камилле и ее маме.

— А эти тут представление разыгрывают, — качает головой Кирилл. — Цирк уехал, а клоуны остались.

— Кирилл Дмитриевич, не надо полиции, мы все поняли, претензий никаких не имеем, мы, пожалуй, пойдем, — лебезит Фатима.

— Стоять! — рявкает Амир. — Теперь подробно мне докладывайте, кто, что и почему!

Приходится ему «в лицах» рассказать подробности вечера. В том числе и нападение на Кирилла, и о попытке моего похищения.

— Ну и родственнички, блин, — говорит Амир. — У меня нет слов.

И он удивленно смотрит на Римму. А та на свою маму. Роза Сабировна тушует, вся

сжимается, как комочек. Только сейчас до нее, видимо, доходит, насколько гнилые родственники ее окружали.

Родственников выпроваживают, маму Розу сажают в машину, и с водителем отправляют домой. Пока Амир с Федором колдуют над раной Кирилла, нас выгоняют. И мы тащимся в мой номер. Через пять минут появляется Катька с бутылкой текилы.

— Тут охрана мне доложила, что я много пропустила? — смотрит на нас вопросительно Катька. — Может, выпьем?

Мы молча достаем стаканы из бара и ставим на стол.

Под текилу мы рассказываем Кате все. Та, в каких-то местах нашего рассказа возмущается, в каких-то ржет, а потом выносит вердикт, что много пропустила.

— Ну, теперь ты понимаешь, о чём я тебя предупреждала, — поворачивается ко мне Римма.

— Ох, Римма, я сама виновата, надо было этого Руслана сразу отшить.

— Да не виновата ты в том, что он козёл! Света, я тебе все время внушаю, что не надо брать на себя вину за то, что попадают мужики — козлы. Просто учись разбираться в людях, не ведись на смазливую морду. Морда у них смазливая, а душонка гнилая.

ЗаклЮчила Римма.

Через час у меня в номере появляются Амир и Кирилл, и бутылку текилы мы допиваем вместе.

Самый трудный день для нас закончился. Уже наступал рассвет. Утром нам в дорогу.

Глава тридцать первая

В Москве свадьбу сыграли через день после возвращения из Казани. Официальная регистрация в загсе, банкет, куча гостей. Римма — красивая невеста в белом платье, жених в смокинге. Гости, в основном партнеры по бизнесу, друзья. Наш жених, как и его названные братья, — детдомовские дети, родственников нет. Из родственников Риммы приехали только папа и мама. Они вели себя ниже травы и тише воды. После скандала в Казани, мама Роза порвала все связи с токсичной родней своего мужа. А муж во всем угождал своей жене, в этом он был очень похож на Амира.

Мы с Кириллом были свидетелями. Всю свадьбу он бросал на меня такие красноречивые взгляды, что я тушевалась и краснела. И эти легкие касания, как бы невзначай, то за ручку возьмет, то приобнимет. У меня все дрожало внутри.

Я не знаю, что к нему чувствую. Вот не знаю и все.

Это не похоже на ту юношескую любовь, что была у нас с Мишкой. Та любовь напоминала полевые ромашки, легкая, светлая, юношеская. Отцвела и завяла.

Не похожа она и на любовь к Алексею. Там была огненная страсть, я вся полыхала, стоило ему прикоснуться ко мне. Огнем она обожгла мне душу, выжгла все внутри и пропала. На этом месте теперь только горстка пепла.

Кирилл другой, он как друг. Поддержит в трудную минуту, спасет, подаст руку, если споткнулась. Я сама не пойму, какие чувства у меня к нему. Это больше напоминает дружбу. Но он точно рассчитывает не на нее. А я боюсь, что не могу дать ему больше. Не хочу его обманывать.

Банкет подходил к концу, когда Римма шепнула мне, что сейчас будет бросать букет невесты.

— Обязательно поймай, — шепчет она мне на ухо.

Вот хочу ли я поймать букет невесты? Наверное, нет.

Не готова я сейчас к новым отношениям. Не разобралась в себе. Не понимаю мужчин. В институте мы проходили психологию, но эти уроки словно прошли мимо меня. Я уже дважды жестоко ошиблась, а потом долго зализывала свои раны. После Мишкиной измены четыре года глаза на мужчин боялась поднять. В каждом видела только очередного предателя. Как только ко мне прикасались, у меня в голове всплывал Мишка со спущенными штанами и Анька на столе. И каждого мужчину я представляла на месте Мишки.

Раны, что нанес мне Алексей, до сих пор кровоточат. Но это уже не так болезненно, как с Мишкой. Мое сердце очерствело. Стоило увидеть измену, и вся любовь к нему прошла. Измена теперь для меня, как противоядье от любви.

Правильно Римма мне говорила: Учись общаться. Я так и не научилась разбираться в людях, в мужчинах. Ведушь на красивую обертку, поэтому каждый раз, когда парень мне нравится, тот оказывается подонком. Мне нравятся красивые парни. Но они все оказались трухлявыми внутри.

Я не утверждаю, что все красивые парни — подонки, просто мне так не везет.

И вот настает момент, когда надо ловить букет.

Куча незамужних девушек выстроилась перед сценой. Римма развернулась к нам спиной, кто-то уже начал отсчет. А я стаю с краю этой толпы и глазею по сторонам. На счет три, букет летит прямо мне в лицо, я пытаюсь увернуться, но букет попадает точно в мои руки. Я на секунду удержала его на раскрытых ладонях, как меня смела толпа девиц. Те с визгом и криком хватают букет, пытаются выхватить друг у друга заветный приз. Возле меня возникает потасовка.

Трещат чьи-то платья, одна из девушек пытается оттащить другую за волосы. Букет прыгает в воздухе, как мячик для волейбола, который все время отбивают, не давая возможности сопернице перехватить подачу. И вот две девицы хватают букет, который почти уже упал на пол, и дергают каждая в свою сторону и раздирают тот на две части.

Из этой вакханалии меня выдергивают сильные и надежные руки.

— Ох, Светочка, мне точно придется на тебе жениться, — снова слышу я над своим ухом.

Вот я точно пока не решила, а хочу ли этого?

Вдали стоит Римма и смеется.

А букет то я все-таки поймала первой, хоть мне он и не достался.

И снова рабочая неделя. Мелькают дни. Я по-прежнему живу в доме Амира. Пока надо мной висит угроза, езжу на работу с охраной. Не знаю, сколько еще дней проведу вот так, в подвешенном состоянии. С одной стороны так безопаснее. С другой стороны это сильно напрягает. Хочется все бросить и сходить с Катькой в кафе, завалиться в кинотеатр, посмотреть очередную мелодраму или боевик. Хочется сходить нормально в спортзал. Там уже на меня косятся, так как повсюду, кроме раздевалки, за мной ходит громила и подозрительным взглядом окидывает каждого, кто приближается ко мне ближе, чем на три шага.

Амир с Риммой улетели в свадебное путешествие на Мальдивы, потом летят на неделю в Америку. Со мной остался Вячеслав и Полина.

Вячеслав ненадолго задержался в России, чтобы решить несколько вопросов по бизнесу. За одним и присмотреть за бизнесом Амира, пока тот греет косточки с любимой женой.

Поэтому на хозяйстве мы втроем. Все делаем вместе, живем дружно.

В один из дней, когда мы вместе готовили ужин на кухне, в двери коттеджа позвонили.

И пока мы с Вячеславом крутились возле стола, нарезая овощи для салата, двери открыла Полина.

— К тебе подруга пришла, Света, — в кухню входит Полина, за ее плечом кто-то маячил. Я напрягаюсь, потому что в Москве кроме Риммы у меня не было подруг.

— Мила? — с трудом выдыхаю я, увидев девушку, что вынырнула из-за спины Полина, а та начинает нервничать. Она поняла, что пропустила в дом совсем не безопасную гостью. Полина тушует, разворачивается и ретируется. Мы остаемся втроем: я, Вячеслав и Мила.

— Светочка, — щебечет Мила, — прости, что я вот так без спроса, но вопрос жизни и смерти.

— Мила, кажется, мы уже расставили все точки, заявление я забирать не буду, — делаю страшные глаза, свожу брови к переносице, Мила мне надоела, так и хочется ее отшлепать.

— Светочка, миленькая, он очень просит тебя прийти, ну что такого страшного, сходи к нему на свидание. Он в СИЗО, — плаксиво увещевает меня Мила, надоедлива, как всегда.

— А ты, Мила, представляешь, сколько бумажек надо собрать, чтобы в СИЗО прийти на свидание, я ему никто, — пытаюсь до Милы донести истину, но там мозг меньше куриного.

— Да, конечно знаю, я то к нему хожу, — Мила смотрит на меня незамутненным взглядом, вот ума там точно нет. Ее даже не напрягает, что у нас с Алексеем были отношения.

— И как ты проходишь?

— Я ему невеста.

— Наш пострел везде успел, — иронично говорю я, смотря на Милу. — У него жена есть. Ты хоть в курсе?

— Ну и что? Выйдет из тюрьмы и разведется, — опаньки, а у нас уже планы на будущее.

Мила в своем репертуаре, вот только она не знает кто его жена. Или знает? И сейчас передо мной дурочку разыгрывает. Вячеслав смотрит на весь этот спектакль молча. Внимательно разглядывая гостью.

— А вы, наверное, Кирилл? — обращается к Вячеславу Мила, тот не опровергает, но и не подтверждает.

Действительно братья так похожи, что не близкие к ним люди часто путают их. Вячеслав старше Кирилла всего на пару лет, выглядит он более массивно. А так они словно с одной матрицы отлиты. Одинаковые глаза, черты лица, цвет волос. Оба коротко подстрижены. Массивные, накаченные фигуры. Даже смотрят одинаково. Я про себя их зову мишки из тайги. Мощные, могучие, чужих близко не подпускают.

Вячеслав молчит и изучающе смотрит на Милу. Он-то в курсе, что за девушка сейчас пытается меня развести.

— Кирилл, хоть вы убедите ее, Алексею сейчас очень плохо, он болеет, — тянет Мила, изображая, как там Алексею тяжело.

Конечно, тяжело без накрахмаленных и отглаженных рубашек, свежего, правильного питания, дорогого спортивного клуба и шлях по вечерам.

— Ой, что-то мне плохо, — Мила бледнеет и начинает заваливаться.

Вячеслав вскакивает со своего места и ловко ловит Милу в полете. Я же хватаю стакан и наливаю воды. Через минуту Мила приходит в себя, и это был не спектакль, ей действительно стало плохо.

— Мила, что с тобой?

— Я беременна, — тянет Мила, кожа ее еще светится белизной, но в глазах уже

появились проблески мысли.

— Мне жаль, Мила, — говорю я искренне.

И тут она садится на стул и начинает рыдать, она плачет навзрыв, по-детски, размазывая сопли и слюни кулачком по лицу. Мне ее искренне жаль, потому что я знаю, что Алексею ни она, ни ее ребенок не нужны. Он бросит ее сразу же, как только выйдет на свободу. А сейчас он просто обманывает ее, пытаясь выбраться из-за решетки.

Мы суедемся вокруг Милы, я капаю успокоительное в стакан с водой, Вячеслав судорожно ищет по кухне салфетки, хотя они стоят на видном месте. Наконец, Мила успокаивается.

— Я, наверное, пойду, — вдруг говорит она, и делает шаг в сторону двери. — Вы уж извините меня. Я тут немного расклеилась.

И девушка семенит в сторону выхода. Щелкает замок.

Мы с Вячеславом смотрим друг на друга. Что это сейчас было?

Мы не поняли ничего.

Вечером приехал Кирилл с весьма паршивыми новостями.

— Алексея Вольных выпустили на свободу под подписку, — с порога радуется нас новостью Кирилл.

А мы с Вячеславом удивленно смотрим друг на друга. Что тогда за представление здесь разыграла Мила? Или она не знала, что его выпустили?

— Я сказал что-то не то? — теперь уже удивленно смотрит на нас Кирилл.

— Да, тут недавно Мила в гости заходила, билась в истерике, чтобы я к Алексею в СИЗО на свиданку пришла. Вот мы теперь и думаем, к чему этот спектакль был. Они что-то явно замышляют.

— На всякий случай, Света, никуда одна не выходи, — отдает приказ Вячеслав. Он теперь за старшего.

Да, жизнь моя усложняется, но она идет, и не хочется пропускать из нее даже день. И в один из дней Кирилл приглашает меня в кафе.

— Свет, тут у меня встреча в кафе с возможным партнером, может, посидим, потом погуляем вместе.

И я соглашаюсь, ну не сидеть же под замком круглосуточно. Но даже не подозреваю, какая цепь событий потянется за этим.

Глава тридцать вторая

На следующий день в четыре часа пополудни к нам в кабинет заглянул Кирилл.

— Светочка, ты готова, едем на переговоры? Я жду тебя в машине, — улыбнулся он и исчез в дверях.

За несколько минут до этого к нам в комнату пришла Ядвига. Увидев Кирилла, она вся напряглась, а услышав, что он меня приглашает на переговоры, покраснела. В один момент ее глаза стали злыми, губы пельмешки расплющились, и она с ядовитой усмешкой бросила мне: За какие это услуги тебя Кирилл на переговоры берет?

— Прости, Ядвига, услуги ты оказываешь. А я юрист, поэтому мое дело грамотные составленные договора, — съязвила я в ответ.

Лицо Ядвиги пошло пятнами, она стала похожа на больную ветряной. Фыркнув, Ядвига вылетела из кабинета.

— Про услуги не в бровь, а в глаз! — хихикнула Катька. — Побегала яд сцеживать.

Катька Ядвигу мягко говоря недолюбливала. Даже тихо ненавидела, считая, что та сосет

из Кирилла деньги, пользуясь их отношениями.

— Ну, не пуха тебе, не пера, давай, успешных вам переговоров.

Катька еще раз хихикнула и подмигнула мне. Теперь пришла моя очередь краснеть. Катька давно мне намекала, что пора прибирать Кирилла к рукам.

Кирилл привез меня в пафосный ресторан. Достаточно дорогое и злачное место. Я даже немного смутилась, так как одета достаточно просто.

Кирилла же ничего не смущало, по тому, как его встретил администратор, он здесь частый гость. Нас ведут за столик.

Кирилл грамотно выбрал место. Отсюда виден вход и большую часть зала, но нас никто не видит, так как вид на столик прикрывает ширма, получается уединенное место.

Мы ждем партнера, поэтому для начала просто заказываем аперитив и воду. Ждать пришлось недолго. Вижу, как Кирилл вскидывает голову и удивленно приподнимает бровь.

— А вот и он да не один, — несколько ехидно говорит он.

Немного удивителен его тон, но мне уже не до этого. Я поворачиваю голову и роняю челюсть. Протискиваясь между столиками, к нам идет Мишка с Анькой!

Кирилл встает и протягивает руку, приветствуя гостей, хочет представить меня, но тут Миша выдает фразу.

— Здравствуй, Светочка, так рад нашей встрече, — а мне так хочется провалиться под землю или дать ему по башке чем-то тяжелым. Рад, видишь ли, он.

— Здравствуй, Миш, Ань, — здороваюсь я со своими бывшими одноклассниками.

— Вы знакомы? — удивленно спрашивает Кирилл.

— Да, Кирилл Дмитриевич, мы все учились в одной школе в одном классе, — киваю головой я.

— Светочка забыла добавить, что я был ее женихом, — улыбается Миша. Эх, где моя сковорода, сейчас бы так и огрела Мишу, и ведро помоев, чтобы вылить на их головы. Мишка видит мое «злобное выражение лица», и скисает. Его улыбка гаснет, и энтузиазма я больше не наблюдаю. Кирилл смотрит на нас со стороны, но лезть в наши разборки не хочет, поэтому скромно молчит.

Все рассаживаются и утыкаются в меню. Выбор блюд проходит в молчании.

А я пытаюсь исподтишка разглядеть Аню. Что же там Мишка такое нашёл в ней? За несколько лет, что мы не виделись, Аня основательно занялась пластикой лица. Она переделала себе нос, он стал маленьким и кукольным, наколола широкие брови, увеличила раза в два губы. Бюст тоже был увеличен до четвертого размера, теперь он смотрелся, как два бидона силикона на хрупком туловище. Тоненькие ручки еще больше подчеркивали чрезмерный объем бюста. С торчащими вверх титьками и полными губами, Аня теперь больше напоминала порнодиву, чем жену бизнесмена.

Вела себя Аня как-то странно. Она сидела, как в воду опущенная, не поднимая глаз, не произнося не слова. Даже для приличия ресницами не похлопала.

За столом мы обсуждали только контракт. В какой-то момент я встала, извинилась и пошла в дамскую комнату.

Хотелось передохнуть, терпеть возле себя Мишу и Аню больше не было сил. Любила ли я сейчас Мишку? Нет! У меня не было к нему чувств, разве только жалость. Выглядел он как облезлый, бездомный кот. Перестал следить за собой, обзавелся брюшком, на голове появились залысины, под глазами мешки, а ведь ему еще нет и тридцати. Он ем жадно, чавкая, как будто дома его не кормили, от выпивки его глаза быстро начали блестеть.

Похоже, что он часто прикладывается к рюмке.

Не было у меня к нему чувств, но нахлынувшие воспоминания при виде Миши и Ани жгли мою душу. Цветочный, тяжелый запах Аниных духов бил в ноздри и не давал вздохнуть полной грудью. Эти два моих бывших одноклассника напоминали мне о моем провале, проигрыше, о жутком прошлом, из которого я сбежала и четыре года зализывала раны.

Сейчас я даже счастлива, что в свое время Аня показала мне его истинную сущность. Мишка был жалок. И я вспомнила поговорку: Любой мужчина имеет ту женщину, которую он достоин.

Я выдохнула и вышла из туалетной комнаты, и тут же была сметена ураганом по имени Миша. Он схватил меня за плечи и прижал к стене.

— Светка, я так по тебе соскучился, — выдохнул он алкогольное амбре.

— А я нет, — спокойно ответила я. — Миша, отпусти, мне неприятно.

— Светочка, ты что? Это же я! — не знаю, что пытался донести Миша, но у меня не было никакого желания с ним общаться.

— Пусти...

— Девушка, вам помочь? — молодой человек остановился и сердито посмотрел на Мишку.

— Да, отведите этого господина до туалетной комнаты, а то он заблудился, — скидываю я Мишкины руки с себя.

Он обиженно смотрит на меня, словно не может понять, чего это я веду себя как чужая.

— Светка, я же люблю тебя! — удивленно крикнул Миша мне в след.

— А я тебя нет, — спокойно ответила я.

— Светка, я хотел с Анькой разойтись, хотел тебя отыскать, вернуть, — он продолжает цепляться, говорит уже мне в затылок.

— Зря, я бы к тебе не вернулась, — я обернулась, кивнула ему и вышла в зал.

Кирилл сидел за столом немного развалившись, аки барин, и свысока взирал на Аню. А та, вся съезжившись в комочек, что-то говорила ему, сложив ладошки вместе, с мольбой смотря ему в лицо. Только я подошла к столу, как они оба замолкли и поменяли позу. Что это сейчас было? Мне даже стало интересно.

Закончились переговоры. Миша с Аней отчалили в гостиницу. А мы с Кириллом пошли гулять.

— Кирилл, скажи мне честно, ты Аню раньше знал? — я не люблю недомолвок, лучше сразу расставить все точки.

— Конечно, она работала в эскорт агентстве, которое поставляла девочек для богатых клиентов, — спокойно отвечает Кирилл, он не скрывает от меня этого знакомства, и все ж мне не по себе.

— Ты с ней спал? — задаю я очень важный для меня вопрос и со страхом жду ответа.

— Нет.

Я выдыхаю. Не знаю почему, но для меня это важно, что у него не было отношений с Аней. Уж слишком много плохого принесла в мою жизнь эта девушка.

— Давай я расскажу немного о ней, — Кирилл обнимает меня за талию, как бы стараясь успокоить. — Девушка Аня восемнадцати лет начала свою карьеру в эскорт услугах.

— А нам она говорила, что у нее контракт и она уехала работать моделью, — удивляюсь я.

— Ну, потом у нее был такой период. Но начала она свою карьеру в эскорте в очень

дорогом агентстве. Девочек привозили на мероприятия бизнесменов, либо бизнесмены заказывали себе девочку для сопровождения. Секс был по договору за дополнительные деньги. Часть девочек оказывала такие услуги, но большая часть только сопровождала клиента. Так вот Аня работала за дополнительную плату. Ну, ты поняла.

— Ужас, она работала проституткой?

— Очень дорогой проституткой. Всем было известно, что Аня соглашалась на любые извращения. Но случился и в ее жизни счастливый момент. Ее заметил один очень богатый и влиятельный человек, я не буду называть его фамилию, потому что он женат и очень известный человек. И вот он влюбился в Аню, не знаю, чем она его покорила. Только предложил он ей место любовницы. Купил для нее квартиру, выделил машину с водителем. Аня не знала ни в чем отказа.

— А у тебя, откуда такая информация?

— Просто этот человек имел большой гараж машин, водил сам, редко пользовался услугами водителя, а водил он плохо. Поэтому он был частым клиентом у меня. У нас давняя дружба.

— Понятно...

— Вот тогда Аня и стала моделью, это он для нее сделал. Контракты с косметическими гигантами, ее фото замелькали в журналах, она снималась для каталогов одежды. Он покупал ей дорогую брендовую одежду, бриллианты, возил по курортам. В какой-то момент Анечка охамела и решила что ей все можно. И однажды заявила к его жене с новостью, что беременна, и той придется покинуть место жены. Ну, у моего друга сдали нервы, дома разразился страшный скандал. И он купил Ане билет домой в один конец, в два счета собрал ей чемоданы и выслал. А перед посадкой в самолет пообещал, что переломает ей ноги, если еще раз ее в Москве увидит. Вот я Анечке и напомнил его слова.

— То та она обратно возвращаться не торопилась, а мы все думали да гадали, чего она забыла в нашем захолустье.

— А жених что твой натворил, что стал бывшим?

Мне пришлось все рассказать Кириллу. Хотелось быть с ним максимально честной.

— Ой, ну и дурак твой Миша, — хохочет Кирилл. — Променять красивую, умную девушку на шлюху. Это каким же дебилом надо быть!

— Он, наверное, не знал, — я немного защищаю Мишку, действительно он дурак, но тогда был очень молод, горяч. — Она всем мальчишкам нравилась, красивая, яркая, раскованная. А он хотел похвастаться перед друзьями, что из всех она выбрала его. Просто не надо было меня за нос водить, сразу бы сказал, что не нужна ему свадьба, а то...

Конечно, получилось некрасиво, я осталась с разбитым сердцем. А ему пришлось таки жениться, но на другой. Такая вот жизнь.

Это как в игре. Ты ищешь скрытые секреты, коды, предметы, находишь, думая, что вот сейчас откроется для тебя какая-то неведомая дверь, и ты окажешься в другом, лучшем месте(мире). А тебе говорят, что ты нашел не ту вещь, открыл не ту дверь, и макают головой в помой.

Жизнь, как игра, никогда не знаешь, что скрыто за дверью, которую ты готов сейчас открыть.

Глава тридцать третья

Кирилл предложил гулять вместе каждый день. И я согласилась. Мне надоело быть заложницей в доме Амира, надоело прятаться, надоело жить не своей жизнью. Я молода, а

жизнь так быстро пронесется мимо.

Права была Римма, мне надо было общаться с мужчинами, прежде чем прыгать к ним в койку. С Мишкой у нас была первая влюбленность, мы целовались и обжимались, впервые познавая желания своего тела. Нам некогда было обсуждать совместные интересы. Я подстраивалась под Мишку, а в результате он решил, что и под его интрижки я тоже подстроюсь и прощу. А Алексей со мной ничего не обсуждал. Он решил, что его интересы прежде всего. И я обязана под эти интересы подстраивать свою жизнь. А меня как личность никто и не собирался замечать. Они все решали за меня.

Я впервые что-то обсуждаю с женщиной. Мы гуляем по городу и говорим, говорим, говорим. Рассказываем о своих интересах, обсуждаем книги, которые читаем, места, которые любим посещать, даже фильмы. У нас совпадают вкусы. Не знаю, в какой-то момент мы рассказали друг другу о своих семьях.

Я рассказала о сложных отношениях между папой и мамой, об их разводе. О том, что сейчас у каждого своя новая семья, новая жизнь, и о семейных тайнах, что скрывало их прошлое.

— У нас со Славкой тоже были когда-то родители. Папа и мама жили дружно и любили друг друга даже сильнее, чем нас с братом. Мы тогда жили в большом поселке на берегу Байкала.

— Значит, вы из Сибири.

— Да, ты с Урала, а я Сибиряк, соседи, — улыбнулся Кирилл. — Наш со Славкой отец любил ходить на рыбалку. И нас с братом приучил. Вот однажды весной, когда лед на Байкале поднялся, но еще не раскололся, он ушел на рыбалку. И не вернулся. Мама тогда с горя чуть с ума не сошла. Рыдала дни напролет. Лето пришло, а тело отца так и не нашли. Бывалые рыбаки говорили, что Байкал его вместе с амуницией забрал. Не всплывет.

— Как ужасно, — только и смогла пробормотать я.

— Мама у нас сильно переживала, болела, за нами ей ходить стало некогда. Она все бегала на берег Байкала и искала папу. Нас к себе временно забрала бабушка. Мне тогда было пять лет, Славику семь, почти восемь. Шли годы, а ничего не менялось. Мама тихо сходила с ума, каждый день шла к берегу и искала отца, а мы росли беспризорниками. Потом и мама пропала, ее нашли через пять дней. Толи сама утопилась, толи случайно утонула, никто расследовать не стал. А через три месяца умерла бабушка. Нас отправили в детский дом. В тот год я только в школу пошел, а Славик учился в четвертом классе. И начались наши мытарства по детским домам. Тяжело было привыкать жить не дома. Нас часто били, Славик за меня заступался и получал по полной. Потом мы стали сбегать из детских домов. Нас ловили и возвращали.

— Печально...

— Да, один раз сбежали и почти до Москвы доехали, жили впроголодь, скитались по вокзалам. Нас выловили и отправили в детский дом в Подмосковье. Тут было чуть получше. Хорошо кормили, школа рядом была, детдомовские вместе с обычными ребятами учились. Мы со Славкой стали учиться лучше. Нами одна семья заинтересовалась, в гости приглашали. Хотели уже оформить опеку, но пробили по своим связям родственников и выяснили, что у нас есть родной дядя, мамин брат. У бабушки было два мужа, от первого брака она родила сына, от второго — дочь. С первым мужем она разошлась, и он, забрав сына, уехал. Связь с ними она потеряла. Поэтому, когда мы остались одни, у нас не нашлось никого из близких родственников, кто бы нас забрал к себе. И вот эта семья позвонила

нашему дядьке, тот приехал почти сразу. И решил нас усыновить. У дядьки своих детей не было, а его жена умерла год назад. Вот так мы и оказались в Москве.

— А как же Амир?

— О, тут отдельная история. Его мать выдали замуж за чеченца, сама она татарка из-под Казани. Очень красивая, но из очень бедной семьи, а тут богатый мусульманин ее посватал. По мусульманским законам свадьбу сыграли, но брак официально не зарегистрировали. Он ее к себе увез. Отец у Амира был очень богатым бизнесменом по тем временам. Любил жену, а вот родня его — нет. Не свою взял. Чужачка. А когда там война началась, его отец погиб от случайной пули. Мать Амира после смерти мужа родня выставила за двери, аргументируя, что брак у них официально не оформлен, претендовать на собственность она не может. Амира они хотели оставить, но разве мать отдаст свое дитя. Вот и оказалась она на улице с малым дитем. Кругом война идет, а она молодая девушка с маленьким ребенком. Голодали, жили в землянках, кое-как она выбралась через гуманитарный коридор. Приехала на родину, а ей родня отворот поворот дала. Вот мать с Амиром долго по чужим углам мыкалась, работала на двух работах, чтобы его прокормить. В конце концов, надорвалась и умерла. А ему был уготован детский дом. И определили его в наше заведение. Там мы и встретились. Амир на год младше меня, его пытались обижать и даже бить, обзывали «злым чеченом». И тут Славка его взял под свою опеку. А когда нас дядька хотел усыновить, уже документы собирал, тут Амир впервые заплакал. Никогда не плакал, даже когда до крови били. А тут зарыдал, у дядьки сердце не выдержало, он оформил и над ним опеку. Так и забрал троих пацанов из детского дома. Провожать нас весь детский дом вышел. Никто из воспитателей не верил, что нас могут забрать, уж очень проблемными мальчишками мы были. А тут сразу троих забрали.

— А дальше?

— А дальше дядька нас привез к себе домой, у него был свой коттедж за чертой Москвы. И воспитывать начал. По мужски. Жестко. Приучал жить по правилам. Дядьку мы звали «Отец». Он действительно был отцом с большой буквы. Человек он был не бедный, поэтому сразу нам нанял репетиторов, чтобы мы нагнали учебную программу. Учиться мы должны были на четыре и пять, другие оценки просто исключались. Дома тоже держал нас в ежовых рукавицах, и хоть мог нанять прислугу, но заставлял нас: прибираться, гладить и стирать, разве что кухарка для нас готовила, но картошку и овощи мы ей чистили. Жили по расписанию, вставали в шесть, в десять отбой. Дядька нас сразу в спорт отдал. Я ходил с Амиром в борьбу, а Славка пошёл на бокс. А еще у нас было плаванье. Каждый день начинался с зарядки и бега. Из хлюпиков, худосочных и больных мы за год выросли в здоровых парней. Он научил нас всему. Если бы не его требовательность, не знаю, стали бы мы тем, кем являемся сейчас. Он был человеком достаточно богатым. Бизнес у него по тем временам уже крупный был. Конкуренты его ломать несколько раз пытались, не поддался. И нас также учил отстаивать свое.

— А где он сейчас?

— Умер, как раз Амир с армии вернулся, дядьку рак скрутил. Пытались его лечить, по клиникам разным таскали, но сгорел за полгода. Человек он был прижимистый, лишнего не тратил, деньгами не разбрасывался, завещал нам на троих очень приличную сумму и бизнес. Вячеслав к тому времени окончил институт и организовал туристический бизнес. Я продолжил бизнес отца. А Амир ударился в спорт, стал бойцом, заработал капитал там. А свою долю наследства вложил в наши с Вячеславом предприятия.

Так что мы с детского дома друг за друга горой! Один за всех, все за одного! Это наш девиз.

— Я вам завидую, у меня так с братом не получается. Он постоянно тянет одеяло на себя.

И я вспомнила последний разговор с Владом, когда он стал требовать у меня денег. Ну, я же накопила на первый взнос по ипотеке, зачем мне пока квартира, семьи то нет, а ему нужно срочно купить машину жене. И не какую-нибудь легковушку, а хороший дорогой кроссовер. Ей надо ребенка возить в детский сад. Мама же не захотела сидеть с их ребенком. А на мои слова, что мама должна устроить свою личную жизнь, он только фыркал. Его желания превыше всего. Даже когда у меня случилось несчастье, сорвалась свадьба, он думал только о себе. Очень жалел деньги, что потратили мои родители на организацию мероприятия.

Жаль, что у меня нет такого брата, чтобы встал за меня горой.

Сегодня мы гуляем по пешеходной улице, тут много офисных зданий, кафе, ресторанов и банков. В вечернее время народ устремляется на такие улочки просто погулять, посидеть в кафе, прошвырнуться. Вот и мы зашли в кафе, выпили по чашке кофе и пошли гулять.

И тут из-за угла вынырнула парочка, будто ждали нас. Это были Алексей с Милой. Взявшись демонстративно за руки, они шли прямо на нас, столкновение было неизбежно.

— Я смотрю, ты без меня не скучаешь, — сходу бросил фразу Алексей. Былого лоска в Алексее не осталось: помятая рубашка не первой свежести, брюки из достаточно дешевой ткани, грязные кроссовки на ногах. Было ощущение, что его только что выпустили из камеры.

Они притормозили прямо перед нами, не давая нам прохода, Алексей смотрел из-под бровей злым взглядом на меня, изредка оценивающе окидывал взором Кирилла, Мила же стояла и вертела по сторонам головой, словно искала кого-то в толпе.

— Здравствуйте, насколько я понимаю, вы Алексей, — Кирилл смотрел на Алексея свысока.

— А я тебя не спрашивал, я к Светке обращаюсь, — прорычал Алексей, явно нарываясь, хотя он был как Капитан Америка против Халка. Кирилл бы мог снести его одним ударом. И хоть Алексей был достаточно спортивно сложен, с мощной мускулатурой, но Кириллу он заметно уступал и в росте, в весе и мощи.

— Алексей, я не понимаю твоих претензий, насколько я знаю, у тебя есть жена, любовница идет с тобой под ручку, — я киваю на Милку, — причем тут я?

— Ты, сука, меня в кутузку засунула, — рванул было ко мне Алексей, но лишь подался телом вперед, понимая, что рядом со мной стоит гора, которая и убить может.

— Алексей, законы почитай, думаю, на предварительном следствии тебе озвучили статьи закона, которые ты нарушил, — я спокойна, рядом со мной мой защитник.

— Ты, сукаааа....

Кирилл берет Алексея за воротник, чуть приподнимает от земли, при этом воротник угрожающе трещит, потом ставит на место. Мила начинает дико верещать: Убивают...

Кирилл спокойно берет меня за руку и, оглядев препятствие в виде истеричной Милы, уводит меня прочь. Мила продолжает орать что-то нам в след.

— Вот я сейчас ничего не поняла? — видимо говорю это вслух, потому что Кирилл внимательно на меня смотрит. — Зачем нужен был им этот концерт?

— Поживем — увидим. Света, не бери в голову, — спокойно говорит Кирилл.

Вот только последующие события показали мне, что все происходящее было спланировано заранее.

Глава тридцать четвертая

Утро было суматошным. Сегодня должны были состояться переговоры с китайцами, но сорвались, их перенесли на завтра. Катюха бегала вся в мыле. В кабинете у Кирилла настраивали аппаратуру для большой конференц-связи. А я сидела и проверяла все документы, каждую букровку, каждый абзац. Впереди сделка на очень много миллионов долларов.

И вдруг в этой кутерьме прозвучал звонок с проходной.

— Светлана Валерьевна, к вам тут девушка пришла, — я чуть кофе не подавилась. Опять это либо Мила, либо жена Алексея. Чертыхнувшись про себя, все ж спускаюсь вниз.

Но к моему удивлению меня встречает Аня. Сегодня она одета очень элегантно, ничего кричащего или вульгарного. На ней светлый костюм и белая блузка, шпильки Аня сменила на лоферы, черные волосы рассыпались по ее плечам, макияж нюдовый. Теперь по ней видно, что она жена очень богатого человека.

— Здравствуй, — начинает Аня первой, при этом взгляд опускает в пол, как примерная девочка.

— Привет, чего хотела? Давай только быстро, у меня работы много, — тараторю я, чтобы сразу поставить Аню на место и ограничить время на пустые разговоры.

Она и понятие не имеет, что такое работать. Вечная содержанка. Аня мнетя, словно боится начать говорить.

— Света, тебе, наверное, вчера Кирилл рассказал, чем я занималась в Москве? — она впивается в мое лицо взглядом, словно без слов пытается понять, известны ли мне подробности ее биографии, и насколько я в курсе.

— В общих чертах, — при моих словах Анино лицо перекашивается, задето ее самолюбие, у нее даже глаз начинает дергаться.

А что она хотела, ране или поздно, но правда всегда всплывает, так что ничего нет удивительного, что ее тайны вылезли на поверхность.

— Я бы хотела тебя попросить, по старой дружбе, не распространять эту информацию среди наших общих знакомых, — у Ани в Паркинсоне уже все лицо дергается. — Городок у нас маленький, сама знаешь, навдумывают всякого. Сплетни. А у меня семья.

Ха, семья! Надо было о будущем думать, а не по койкам прыгать, ни в чем себе не отказывая.

Аня что-то еще блеет, дергается, как марионетка.

— Аня, твоя жизнь меня не касается, я и не собиралась никому ничего рассказывать, поэтому ты зря сюда прискакала. А сейчас мне пора, — я уже было хотела уйти, но Аня схватила меня за руку.

И тут на проходной появилась полиция. Один человек в штатском и с ним ОМОН. Они что-то говорят охране и поднимаются по лестнице, а мы лишь удивленно провожаем их глазами.

Аня что-то мямлит о нашей прошлой дружбе, что не надо друзей подставлять. А у меня в голове вихрь мыслей и вопросов. Что сейчас было? К кому поднимается следственный отдел? На нас наехали конкуренты?

Но через несколько минут становится все понятно. По лестнице спускаются люди из ОМОНа, а между ними в наручниках Кирилл, сзади идут дядечки в костюмах, один из них

адвокат Кирилла.

— Кирилл? — удивленно вскрикиваю я.

— Все нормально, Света, иди, работай, вечером тебя заберет Вячеслав, — голос Кирилла спокоен, словно ничего не происходит, а у меня сердце начинает биться так, что шумит в ушах и темнеет в глазах.

— О, как интересно, — лицо Ани расплывается в улыбке, скорее это оскал гиены, а в глазах плещется торжество. — А у нашего-то Кирилла рыльце в пушку.

Это Аня произносит в растяжку с ехидством в голосе.

— Аня, не говори глупости, — обрываю ее я. — Это недоразумение.

— Да, ладно, я никому не расскажу, — тянет Анечка, смотря, как Кирилла сажают в автозак.

— Ане, иди уже домой, — бросаю ей, разворачиваюсь и бегу наверх.

Мне надо срочно узнать, за что арестовали Кирилла. Какое-то нехорошее у меня предчувствие. Наверху бардак, у всех растерянность и испуг в глазах. Даже ничем не пробиваемая Катя сидит и рыдает.

— Катя, что случилось?

— Света, ты не поверишь? Кирилла арестовали за нанесение тяжких телесных повреждений Алексею Вольных! Вы где вчера с ним гуляли?

От ее слов плохо становится уже мне. И я падаю на стул. Вчера! Вот зачем была подстроена эта встреча! Вот чего они добивались! Но ведь Кирилл не повелся на их развод, мы не стали с ними ругаться, просто ушли.

— Катя, кто у Кирилла адвокат? — спрашиваю у Кати, а сама уже тянусь за телефоном, на автомате набираю Вячеслава.

— Так Александр Васильевич, наверное, — Катя с удивлением смотрит на меня, словно я только что проснулась.

Но я уже дозвонилась до Вячеслава.

— Вячеслав...

— Я уже в курсе, заберу тебя вечером с работы...

— Я не об этом, я должна срочно переговорить с адвокатом Кирилла, мы вместе гуляли в тот вечер, вместе приехали домой, — тараторю я, пытаюсь вывалить всю информацию на Вячеслава. Надо скорее, чтобы узнали следователи, я алиби Кирилла на этот вечер.

— Света, давай не будем пороть горячку, обвинение еще не предъявлено, адвокаты в пути. Как только все разузнаем, так адвокат, что будет вести дело Кирилла, с тобой свяжется. Ничего страшного не случилось.

Голос Вячеслава спокойный. А меня всю трясет. Кирилл там, его посадят в камеру, как преступника. Я могу все это предотвратить.

Мозги кипят, сердце стучит, как молот о наковальню, на душе тоска. Это все из-за меня. Этих неприятностей у Кирилла бы не было, если бы не я.

Я не могу сдать, мне надо воевать, надо...

Мне надо отвоевать Кирилла.

— Куда повезли Кирилла? — спрашиваю у Катки.

— Так в следственный комитет...

Я хватаю сумку, быстро меняю обувь и вылетаю из здания. По пути вызываю такси. Меня пытается тормознуть охрана, но я быстро от них отделалась. Это ненужный хвост. Они мне теперь не к чему. Мои враги пытаются завалить Кирилла. Я не могу им этого позволить.

До места добралась достаточно быстро. Водителя назвала адрес дома, что расположен рядом. Не хочу увидеть в глазах чужого человека любопытство, ему просто интересно, а для меня, как ножом в груди поковыряться.

И только я сделала несколько шагов в сторону здания, придумывая схему, каким образом попасть внутрь, как натолкнулась на Милу.

— Привет, убогая, — прошипела Милка, преграждая мне путь.

— Мила, мы давно расставили все точки, что тебе надо? — не понимаю эту глупую фифу, которая таскается за Алексеем. Он ее ни во что не ставит, женат, и развод ему вряд ли дадут.

— Десять миллионов за нож с его отпечатками пальцев, — Мила произносит фразу уверенно, так не говорит человек, который блефует.

— Мила, какой нож, какие отпечатки пальцев? Мы вас в тот день не тронули, просто уши, — поражена наглости этой девицы. Но по глазам видно, что она не врет, это считывается. Она держится уверенно, блеск в глазах, то, как она говорит. Что такого может быть у этой фифы, про что я не знаю. Вариант, что действительно нож есть, я отмечаю сразу. Кирилл был у меня на виду, ни о какой поножовщине и речи быт не может.

— Десять миллионов, мы ждем пять дней, — Мила хитро улыбается, — и я «вспоминаю» куда мог упасть нож.

Она язвительно кривит губы, стараясь смотреть на меня свысока, хотя это ей удастся с трудом, я даже без каблучков выше ее.

— Мила, Кирилл не наносил никаких ран Алексею, это просто блеф.

— Алексей в больнице с ножевыми ранениями, мы оба дали показания, что это сделал твой ухажер, потом найдут нож, и твой красавец пойдет по этапу. А нам много не надо. Всего десять миллионов, даже не сто. Твой богатый Буратино может это себе позволить, — Мила мерзко улыбнулась, состроив глазки. Руки так и чесались захватить ей в морду. Но рядом Следственный комитет, и Мила может быстро накатать на меня телегу, что усложнит и без того плохое положение Кирилла.

И я решила Миле испортить настроение.

— Мила, ты думаешь, что Алексей, получив десять миллионов, уедет из страны, забрав тебя с собой? Ошибаешься. Он тебя бросит, — стираю с лица Милы наглую ухмылку.

— Не бросит, — парирует Мила. — Он меня любит, и у нас будет сын, я беременна.

Мила смотрит на меня взглядом победительницы.

— Мила, а знаешь, какими были условия Алексея, когда мы с ним стали вместе жить? — говорю тихо, заговорщицки.

— Ну и какие? — Мила снисходительно смотри, а потом меняется в лице.

— Алексей терпеть не может детей, поэтому первым условием его было, что я пью таблетки и даже не думаю о беременности.

— Это от тебя он не хотел детей, а моего он будет любить.

— А ты ему о беременности сказала? — теперь ехидно спрашиваю уже я.

— Нет, но это ничего не значит, — парирует Мила.

— Дура ты набитая, он отправит тебя на аборт, — говорю ей в ответ.

— Нет, вот увидишь, он будет любить моего ребенка, своего сына.

О чем говорить с тупой девицей? Ей что в лоб, что по лбу. Время нас рассудит.

И тут я вижу, что из здания выходит адвокат, тот, который сопровождал Кирилла. Кажется, его зовут Александр Васильевич. И я бросаюсь к нему.

Бегу со всех ног. И успеваю ухватить его за рукав, когда он уже почти закрыл дверку авто.

Сбивчиво рассказываю ему. Пытаюсь что-то доказать.

— Садитесь в машину, Светлана Валерьевна, — сухо бросает он мне.

— Нет, надо идти к следователю, надо доказать, я свидетель...

— Садитесь в машину, — приказывает мне адвокат, а водитель открывает мне дверцу с другой стороны.

Глава тридцать пятая

Меня под конвоем привезли домой. И строго настроено запретили выходить за пределы ограждения.

И я мечусь по дому, с ужасом думая о Кирилле. Как он там?

Как так получилось, что у Милы оказалось орудие преступления с отпечатками Кирилла, которого не могло быть? Ничего пока не понимаю.

Даже Полина меня не может успокоить. Катя достает из коробки и подает мне очередную салфетку, в которую я сморкаюсь, а второй вытираю слезы.

И тут мы замолкаем, потому что слышим шум, это открываются откатные ворота, и во двор въезжает целая вереница черных машин. Из первой машины выходит Кирилл!

— Кирилл, — бросаюсь ему на шею. Он подхватывает меня и приподнимает, его огромная ручища поддерживает меня под попу. Так и несет меня домой, держа одной рукой. Он, наверное, штангу жмет больше весом, чем я.

Я рыдаю, обнимая его за шею.

— Ну, все, все, ты мне слезами всю рубашку промочила. Я дома, все хорошо, — бурчит мой медведище. Мой! Я присваиваю его и мечу своими слезами.

— Я так переживала, это все из-за меня, из-за меня тебя чуть не посадили, — рыдаю.

Кирилл вдруг резко опускает меня на пол, поворачивает к себе лицом и, держа за плечи, говорит уверенно и с нажимом: Запомни, здесь нет твоей вины, ни в чем нет! Это моральные уроды! И они за все ответят!

Я только киваю головой. Главное, что он сейчас дома, его отпустили.

В дверях появляется адвокат и Вячеслав.

Мы проходим на кухню, а Полина и Катя мечут на стол. Вот уже расставлены тарелки, разложены приборы, на стол водрузили салатники и тарелки с легкими закусками.

— Пол дня не жравши, Полин, давай сразу горячее, — Кирилл пододвигает к себе супницу и наливает горячего борща.

Все едят. Разливают по бокалам кто пиво, кто вино. Адвокат смакует коньяк.

— Светочка, а ты что не ешь? — Кирилл смотрит на меня так ласково, что опять хочется заплакать.

— Кусок в рот не лезет, перенервничала, — бурчу я.

Вячеслав что-то читает в своем смартфоне.

— Завтра прилетает Амир, — вдруг говорит он.

— Ну, вот и молодоженом их медовый месяц испортили, — вновь бурчу, убила бы Алексея с Милой.

Наконец ужин заканчивается, и мы перебираемся в гостиную. Полина готовит девочкам чай, а мужчины налегают на спиртное.

— Александр Васильевич, а вы можете немного о деле рассказать, — во мне опять просыпается юрист.

Адвокат смотрит на меня поверх очков, крикает, но видимо решив, что ничего страшного не случится, начинает говорить.

— В двадцать три часа поступил звонок в службу 112, Людмила Васильевна Иванова сообщила о нападении на нее и ее жениха Алексея Александровича Вольных. На месте прибыла скорая и полиция. Медики констатировали у пострадавшего три ножевых ранения. Все неглубокие, но у него была повреждена артерия, поэтому он потерял много крови. Ему сделали операцию, успели спасти.

При опросе Людмилы Васильевны выяснили, что нападавшего она хорошо знает. И это Кирилл Дмитриевич Соболев...

— А откуда она хорошо его знает? — удивленно спросил Вячеслав. — Пару дней назад она зашла к нам, мы сидели на кухне, и она ко мне обращалась «Кирилл».

У адвоката засияли глаза, как будто он поймал золотую рыбку.

— То есть она точно не сможет определить при опознании кто из вас кто?

— Не знаю, но меня она с Кирюхой перепутала, — Вячеслав качает головой, — я ее не стал переубеждать.

— Это хорошо, это очень хорошо, — бормочет адвокат и делает себе пометку в ежедневнике.

— Вы сказали, что раны не глубокие? — мне вновь не дает сидеть спокойно юрист, что засел в моей голове. Жаль, это не я первая догадалась, что Мила перепутала братьев, значит, доверия к ее показаниям нет.

— Да, очень странные раны, но тут должны сказать свое слово эксперты. Правда, я поговорил с хирургом, он сказал, что раны не глубже трех сантиметров. И артерия была задета случайно, все раны нанесены в места, где не лежат органы, нет крупных сосудов, как будто в него просто тыкали ножом. Это не похоже на удар ножом, который бы нанес здоровый мужчина. — адвокат крутит в руке бокал, разглядывая на свет ароматную напиток.

— Значит, мы сможем оправдать Кирилла, тем более, что в это время мы уже сели в машину и собирались уехать домой?

— Тут сложно, с одной стороны и пострадавший и Людмила Иванова в один голос утверждают, что у вас был конфликт. Есть видеозапись с одной камеры, хотя там ничего такого нет. Вы расходитесь спокойно. С другой стороны у Кирилла алиби, вы были вдвоем, — задумчиво выдает адвокат.

— Мила сегодня меня встретила у здания Следственного комитета и потребовала денег. Она хочет десять миллионов, — вот теперь я говорю ту новость, которую поначалу скрывала. Все замерли и уставились на меня.

Адвокат вдруг закашлялся, у Кирилла рот открыт от удивления, Полина стоит соляным столбом с чайником в руках.

— Кмхе, кхе, ммм, и как она это объяснила, — адвокат задумчиво трет пальцем переносицу.

— Она сказала, что у нее есть орудие преступления с отпечатками пальцев Кирилла, — вываливаю информацию я.

Шок у публики не проходит, по-моему, все впадают еще в больший ступор.

— Откуда у нее нож, какой нож? — подает голос Кирилл.

— У тебя есть запись разговора? — перебивает его адвокат.

— Нет, я не успела с ориентироваться, она выскочила на меня слишком внезапно, — растерянно говорю, сама понимая, что лоханулась по полной.

— Плохо, но не смертельно. И так! Откуда у нее может быть нож? — спрашивает адвокат, обводя всех присутствующих взглядом. — Вы говорили, что накануне она была здесь?

— Да, но дома был только Вячеслав, Полина и я, — удивляюсь я.

— Но девушка то не знала, что это был не Кирилл? — адвокат зрит в корень.

— Да, — киваю я за всех.

— А что вы в этот момент делали? — опять задает вопрос адвокат, он сейчас похож на следователя.

— Мы резали овощи на салат...

Меня накрывает, в голове мелькают картинки того самого вечера. И этот странный полуобморочный у Милы, ее истерика и слезы. Как мы крутились на кухне.

Что потом?

— Полина, — обращаюсь я к ней севшим от напряжения голосом, — проверь, все ли ножи на месте.

Полина, как кукла марионетка, дергается, кивает головой и бежит на кухню.

Возвращается она блее снега: Одного ножа нет...

Вот вам и разгадка тайны.

— Вячеслав, у тебя есть алиби на вчерашний вечер? — теперь уже севшим голосом говорит адвокат.

— Вчера у нас Димка приболел, мы целый вечер возле него крутились, — Вячеслав отвечает спокойно, и я выдыхаю, хоть тут можно не ждать подвоха. — Если смотреть по камерам, что мы никуда не выходили из дома.

На всякий случай сохраните запись, — адвокат выдыхает. — Света, ты Миле при следующей встрече скажи, чтобы она выдала орудие убийства. Если отпечатки не Кирилла, нам это даже на руку.

Я киваю. Вот будет шок у Милы.

— И так подведем итоги, У Кирилла есть алиби, он был не один, нож, скорее всего, с отпечатками не его, ждем экспертизу ножевых ранений пострадавшего. Думаю, недельки через две с тебя снимут все обвинения, Кирилл.

— А, совсем забыл, — Кирилл бьет себе по лбу. — У меня ведь видеореги­стратор запись делает постоянно, там должно быть точное время, когда мы сели в машину и поехали домой.

— Ну, вот, совсем все хорошо, так что снимем мы с тебя обвинения, а эта парочка еще за фальсификацию сядет, — адвокат потирает руки.

Для него это плевое дело с хорошим доходом.

— Главное сейчас за прессой следить, чтобы желтые газетенки ничего не пронюхали, на кону контракт на много миллионов, у нас все должно быть чисто, — добавляет Вячеслав. — Завтра я буду с тобой проводить переговоры.

И он кивает Кириллу.

Вечером мне звонит мама.

— Доченька, мне звонила тетя Зоя, говорит, что в нашем городке слух прошёл, что ты связалась с уголовником, — шепчет мама в трубку.

Вот как! Как? Черт побери Аню! Вот ведь стерва. Никто не знает, никто. И только она видела, как забрали Кирилла.

— Мама, это глупость, не с кем я не связалась, и нет у меня никаких уголовников, —

рычу я на маму. — А, тете Зое скажи, чтобы рот с мылом прополоскала.

Жаль, что у меня нет телефона моего бывшего и его Анечки, а то бы оторвалась я по полной программе. Мало бы им не показалось.

Такое страшное явление — сплетни. На одном конце страны пукнули, на другом рассказывают, что обоср...сь.

А через час мне звонит моя бывшая подруга Соня.

— Ой, Светик, как твои дела? — я то понимаю, что ее совсем другое интересует, она хочет свежих сплетен, мало ей желтой прессы.

— Хорошо, Соня, работаю. Вот недавно у подруги на свадьбе была.

— Ой, говорят, у тебя тоже свадьба скоро будет? — вдруг вываливает новость Соня.

— Соня, у меня пока и парня нет, какая свадьба, откуда такие новости? — удивляюсь я.

— Так это, так...

— Соня, заканчивайте придумывать фигню, надоели вы мне, — ору я на Соньку, хотя она тут и не виноватая.

— Свет, прости, просто Аня звонила...говорила, что у тебя парень уголовник...

— Аня? А! Проститутка московская! Так и передай Анечке в следующий раз, что если еще раз свой рот накаченный силиконом откроет, я ее историю в интернете с фотографиями выложу.

— А чего там интересного в Москве...

Но я обрываю связь, я злая, очень злая. Если бы Аня сейчас мне под горячую руку попала, то точно бы проткнула ее силиконовые бидоны ...

Глава тридцать шестая

Дни идут медленно. Суета. Долгосрочный договор с китайским предприятием мы подписали, теперь они будут поставлять нам спецтехнику, а так же помогут с организацией сервиса. Кириллу уже проект здания сервиса привезли на утверждение. Говорят, что скоро начнут под него рыть котлован. Кирилл и Вячеслав ходят довольные, их бизнес растет.

Амир тоже в делах. И тоже доволен, как сытый слон, Римма беременна. У них начался другой этап жизни. Римма смотрит проекты детских комнат. Полина возится с Димкой. А я, как неприкаянная, хожу из угла в угол. Из дома мне строго настрого выходить запретили, меня везде сопровождает охрана. На работе хоть дела есть, целый день крутишься, а дома скучно и тоскливо.

Адвокат обнадежил, экспертизы показали, что раны мог нанести себе как сам пострадавший, так и женщина. Милу пригласили на опознание, и все, как мы и предполагали, она указала на Вячеслава, вместо Кирилла. Запуталась в братьях. Ведь Кирилла видела мельком два раза. Тем более, что врач выдал заключение о наличии у нее близорукости, а очки она никогда не носила. Про нож Мила больше не заикалась, так как и сама поняла, что лоханулась. Но на всякий случай меня держат под охраной, а с этим мериться очень не хочется.

В один из дней вновь позвонила тетя Зоя и попросила прощения. Долго объясняла, что Аня своей свекрови выболтала о моем женихе, которого забрали в полицию. Скорее всего, посадят. Та придумала, что я замуж выхожу, но жениха в полицию забрали. И новость начала курсировать по городку. В конце это уже была свадьба, с которой моего жениха увезла полиция.

Вот как? Сколько желчи у людей. Почему люди не ищут интерес в новых увлечениях, книгах, путешествиях? Так интересно подсматривать в замочную скважину за соседом?

Додумывать. Придумывать события, которых нет.

От скуки это все. Всегда в народе любили всякие бессмысленные ток-шоу, где трясли чужим нижним бельем.

Вот только не знала я, что скоро сама стану участницей такого шоу. А главными героинями будут моя мать и тетя Зоя.

В четверг поздно вечером позвонила мама и, рыдая в трубку, сообщила, что умерла тетя Зоя. Вышла в палисадник, мимо шла соседка, слово за слово и сцепились. Кто ж знает, какая кошка между ними пробежала. Поругались, кричали и обзывали друг друга, а потом тетя Зоя схватилась за сердце и упала. Соседка заголосила. Сбежались любопытные. Пока суть да дело, пока вызвали скорую, прошло много времени. У тети Зои был инфаркт. Счет шёл на минуты. И помощь оказать не успели.

Похороны в понедельник.

У меня был шок. Ведь еще вчера тетя Зоя звонила мне и просила прощения, а сегодня ее уже нет. В груди жжет, на глазах наворачиваются слезы. Тетки, к которой я часто бегала, чтобы поесть ягод в ее огороде, рассказать нехитрые школьные тайны, больше нет. Я в полной растерянности и протрации.

Хорошо, что у меня есть друзья.

Это они взвалили на свои плечи все мои беды. Созвонились с мамой, договорились по времени вылета, купили нам с ней билеты и даже заказали такси нам от аэропорта до дома. У Владика вдруг образовались срочные дела, по которым он не смог присутствовать на похоронах своей тети, и даже нас встретить, у него не было времени.

И вот мы снова в нашем городке. В квартире, где я провела все свое детство, не обжито. Она словно разорение гнездо, в котором уже никогда не будет птенцов. Часть мебели уже продано, осталось только то, что до помойки донести лень, либо очень старое, что разве купят для садового домика.

Но нам есть, где лечь спать. Мама располагается на старом диване, я в своей комнате. Утром нас ждут хлопоты.

Следующий день пролетает незаметно. Похороны должны состояться в понедельник, и у нас только один день, чтобы все организовать. Мы так замотались, что вечером свалились без ног.

Весь день знакомые пытались с нами посудачить, но мы с мамой лишь отмахивались от них. И нам в след летело нелестное «Зазнались», «Маааасквички»...

Сложно объяснить людям, что мы потеряли близкого человека, у нас почти не осталось времени организовать похороны, что просто устали.

Вечером позвонил Кирилл. Сказал, что в понедельник прилетит, не оставит меня одну. Сначала я дергаюсь, не зная, куда его разместить, но потом выдыхаю, так как он уже сам побеспокоился о гостинице и трансфере.

Понедельник начинается с суеты. Утром приезжает папа, через час прилетает Кирилл с охраной, а потом приезжает Даша. Мы в суете и забыли о ней, а ведь она была подругой тети Зои. Ее оповестил кто-то из знакомых. И вот мы все собираемся у тети Зои дома.

Старенькая мебель, посередине стол с кружевной салфеткой, скрипучие стулья. Мы сидим вокруг стола и ждем. Непривычно. Заходят люди, здороваются и приносят соболезнования. Венки, цветы, все кружится в хороводе. Кто-то шёпотом справляется о Кирилле. Ему в ответ летит «жених», улыбаюсь про себя, пусть будет так.

Через час привозят гроб. Весь народ собирается в небольшом дворе, здесь прощаются с

ней те, кто не сможет проводить ее. Народу много. Скоро во дворе уже нет места. К воротам подают автобусы. Мы должны выдвигаться, в церкви нас ждет батюшка.

Я смотрю на свою тетю. Она маленькая, худенькая, совсем хрупкая. Ей не много лет, она младше моей мамы. Как быстро она ушла от нас. С удивлением думаю о том, что почти не знаю ее. Рядом со мной стоит и плачет Даша. Она очень красивая женщина, наверное, ей около пятидесяти, я понимаю отца, он ее любил. Одно не понятно, как он мог ей изменить? Папа стоит чуть в стороне. Мнется. Ему некомфортно. Мама поджала губы и косится в сторону Даша. Рядом с ней трется тетя Тамара, они дружат с мамой с педагогического техникума, вместе учились, вместе в город приехали работать. В одну школу получили распределение. Но папа тетю Тамару не любил и за глаза звал «змеища». Странно, прошло уже столько времени, а бывлые раны дают о себе знать. И вот те, кто знал друг друга с молодых ногтей, стоят поодаль друг от друга и только косятся, не смея заговорить.

Потом мы поехали в церковь. Батюшка что-то долго нам говорил о грехах. При этом моя матушка неистово крестилась и вытирала слезу.

Тетю похоронили на нашем местном кладбище рядом с могилой бабушки.

Поминки организовали в заводской столовой. И собрались все, кто с моими родителями был знаком с молодости.

Спиртное развязывает языки. Сначала просто поминают тетю Зою, потом начинают вспоминать молодость. И тут началось...

— Ой, Зойка у нас была однолюбка, как за Гришку схватилась, так и больше ни одного мужика у нее не было...

— Да, как Гришка помер, так больше замуж и не вышла...

— И деток не нарожала...

Вспоминают ее бывшие товарки. Я пока ничего не понимаю, потому как не помню, что тетя Зоя была замужем.

— Вот тебе, Тонька, — это к маме обращается одна из гостей, — надо грехи замаливать, по твоей вине Зойка вдовой осталась.

— Чего это? С каких щей это моя вина? — зло плюет мама в сторону тетки. — Гришка из семьи алкоголиков, вот и допился, что замерз насмерть.

— А не ты ли его соблазнила, к нему на сеновал бегала, он дурачок и повелся, — парирует тетка, а у меня глаза на лоб лезут от таких подробностей. — А ты вон на Валерку перекинулась, его бросила, вот он и запил.

— Ничего у меня с ее Гришкой не было, — отрезает мать.

— Было, — вдруг подает голос Даша. — Было. Мы тебя с Зойкой на сеновале с ним видели. Зойка тогда два дня ревела, просила тебя, чтобы ты рассталась с Гришей, не отбивала парня у нее.

Мать краснеет, ее шея покрывается некрасивыми пятнами, она резко выпивает рюмку и отворачивается в сторону, смахивая слезу.

— Девочки, давайте Зою лучше помянем, — блеет папа, пытаюсь смягчить неловкую ситуацию.

— А ты, Валерка, лучше помолчи, — вдруг обрывает его одна из теток. — Мы и так Зою поминаем. Вот высказать хотим все ее сестре — стерве, что столько судеб порушила.

Мама ерзает на стуле, под ней просто горит пол.

— Ничего я не разрушала, — вдруг кричит она на бывших товарок. — Гришку бросила, да. Пьянь он подзаборная. И семья у него алкаш на алкаше. И сестре я говорила, что ничего

хорошего у нее с Гришкой не выйдет. Так и получилось. Полгода вместе прожили, она его трезвым не видела. А потом он сдох под забором в пьяном бреду. Что я разрушила? Да она спасибо мне сказать должна!

— Так он может бы и не запил бы, а в тебя влюбился, ты его бросила, бляд...на.

— Ну, и страсти у вас мексиканские, — шепчет мне на ухо Кирилл, а у самого глаза по пятаку.

— Это я бля...а, — кричит мама, она вскочила, и папе приходится встать между двух женщин, чтобы они не сошлись в рукопашную.

— Ты, ты, — орет третья товарка. — Валерка, а ты уверен, что у тебя сын от тебя родился?

И меня начинает тошнить.

— Уведи меня отсюда, — прошу я Кирилла.

И мы уходим, едем в гостиницу, потому что сегодня я не хочу видеть никого из моих знакомых. Столько грязи сейчас вылито на мою семью, что мне становится плохо.

Едем к Кириллу в гостиницу. В номере тихо и уютно. Даже странно, что в моем маленьком городке есть такие хорошие гостиницы.

Я забираюсь на кровать и ложусь в позу эмбриона, подтягивая коленки к груди. Кровать скрипит и прогибается. Позади меня ложиться Кирилл и кладет на меня руку, а потом подтягивает меня к себе. Так мы и лежим, обнявшись.

Через несколько минут я засыпаю. День был очень напряженный и эмоционально измотал меня.

Просыпаюсь от того, что солнце бьет в глаза. Утро.

Невольно оглядываюсь. Рядом примята подушка, а в туалете шумит вода. И я лежу под одеялом только в белье. Но я же не раздевалась?

Ныряю под одеяло. Мне так стыдно! Боже!

И тут вода перестает шуметь, дверь открывается, и, впуская пар в комнату, выходит Кирилл.

Мама дорогая, хорошо, что одел халат. Я бы не выдержала.

— Доброе утро, соня. Я завтрак в номер заказал.

— Отвернись, — бурчу я. — А халат еще один тут есть?

— Вот, — и Кирилл подает мне халат, сам то он в своем личном, ему тот, что выдают в гостинице, даже на руку не налезет.

— Отвернись, — шепчу я, сама не понимая, что он вчера меня раздевал и ничего нового, наверное, не увидит.

Но Кирилл строит мне рожицу и отворачивается. А я накидываю халат и спешу в ванную.

Потом плотный завтрак. С Кириллом по-другому не получится. Но умеет накормить.

Впереди у нас еще один день, и уж он точно не будет легким, потому что сегодня будет оглашено завещание тети Зои.

А я хочу посмотреть ее архив.

Глава тридцать седьмая

Через час мы уже у тетки в доме. Тут все так же, как и было при хозяйке. Тикают старинные часы, в углу под вышитыми полотенцами с хмурыми ликами иконы. Белая скатерть на столе, скрипучие венские стулья. Старый диванчик скрипнул и прогнулся под весом Кирилла.

Никого еще нет. Нотариус появиться с минуты на минуту. У нас есть время оглядеться, и я достаю старые альбомы с фотографиями. Раньше я их видела мельком. От чего-то никогда не просила свою тетю рассказать о родственниках, о бабушке. Поэтому трепетно смахиваю пыль со старых альбомов, и открываю.

Все фотографии расположены в хронологическом порядке, подписаны, и даже указано место, где снимок сделан. Тетя Зоя была очень дотошная, недаром всю жизнь проработала бухгалтером.

Быстро нахожу тот период, когда мама закончила техникум. Вот и ее фотография, она стоит возле памятника под ручку с тетей Тамарой. «Тома и Тамара» гласит надпись, дата окончания техникума. На следующей странице мама вместе с бабушкой в обнимку, как раз на том диване, где устроились мы с Кириллом. И я переворачиваю лист...

Хорошо, что сидела на диване, так бы упала со страха! На меня с фото смотрит Влад под ручку с тетей Зоей. Только это не Влад. Надпись гласит «Зоя и Григорий». И мне становится плохо.

— Света, ты побледнела? Что с тобой? Воды? — мечется Кирилл, вот только вода мне не поможет, потому что я узнала правду.

А потом из альбома выпадает белый конверт. На нем эмблема очень известной лаборатории. Я его открываю и вынимаю четыре листа бумаги. Там куча цифр, непонятных терминов. Но в конце четко написано, что вероятность отцовства 99, 75 %. А внизу дрожащей рукой тети Зои выведено: Владик — сын Григория.

Бумаги выпадают из моих рук. У меня нет сил, только слезы. Я реву белугой от отчаянья, сколько лжи в нашей семье, сколько грязи. Мне даже страшно. Кирилл мечется по кухне, ищет воду. Наконец, находит. Пытается меня напоить, но стакан стучит о мои зубы, руки трясутся, а вода расплескивается вокруг.

Я успокоилась только через полчаса. Но когда в дверь входит мама, мне вновь стало плохо.

— Девочка моя, кто тебя обидел? — мама смотрит испуганно, а я протягиваю ей белые листы, которые жгут мои руки.

Сначала мама ничего не может понять, и только последняя страница заставляет ее побледнеть.

— Кирилл, можно вас попросить выйти? — мама прижимает белые листы к груди и смотрит на Кирилла.

— Да, да, конечно, — кивает тот и идет к двери, потом оглядывается, — Света, если что... крикните меня...

Он уходит, захлопывая дверь, словно отрезает нас от мира сегодня, и разверзается пропасть прошлого.

— Прости, не хотела ворошить прошлое, — тихо говорит мать. — Набедокурила я. Оторви и выбрось мы с Тамаркой были. Я еще в техникуме была любовницей у одного чиновника, а когда захотела стать его женой, он мне на двери указал. Говорил, что нищобродов много. Распределение мне сделал обратно в мой город, от себя подальше. А сам на женился на девушке из состоятельной семьи. Вот я и поняла, что деньги к деньгам, а мне надо поискать парня своего уровня. Вернулась. А тут все плохо. Мужики спиваются, замуж особенно выходить не за кого.

— А зачем тебе тети Зои парень то понадобился?

— Молодость, глупость. Просто так, захотелось самой себе доказать, что любого

поманю, и он побежит.

— А о чувствах сестры подумала?

— Да не до того было. Привыкла к сытой, хорошей жизни. А здесь что? Это сейчас все расстроилось, завод работает, бизнес. А тогда: серость, рекет, по ночам страшно ходить. И мы бесшабашные, городские девчонки. Хотелось зажигать, вот и отожгла. А Гришка был как бычок, куда его повели, туда и пошёл. Беззлобный, так-то парень хороший, но не перспективный. Зачем отбила, а сама не знаю. Переспала с ним. Да и бросила.

— А дальше что?

— А дальше через две недели Валерка с армии вернулся. Красивый, бравый, косая сажень в плечах парень, его сразу на завод пригласили, должность дали, вот я и погналась за ним.

— Так у него же Даша была?

— Так я посчитала, что Даша пододвинется, Гришку то я сумела отбить. А Валерка Дашку любил, на меня не смотрел. Вот тогда я его как-то домой зазвала, напоила и в постель пьяного уложила, а сама рядом пристроилась. Знала, что сестра с Дашкой из кино сразу домой придут. Дашка то нас увидела. В рев. Свадьба разладилась.

— Ты поступила подло.

— Да, подло, сама знаю. Сейчас это понимаю, а тогда не понимала, думала, что все средства хороши.

— Тетя Зоя всю дорогу повторяла, что на чужом несчастье свое счастье не построишь.

— Она лучше всех это знала.

— Так она за Гришу замуж вышла?

— Да, когда ей исполнилось восемнадцать. И они с Гришей уехали жить в Апатиты, там у него была родня. Только вот жить им там не давали. Вся семья пьянчуги конченные. Гришка быстро покатился по наклонной, и как-то под новый год пьяным замерз, не дойдя до дома ста метров. Зойка вернулась домой. Больше замуж не выходила, и мы с ней не общались почти двадцать лет.

— Как она догадалась, что Влад — это сын Гриши, — задаю этот вопрос, но уже знаю ответ.

— Дак он просто копия Гришки, когда восемнадцать ему исполнилось, так она и поняла, кто его отец. Зачем только деньги на всякие тесты тратила?

— А папа так ничего и не знал?

— Может и знал, но молчал, сама знаешь, из него и слова не вытянешь. Прости меня, дочь, — мама смотрит, ожидая моего сочувствия, а я не могу, не могу ее простить, даже обнять не могу.

— Мне надо это все переварить, — тихо говорю и выхожу на улицу, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Скоро осень. Воздух кристально прозрачен и свеж. Листва уже чуть тронута первым заморозком, но еще зеленая.

Сзади подходит Кирилл и обнимает меня. Так мы и стоим у забора в палисаднике до прихода нотариуса.

Через некоторое время появляется нотариус, мы собираемся все вместе вокруг стола. По завещанию все движимое и недвижимое, а также счет в банке отходит Владу. Что и следовало ожидать. Она любила в нем образ своего любимого Гришеньки. А Влад даже не соизволил приехать на ее похороны.

Расходимся мы каждый в свою сторону. Папа идет к друзьям, мама в свою старую

квартиру, а мы с Кириллом в гостиницу. Вот и все. Нас больше ничего не объединяет, была семья, и нет семьи.

Вдруг я останавливаюсь. И бегу назад, догоняя отца.

— Папа, стой, — он останавливается, поворачивается ко мне и улыбается.

— Папа, скажи, а ты знал? — я боюсь произнести то, что так и вертится на языке, словно боюсь этим сделать папе больно.

— Света, зачем ворошить прошлое, пусть оно останется в прошлом, — спокойно отвечает мне отец, в его голубых глазах отражение безоблачного неба.

— Папа, ты как с этим жил? — но он снова улыбается.

— Так и жил...

Он разворачивается и уходит с высоко поднятой головой. И я понимаю, что он сумел все отбросить и начать жить с начала. Жить с Ириной и своим родным сыном.

Не успеваем мы добраться до гостиницы, как на главной улице нас настигает моя несостоявшаяся свекровь. Мне кажется, что я погружаюсь по уши в дерьме своего прошлого.

— Светочка, добрый день, приношу тебе свои соболезнования, Зоя была прекрасным человеком, так тебя всегда поддерживала, — лебезит мама Мишки. — Светочка, у меня к тебе просьба...

— Какая? — удивляюсь я, какая может быть просьба у моей несостоявшейся свекрови.

— Тебя очень хотел видеть Николай, — чего это моему несостоявшемуся свекру вдруг в голову ударило, удивляюсь я.

— Зачем? — прямо интрига какая-то.

— Прости, Светочка, что все так вышло пять лет назад, кто бы знал, — опять заюлила моя свекровь. — Он очень просил тебя зайти в гости.

Мне не хочется встречаться с этой семейкой, но вдруг пришло в голову, что надо покончить со всем своим прошлым раз и навсегда. И я соглашаюсь.

Прошу Кирилла подождать меня в гостинице и иду навстречу своему прошлому.

Уже на подходе к коттеджу меня начинает бить мелкая дрожь, не хочу встретиться с Аней и Мишей. Но его мать словно считывает мои эмоции и заверяет, что те уехали в Екатеринбург и вернуться только поздно вечером.

Дом они строили в девяностые. Для того времени это было круто. А сейчас большой и бестолковый дом смотрится скорее огромным пугалом, чем элитным коттеджем. Построенный без всяких чертежей, дом напоминает пчелиный улей, что строили сумасшедшие пчелы. Тут куча лесенок, чуланов, глухих закутков и тупиков, нога часто спотыкается о высокие пороги, в некоторых комнатах разные уровни. И все это создает невероятную дисгармонию. Да и в отделке его хозяева начудили. Уж очень много лепнины, позолоты и блеска.

Сейчас в этом огромном безобразии живут двое — отец и мать Миши.

Спальню отцу Миши отвели дальнюю с собственной ванной. Здесь все оборудовано под лежачего больного. Пыхтит компрессор, заставляя надуваться и сдуваться противопролежневому матрасу. Кругом ручки для удобства, в углу судно и специальные ходунки.

Меня встречает сиделка. Странно, но его жена даже не поднялась со мной в его спальню.

— Здравствуйте, я Светлана, Николай Иванович хотел меня видеть, — я чувствую себя неловко.

— Да, да, Светлана, сейчас я принесу вам стул, — сиделка суетиться, а я подхожу ближе к кровати.

Мой несостоявшийся свёкр похудел, кожа на его лице стала почти прозрачная, вся правая его сторона парализована. Лицо стало напоминать восковую маску. От того бравого, красивого мужчины почти ничего не осталось.

Он узнает меня и улыбается. Это страшная улыбка, ведь на эмоцию реагирует только половина лица, от чего его лицо еще больше напоминает маску.

— Светочка, здравствуй, — тихо говорит он. Его речь достаточно внятная.

Я присаживаюсь на стул и первые минуты мы говорим ни о чём. Он спрашивает меня о жизни в Москве, интересуется моей работой. А потом вдруг говорит то, от чего у меня по рукам бегут мурашки.

— Светочка, это я виноват, что у вас ничего с Мишей не получилось. Дурень был, вот дурень, на девку позарился, в кровать ее потянул. А она не будь дурой и скажи, что я ей как любовник нравлюсь, но она хочет быть замужней дамой. Тут мне пришлось поведать ей, что бизнес на супругу записан, коттедж, половина счетов, а я гол как сокол. А все после нашей смерти сыну отойдет. Только сын у меня один, и он скоро жениться. Тут, видимо, у нее вожжа под хвост попала, она мутила со мной и потихоньку Мишке стала голову дурить. А тот и рад. Такая девка на него внимание обратила! Он перед парнями выпендривался, у них спор на эту деваху был. Ну, мой молодец то его и выиграл. Вот только ты его на месте преступления застала. И пошло все наперекосяк. Прости меня.

— Николай Иванович, нет тут вашей вины передо мной, разве перед своей женой. А Мише надо было головой думать, а не другим местом, — жестко расставляю все по местам.

— Светочка, может, ты подумаешь и простишь его? Знаю, что ты до сих пор не замужем, первая любовь она самая крепкая, — в глазах моего несостоявшегося свекра навернулись слёзы. — Эту тварь мы из дома выгоним, сын ей не нужен, дадим откупного, и пусть валит на все четыре стороны.

— Разбитую чашку, Николай Иванович, не склеить. Тем более у меня уже есть любимый мужчина, — я встаю, прощаюсь и разворачиваюсь уйти, как в дверях сталкиваюсь с Мишей.

— Света! — радостно восклицает он.

Черт бы его побрал, вот ведь невезуха, или его мать специально нас свела вместе?

— Здравствуй Миша, — стараюсь говорить холодно и отстраненно, чтобы и тени надежды у него не появилось.

— Светочка, как я рад, — зудит Мишка, даже его голос мне противен. — Я так мечтал вновь с тобой встретиться. Последнее время много думал о нас.

— Миша, давай договоримся, «нас» уже нет, забудь, все в прошлом, — отрезаю я.

— Света, не руби с плеча, я развожусь с Аней, дам ей отступные, себе заберу сына...

Бла, бла, бла...

Сразу видно, что они сговорились, решили меня вернуть, Аню нах...отправить...

Вот только Аня, наверное, не согласится.

Я разворачиваюсь и ухожу, оставляя Мишу стоять на пороге коттеджа с разинутым ртом. Надоели.

Иду по старинным улочкам городка, вдыхаю свежий воздух, люблюсь последними летними денечками.

Все! Прошлое осталось в прошлом. Это похоже на игру в квест, когда ты долго бродишь по подвалу, ищешь выход, тыкаясь в тупики. А потом вдруг открываешь неприметную

дверь...Вуаля! Вот она свобода!

Теперь я поняла папу, он просто открыл новую дверь. И закрыл дверь в свое прошлое. Он не вспоминает его, не сожалеет, не сокрушается по рухнувшему «семейному счастью», он отнесся к этому философски. Он построил новое счастье, расчистив место от обломков.

Мне надо было приехать сюда. Надо было похоронить своих призраков прошлого. Теперь их нет. И я могу жить дальше.

В гостинице меня встречает Кирилл и обнимает. Он такой горячий, мой сибирский мишка. И я готова начать строить свое новое счастье.

Глава тридцать восьмая

Вот и закончилась моя эпопея. Прошлое осталось в прошлом.

Для меня очень важна была эта поездка домой. Я вновь столкнулась с призраками прошлого, пропустила через себя боль утраты. В прошлом, просто сбежав из своего городка, скрылась от проблем, не приняв, не переболев. Сейчас понимаю, что у меня был шок, меня трясло от осознания потери, внутренне которую я не приняла. Как и не приняла развод своих родителей. Это тоже стало для меня ударом, как бы я не скрывала этого от окружающих и моих родителей.

Меня долго мучал гнев и обида на Мишку. Я сделала попытку разобраться в родительских склоках. Я переживала сразу две потери. И долго отрицала.

Затем я начала искать виновного. И нашла! В себе!

Как последняя мазохиста, смотрела на снимки свадьбы моего несостоявшегося жениха. Чувствовала себя виновной, искала себе недостатки. Копалась в душе. А в результате ушла в депрессию.

Алексей был просто пилулей от болезни. Сейчас, как никогда, я понимаю, что не любила его. Влюбленность — да, но он лишь лекарство от депрессии, поэтому и бросила сразу, как только поняла, что он ничем не лучше Мишки, такой же кобель. И даже тени чувств к нему не осталось.

Стадия принятия наступила, когда увидела Мишку с Анькой в ресторане. Вдруг осознала, что прожила и приняла эту потерю. Все. Дальше будет только легче.

Точку во всей этой истории поставил мой несостоявшийся свёкр с покаянием в грехах. Он окончательно убедил меня, что я двигаюсь в правильном направлении. Я приняла свое прошлое и решила двигаться дальше.

Ночью мы прилетели домой.

Открылась новая страница в моей истории. Мы решили с Кириллом жить вместе. Ну как решили? Не давая времени мне долго размышлять, чтобы не надумала чего-то такого, он повез меня на съемную квартиру. Там помог собрать мои вещи, и вот я уже у него дома. Сбегать мне теперь некуда, разве что к Амиру с Риммой. Но тем не до меня. У них тоже новый этап жизни.

И вот я живу на двадцатом этаже в элитном комплексе.

Римма смеется. Кирилл долго вокруг меня круги накручивал, как акула вокруг добычи, не зная, как ко мне подойти. Я же вела себя, как бука: носик кверху, ничего не вижу, ничего не хочу слышать. Подвернулся Кириллу нужный момент, схватил он меня в свои цепкие руки-загребуки, теперь не отпустит.

Мне бы радоваться жизни.

Но на душе у меня не спокойно. Осталась одна маленькая червоточина, что грызет меня — Алексей.

Как-то притихла эта вся история. Алексей на лечении, Милка живет с подпиской о невыезде, ее брат уже сел в тюрьму. Выяснилось, что он был осужден за хулиганство условно. Теперь ему и срок увеличили, и отбывать ему срок придется за решеткой. И жена Алексея нас не донимает, примолкла. Только вот беспокойно.

С утра сижу возле панорамного окна на кухне-столовой и пью кофе. Вот и осень. Дни становятся короче. И хоть солнце светит ярко, но в воздухе уже чувствуется прохлада. Внизу на площадке бегают и суется дети. Мамаши чинно восседают по скамеечкам пялясь в свои телефоны. Двор — это закрытая территория, чужой сюда не войдет, а вся детская площадка выложена прорезиненными матами, так что дети не убьются, дальше ограды не убегут, чужой человек ребенка не украдет. Поэтому мамочки спокойно залипают в соцсетях.

Я смотрю на этот уютный, даже немного сонный мирок, и кажется, что ничего страшного за его стенами не происходит. Но тут раздается звонок. На экране светится надпись «Адвокат», и я беру трубку.

— Светлана Валерьевна, здравствуйте, — у адвоката приятный баритон, даже тогда, когда он приносит очень плохие новости, его голос звучит обнадеживающе.

— Здравствуйте...

— Светлана Валерьевна, у меня плохие новости для вас, — сердце пропускает удар, — Алексей Вольных сбежал из больницы, поэтому Кирилл Дмитриевич просил вас не покидать квартиру без сопровождения. Скоро мы со всем разберемся.

Ну, вот опять двадцать пять. Только разогнала все свои страхи, только начала строить свою жизнь заново, и тут из подворотни вылез мой самый большой ужас по имени Алексей.

Через час за мной приезжает водитель, мы едем на работу. Мне очень не по себе, я чувствую себя заключенным, которого сопровождают под конвоем. Мне опять нельзя выходить без сопровождения, посещать людные места, просто отдыхать с подругами. Для меня будут закрыты увеселительные заведения, с девчонками в кафешке не посидеть, даже на шопинг я должна буду идти с охраной. Те заставляют нервничать персонал магазинов, они обязаны даже примерочные проверять на наличие опасности. Но чаще всего магазин просто закрывают, пока я подбираю себе одежду.

Стоит мне зайти в офис, как внутренняя, натянутая пружина отпускает. Увидев задорную Катькину улыбку, теплеет на душе, я улыбаюсь ей в ответ и радуюсь новому рабочему дню.

Рутина быстро стирает радость с моего лица, готовлю бумаги, копаюсь в архивах. Забежал Кирилл, быстро чмокнул нас с Катькой в щечки, погрозил мне пальчиком, чтобы никуда не уходила, и улетел на очередное совещание у мэра. А мы с Катей решили сделать себе перерыв и немного выпить кофе. Благо в офисе кофе отменный, а еще супер навороченная кофемашина.

Идем к Оленьке, у нее в подсобке стоит этот удивительный агрегат, который варит божественный напиток, а еще там хранится запас зёрен и вкусышек.

Оленька, как и следовало ожидать, встречает нас заторможенным взглядом, так и хочется ее спросить: Оленька, на каких таблетках ты сидишь.

Но это бесполезная попытка, потому что Оленька, округлив губки, спросит: Что?

Катька смеется и утверждает, что Кирилл взял Оленьку на работу только для того, чтобы у его партнеров при ее появлении отключались мозги. Говорит, для проведения переговоров очень нужно. И действительно, когда Оленька переставляет свои ножки-ходули по коридору, у мужиков слюни текут. А уж если тряхнет бюстом, то у всех без исключения

спермотоксикоз начинается.

Мы сидим в подсобке, машина жужжит, готова нам напиток. В воздухе висит аромат кофе и миндального мороженого. Решили мы себя побаловать, натолкнувшись в холодильнике на брикеты с мороженым.

— Чего это Оленька сегодня какая-то озабоченная? — спрашиваю у Кати.

— Кирилл берет помощника себе, так Оленька боится, что ее с должности кофеноски сместят, — смеется Катя.

— А ей чего переживать, жених чай не бедный у нее, — удивляюсь я.

— Да никто ее увольнять не будет, жених пристроил ее на эту работу, чтобы она дома ему мозги от безделья не выносила. По-моему, он даже приплачивает ей в виде бонуса к зарплате, чтобы восемь часов в офисе глазами хлопала, — хохочет Катя.

Уж и не знаю, где — правда, а где выдумка Кати.

Проходит еще несколько часов, и с очередного заседания возвращается Кирилл. Близится конец рабочего дня. Они с Катюхой ушли обсуждать контракт на поставку запчастей, вроде пришла документация, но только на китайском. А я сижу в кабинете и жду, когда они освободятся, и мы сможем поехать поужинать.

Вдруг ко мне заглянула Ядвига. Мы с ней в последнее время старались не сталкиваться. Катя говорила, что Кирилл дал ей отворот-поворот еще задолго до наших с ним свиданий. Но Ядвига почему-то думает, что во всех ее несчастьях виновата я. Злится на меня, шипит мне в след и настраивает против меня бухгалтера и Оленьку. Но у Светланы Иосифовны куча дел, ей надо контролировать десяток бухгалтеров, сидящих в других офисах. Оленьку в принципе ничего не интересует, кроме Дома 2. Поэтому стенания Ядвиги никому не интересны.

И вот она сама зашла ко мне в кабинет.

— Светлана Валерьевна, там во втором ангаре у Дмитриева какой-то спор с клиентом по поводу договора. Вам бы сходить, переговорить, а то подаст на нас в суд. Кирилл Дмитриевич вас за это уволит, — язвительно говорит она, приподнимая нарисованную бровь.

Вот ведь стерва, знает, что Кирилл уж точно меня никогда не уволит, но с удовольствием посыплет соль на рану. Ядвига, вильнув накаченной попой, удаляется, цокая каблучками. А я...

Вздыхаю. Делать нечего. Приходится идти ко второму ангару, где расположены мастерские по ремонту автомобилей. Там все работает, как часы, Кирилл любит свое детище. Это его первый бизнес, который он открыл и развил с нуля. Поэтому там никогда не бывает авралов, проблем и конфликтов. Все отрегулировано и не требует его вмешательства. Поэтому для меня удивительно, что там вдруг появилась проблема.

И я выхожу на территорию.

Мне здесь боятся нечего. На воротах охрана, пропускной пункт.

Поэтому я пошла без охраны.

Территория у нас чистая, везде асфальт, клумбы с цветами. Второй ангар был построен первым, вот такая смешная арифметика, поэтому вокруг него уже выросли кусты, которые подстригают. Но сейчас уже осень. Кусты вымахали за лето на метр, образуя плотную изгородь.

Я иду мимо, прохожу сквозь кусты по дорожке и упираюсь в закрытую дверь. Странно, почему дверь закрыта? С усилием дергаю ее за ручку. Но дверь не поддается.

Вдруг сзади раздается шорох, я резко оборачиваюсь, мне на лицо набрасывают ткань,

смоченную чем-то едим. Запах такой, что незамедлительно начинает мутить. Но вырвать меня не успевает. Мозг отключается.

Глава тридцать девятая

От Кирилла

Дожил до тридцати пяти лет и думал, что мне не светит встретить такую девушку, как Полина у Вячеслава. Она мягкая, добрая, очень любит моего брата, и я искренне верю, что она живет с ним не ради тех миллионов, что мы с ним заработали. Не помню ни одного раза, чтобы Полина клянчила у него денег на очередные бриллианты или шмотки. Хотя Вячеслав ее ни в чем не ограничивал и никогда не обижал, покупал все.

У меня, конечно, тоже было много девушек. Но мне чаще попадались особы меркантильные. Хочешь секс — идем в магазин. Сколько я купил Айфонов, планшетов, ноутбуков, бриллиантов — просто не счесть. А уж сводить девушку на шопинг — это обязательная программа.

Многие из этих девушек пытались меня окольцевать, вот только ни у одной не получилось. Не хочу видеть рядом с собой девушку, которая с тобой только потому, что у тебя денег «куры не клюют». Ведь так может быть не всегда. Все под богом ходим.

Была у меня любимая проверка. Говорю девушке: Денег нет, проблемы с бизнесом. И смотрю, как она быстро собирает шмотки. Ни одна не осталась, не сказала: Буду с тобой и в горе, и радости, и в бедности. Все унеслись прочь.

Обратно ни одну не пустил. Просились, когда понимали, что это была просто проверка «на вшивость».

Были и такие, кого присылали конкуренты, те занимались промышленным шпионажем. С такими девицами разборки были жесткими. Иногда до уголовного преследования.

Не везло мне с девушками.

Последней была Ядвига. Я сразу понял, что в компанию она пришла, чтобы подобраться ближе ко мне. И полностью ее игнорировал. Чёрт же дернул меня напиться на корпоративе и затащить ее в койку. Девушка оказалась очень упорная, и сколько я ей не объяснял, что не готов жениться на ней, Ядвига упрямо перла к цели.

И тут все изменилось.

Я встретил Светлану.

Когда Римма предложила в качестве юриста взять ее подругу, я согласился сразу. Решил, что девушку просто пристраивают на теплое место. Что не сделаешь ради любимой моего брата Амира.

Когда она вошла, я сразу понял, что пропал. Вот та девушка, о которой я всегда мечтал.

Стройная блондинка с голубыми озерами-глазами, мягкий овал лица, мелкие черты лица. Никаких губищ, нет силиконового вымя, пластические хирурги не касались ее лица. Естественная в своей красоте девушка.

И был удивлен, когда она и еще оказалась не плохим специалистом. Быстро взялась за дела, разложила все по полочкам, проверила все договора, переделал те, которые давно нуждались в переоформлении.

Я просто был в восторге. Но было одно «НО». Она не смотрела в мою сторону. И сколько бы я не оказывал ей знаков внимания, она меня не замечала. Я был для нее лишь директором. Вроде в молодости знал, как подкатить к девушке, но здесь вдруг сломался мой пикап.

Друзья надо мной ржали: Чего, как бычок, вокруг ходишь, подари девушки

бриллиантовое колечко или сережки.

Только на эту девушку такие вещи не действуют. Думаю, что на меня бы посмотрела, как на душевнобольного.

А когда узнал, что она попала в беду, бросился без раздумья на амбразуру. Пришлось воспользоваться связями дяди. Когда то давно дядька наш служил в КГБ, потом уволился и занялся бизнесом, но связи никогда не терял. Его друзья тоже уже вышли на пенсию. Контора поменяла название. Теперь в ФСБ служат их дети. Но наладили дружеские отношения, поддерживаем связь всегда. Всегда благодарен друзьям дядьки, когда он умер, а мы остались у руля, нам только по двадцать с небольшим было. Мы через многое прошли: рекет, конкуренты пытались отжать бизнес, тогда связи нам очень помогли. Мы тоже в долгу не остались.

И вот опять. Когда моя любимая девушка попала в странную ситуацию, мне пришлось обратиться к нужным людям. Раскрутили дело быстро. На следователя-махинатора насели свои из отдела безопасности, тот быстро раскололся. Раскрутили дело, посадка для шантажистов была жёсткой.

На всякий случай Свету посадили под «домашний арест». Я стал ее видеть чаще, возить на работу и с работу, мы все вместе ужинали, иногда я оставался у Амира ночевать. И чем больше был рядом с ней, тем понятнее становилось, что я сделал правильный выбор, это моя женщина. Вот только она смущалась и никак не шла на близкий контакт.

А когда ее попытался похитить ее бывший мужик, у меня чуть крышу не снесло. Убил бы. Но меня тормознула охрана. Потом не мог спокойно смотреть на ее лицо, это была моя вина. Не досмотрели. Не уберегли наших девочек. Сердце кровью обливалось.

Но с моей девочкой какая-то беда. Не успевал ее вытащить из одной беды, как она тут же вляпывалась в неприятности в другом месте.

На свадьбе Амира и Риммы думал, будет все мирно, мы далеко от Москвы, и здесь нет людей, которые могут ее преследовать. И я радовался, что смогу быть ближе к Свете, но и тут случилась оказия. Сначала доставучие родственники Риммы атаковали меня. Две пиявки так вцепились в меня, что еле отделался. Я поздно заметил, что второй родственничек уже вцепился своими погаными ручонками и льет в уши моей девочке. С болью смотрел на нее, а ведь этот сучоныйш ей нравился, это я видел по ее глазам. И сглупил, решил, раз девочка выбрала его, то зачем я буду лезть. Как не догадался, не раскусил этого сучоныйша, он оказался с гнильцой. Хорошо я вовремя из дома вышел и заметил, как трое ублюдков пытаются мою девочку в машину посадить. Даже страшно стало, что они могли с ней сделать. Страх за нее закрыл мой разум, бил этих сучат, ломал кости, хотел просто уничтожить. На нож в руках подонка только рассмешил. Уже потом, когда меня зашивали, выяснилось, что нож скользнул по ребру, но если бы он прошёл сантиметром ниже, то мог бы пройти под ребром и проткнуть печень.

Тогда я сказал: Мне придётся на тебе жениться, Светик, и следить за тобой, иначе ты постоянно вляпываешься в неприятности.

Я сказал это вслух, сказал то, что уже давно у меня засело в мозгах. Да, я хочу жениться именно на этой девушке и только на ней.

Как она могла пропасть с территории?

Светка! Ты опять вляпалась!

Когда обнаружили пропажу, прошло уже достаточно времени. Обыскали все. Но она, как в воду канула. Подняли все записи по камерам. Вот она вышла из офиса и пошла по

территории. Зачем и куда?

Вторая камера ее засекала у второго ангара. А дальше она просто пропала.

Посмотрели, кто въезжал и выезжал за это время на территорию. Пусто. Только наши машины и машины клиентов. Даже пешком никто чужой не входил.

Я просто выл и метался. Как так могло случиться? Ведь специально держал ее возле себя. Сам вечером был в офисе. Как?

Звонить ментам?

Позвонил друзьям из ФСБ.

И закрутилось. Вызвали в офис всех, кто был в тот момент в офисе. Повыдергивали людей из теплых кроватей. И пусто. Никто ничего не видел, никто ничего не слышал. Но ведь она зачем-то пошла к второму ангару?

Там не нужна ее помощь, у мужиков готовые болванки договоров, заполняют с клиентом, дают ему прочитать, подписывают.

Тогда в чём дело?

И снова допросы по второму кругу.

И вот на втором допросе Ядвиги замечаю, что она нервничает, дергается. И говорю об этом следователю. И ее начинают «прессовать».

Через час такого допроса она срывается и говорит правду. ЕЕ ПОПРОСИЛИ!

СУКА!

Девочку мою подставила. Попросили прислать ее к ангару, та наплела ей про договор и злобного клиента, а Света пошла.

А попросил ее, судя по описанию, Алексей. Сука! Наплел Ядвиге, что якобы это его сбежавшая невеста, он ее хочет вернуть, бла-бла-бла.

А та и рада стараться. Ей надо сохранить теплое место возле меня.

А вот дальше мы упираемся в тупик. Куда она делась?

Трясем мужиков с пропускного пункта, но те на водителей почти не смотрят. За час до этого приехала старая девятка на ТО. Конечно, в ТО нет ничего странного. Но обычные владельцы таких раритетов сами в гаражах себе ТО делают. Посмотрели на номера. Нашли владельца. Созвонились.

Машина неделю в угоне! Только вот как теперь ее найти?

Мужик тот, что приехал, был в очках и с усами. Хотя сейчас можно спокойно купить любой грим. Это ни о чём не говорит. А вот то, что он ровно перед выходом Светы из офиса, забрал свою машины и выехал из ангара, говорит только за то, что это и есть наш похититель.

А дальше куда? Куда он ее повез?

Пришлось поднять полицию. Найти адрес Милы в документах. Приехали к ней на съемную квартиру. Но тут все чисто.

Милу трясли два часа, та все никак не «кололась». Дескать знать ничего не знаю, не при делах.

Вот только в это мало верилось. У меня сорвало крышечку. Весь вечер старался держать себя в руках, глушил боль. А тут не выдержал. Сорвался. Схватил эту мерзавку за воротник да и потрянул. Орал что-то сам не помню. Мужики еле меня оттащили.

И тут Мила зарыдала. Показала документы. Она лежала в стационаре. Оказалась, была беременной, беременность замерла, ее вычистили. Пять суток пробыла в стационаре, когда вернулась, Алексея след простыл.

Ее еще допрашивали, пытались выяснить есть ли у Алексея другое убежище.

А меня словно оглушили, ничего не видел, ничего не слышал, провалился в вакуум, и сука отчаянье навалилось на меня. Просто придавило глыбой, размазало по полу. Я сидел на каком-то скрипучем стуле, обхватив голову руками, и мычал от боли, что раздирала грудь.

Уж лучше воткните в меня нож два раза, чем трогайте мою девочку.

Убью нахер!

Глава сороковая

Очнулась где-то в сарае. Так мне показалось сначала, лишь потом поняла, что это был садовый домик. Тонкий дощатый домик с одной единственной комнатой, что хозяевам была кухней, столовой, спальней. В комнатке с полинявшими обоями стоял стол, покрытый старой клеёнкой, пара колченогих табуретов, кровать с пружинным матрасом да очень старый диван, от которого пахло мышами и плесенью. Собственно говоря, на нем я и лежала. Окна этого дома были плотно занавешены белыми полотняными шторами, правда, шторами эти выцветшие тряпочки можно было назвать с трудом. По грязным пятнам на них можно было догадаться, что иногда их использовали вместо полотенца. В общем, домик создавал впечатление убогого жилища.

Я попыталась пошевелить ногами и руками. Как и следовало ожидать, мои конечности были крепко связаны, причем руки мне связали за спиной. А сама я лежала на боку, от долгого лежания в одной позе, мои конечности затекли, бок онемел. Я с трудом могла подвигаться. Даже если бы у меня получилось развязать веревки, то я вряд ли смогла бы убежать.

Кто меня похитил, даже думать не хотелось.

А через несколько минут мой похититель сам вошёл в дом.

Было удивительно увидеть Алексея не в накрахмаленной белой рубашке и в офисном костюме, а в ватнике одетом поверх старой футболки и в поношенных джинсах, на ногах у него были резиновые сапоги.

— Смотрю, ты уже к ватнику привыкаешь, — съязвила я, раз мне рот не заткнули кляпом, то орать было бесполезно, видимо, вблизи никто не жил.

— Рот закрой! — рявкнул мой похититель. — Сейчас принесу диктофон, ты скажешь речь для своего е*баря, потом заткнешься и будешь тихо лежать до времени X.

— Чего ты хочешь, Алексей? — помнится мне в институте, когда проходили психологию, нам говорили что с похитителями нужно говорить, чтобы попытаться установить контакт.

Но Алексей не был незнакомцем, который меня похитил, он был когда-то моим мужчиной. Как настроить себя на разговор с ним, если одно его имя вызывает приступ тошноты.

— Чего хочу, ха-ха-ха, — заржал Алексей. — Трахнуть тебя напоследок, и твоего хахаля трахнуть на двадцать пять лямов.

— То есть такса уже выросла, поначалу вроде десять было...

— А ты умная, быстро соображаешь, точно, — Алексей улыбается, но в глазах его столько злобы, что становится страшно.

— И тебе не стыдно, Алексей, выбивать деньги из женщин? — вопрос конечно риторический, но хотелось его задать, так язык и чесался.

— Кто женщина, ты что ли? Да я с тобой стал спать только из-за спора. Мужики вокруг тебя хороводы водили, а ты ж у нас «снежная королева», ни на кого не смотрела. Так я с

мужиками поспорил, что затащу тебя в койку.

Алексей смеется, вспоминая, видимо, какие-то приятные моменты.

— Я выиграл у них десять тысяч. Они на тебя, — он тычет в меня пальцем, — целую десятку поставили!

И он снова заливисто хохочет.

А у меня мурашки бегут по коже. Господи, с каким козлиной я жила.

И внутри стал нарастать гнев.

Ведь учили нас, что нельзя злить похитителей. Но сдерживаться я уже не могла.

— За тебя десятку? Да ты в постели бревно, сосать даже не научилась, вон Милка и то до гланд берет!

— Чего там до гланд то брать, твои тринадцать сантиметров? — язвлю я. — Меньше был только у моего бывшего жениха Мишки.

Глаза у Алексея наливаются кровью, как у бычка, что заметил красную тряпку. А меня уже не остановить.

— Да я с тобой даже кончить не могла, — продолжаю я язвить. — Ты в сексе удовлетворяешь только себя, боюсь, что все бабы только изображали с тобой оргазм, чтоб не сильно тебя унижать.

И получаю заслуженный удар по лицу, из носа сразу хлынула кровь. Лежу на боку и вижу, как моя кровь лужицей скапливается на обивке дивана.

— Тварь, я заберу у твоего хахаля двадцать пять лямов, а тебя прикопаю живой. Прямо сейчас пойду могилку тебя копать, — рычит Алексей.

И мне становится страшно. Может. Он может сделать все. Но тут слышится сигнал клаксона, к домику явно кто-то подъехал, возможно, сообщник. Алексей мне хищно подмигивает, берет лопату и выходит.

Домик дощатый, рамы давно разохлись, слышимость прекрасная. И я слышу весь разговор от А до Я.

— Алексей, что ты творишь, — женский голос показался мне сильно знакомым, но это не Мила.

— Тебе чего надо, беги уже к любовничку своему, — голос Алексея недовольный, он говорит с презрением. — Деньги привезла?

— Алексей, хватит творить дичь, я не смогу на этот раз тебя освободить, бери те деньги, что есть у меня и беги из страны, — теперь я узнаю ее, это его жена Дарья Семеновна.

Это было уже интересно, значит, она знала, что он меня похитил.

— Твои деньги — копейки, я на это не смогу жить.

— Работать не пробовал? — ехидно замечает жена.

— Издеваешься? — в голосе Алексея проскальзывают металлические нотки.

Ну, ну! Как бы не пришлось ему еще и жену закапывать.

— Знаешь, Алексей, твой отец был действительно мужиком, а ты размазня, — вдруг припечатывает она своего супруга. — Ни одно дело обстряпать нормально не можешь.

— Да, тебе ли не знать, сначала трахалась с моим отцом, потом под меня легла, ты же у нас подстилка ментовская, — вот это новости, так много нового для себя узнаю.

— Твоего отца я любила, — отрезает Дарья Семеновна.

— А под меня легла в память о нем, — снова язвит Алексей.

— А от тебя хотела молодого тела, — резко обрывает его жена.

— Ты ментовская сука! — рычит на нее Алексей. — Если я расскажу, как ты с моим

отцом — вором в законе кувыркалась, твоей карьере придет конец! И твой новый любовник тебе не поможет.

— Ты никому ничего не расскажешь, — твердо говорит Дарья.

— Тогда давай мне денег больше, чем так мало обещаешь, — голос Алексея становится ехидным. — Достань мне лям зеленю, и вали на все четыре стороны, документы тебе на развод все подпишу.

— Ты их и так подпишешь.

— Нет, только за твою помощь! Сначала ты помогаешь мне получить двадцать пять лямов с ейного мужика, и даешь сверху мне лям зеленю, — голос Алексея звучит мягко, даже ласково, вот только что-то меня напрягает. — Потом я подписываю тебе бумаги на развод и тихо ухожу через границу.

— Ты забираешь деньги, что я даю, подписываешь мне бумаги и исчезаешь. Я тебе обещала вытащить тебя из тюрьмы — вытащила. Больше меня ни о чем не проси!

— Нет, дорогуша, ты у меня на крючке, не хочешь платить зеленю, давай в евро, я в курсе, что у тебя есть счет в Швейцарском банке, — ехидничает Алексей.

— Ты, видимо, решил, что будешь меня всю жизнь доить? — в голосе Дарьи Семеновны металлические нотки.

— Конечно, родная, сама напросилась, когда повела меня под венец...

И тут раздаются три выстрела...

Я замираю от ужаса. Слышу шаги. Потом открывается и закрывается дверка автомобиля. Шум двигателя. Авто отчаливает вдаль! А я остаюсь не понятно где, связанная.

Проходит минута, другая, время течет, но в дом никто не заходит. Холодает.

Я от ужаса съеживаюсь на диване.

А никто и не придет.

Я умру здесь, впрочем, умру быстро. Ночами уже холодно, так что замерзну и все. Или скончаюсь от голода и жажды. Сколько там человек может прожить без воды? Суток семь — восемь?

Только сейчас до меня доходит весь ужас ситуации.

Дарья Семеновна убила Алексея! А я осталась одна, неизвестно где нахожусь, и как мне освободиться. Кругом тишина. Возможно, никого в округе нет.

Меня окружает мертвая тишина. Не слышно ни шума машин, ни звука от железной дороги. Мертвая тишина! Где я?

Спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

Пытаюсь встать, но это получается с трудом. Подтягиваюсь к краю дивана, изгибаясь, как червяк. Уф, получилось, потом спускаю ноги и тут же падаю. Конечности так затекли, что не слушаются меня. Приходится потратить минут десять на разминку. Кручу ступнями в разные стороны, сжимаю, разжимаю пальчики. Минуты текут, но подвижность возвращается, а с ней и надежда. Потому что от моих резких движений веревки начинают ослабевать.

Тогда я разминаю руки. Не знаю, сколько прошло время, я уже стерла кожу в кровь, но чувствую, что одна рука стала более свободно поворачиваться в пугах. И я только прибавила усилий, на боль не обращала внимания. И вот одна рука освобождена. Выдыхаю. Но не даю себе много времени для передышки. Ведь у Алексея может быть сообщник. И я даже знаю кто.

Распутываю узлы, трачу на это еще примерно полчаса. И вот я уже свободна.

Выбегаю из домика. И ужасаюсь.

Прямо перед крыльцом на траве, широко раскинув руки, лежит Алексей. Трава вокруг уже стала бурого цвета. Пуля попала в голову, я не вижу его лица, но череп разнесен. В его волосах кровь, остатки мозгового вещества и кости. Смотреть на это страшно. Но еще страшнее, что я не знаю, где нахожусь. Кругом лес. Лишь несколько маленьких садовых домиков выстроились на опушке леса. Здесь не видно признаков жизни. Огородики, что когда-то были ухоженными, теперь заросли травой, заборы покосились. А от сада ведет в лес несколько дорог. Которая из них может привести меня к людям?

Внимательно рассматриваю колеи. Одна из них более заметная. И на ней отпечатки протектора машины, что до этого стояла возле домика. Выбираю именно эту дорогу.

Вечереет. Скоро должно стемнеть, а у меня нет теплой одежды, и в темноте я могу заплутать. Думать некогда. И двигаюсь по дороге.

Глава сорок первая

Бегу по дороге насколько хватает сил. Только через полчаса хватилась обуви, ступни нещадно колют камушки, но возвращаться не было желания. От воспоминания того, что я оставила позади, пробивал озноб. Вернуться назад — это потерять время, а идти ночью также страшно, как и остаться там, где лежит труп Алексея. Так и шла босиком по грунтовой дороге, сбивая ноги.

Чтобы как-то отвлечься, представляла Кирилла. Что там делает мой медведь? Мечется, наверное, ищет. Интересно, Алексей успел ему позвонить с предложением выкупа или нет? А если нет? Они в курсе, кто мог меня похитить? Попала ли машина моего похитителя на камеры?

Вопросов много, но ответы на них я не знаю.

И снова мысли возвращаются к Алексею, к тому, что от него осталось. Прозвучало три выстрела. Дарья Семеновна точно стреляла трижды, но его ранение в голову скорее соответствует одному попаданию. Может, был еще кто-то? Хотя я не слышала другого голоса, кроме этих двух — Алексея и Дарьи. И почему Дарья не вошла в дом и не проверила, нет ли свидетелей. Резонно было бы проверить, но она развернулась и уехала. Она же опытный адвокат, знает, что при наличии свидетелей гораздо труднее доказать невиновность обвиняемого. Я для нее самый страшный свидетель.

Конечно, главное в обвинении — орудие убийства. Она могла выбросить куда-нибудь пистолет, без орудия убийства мои показания можно будет опротестовать, или запутать меня, как свидетеля.

И все ж мне не понятны ее действия. Хотя она дала мне возможность выжить.

И опять в голове ворох мыслей.

Быстро смеркалось. Я шла по дороге уже около часа в полной тишине, если не считать шума леса. В мою голову закралась страшная мысль, что я уйду от жилья в чащу, но я быстро отбрасывала ее, ведь протектор машины Дарьи вел меня по этой дороге. Постепенно лес, что возвышался по краям дороги, стал гуще, лучи заходящее за горизонт солнца уже не пробивались сквозь кроны деревьев. Резко стемнело. Над головой пролетела какая-то хищная птица, испугав меня до колик в животе.

Но где-то вдали появился шум. Появилась надежда, что я иду не вглубь леса, а в сторону жилья и людей.

Я попыталась ускорить шаг, но острый сучок нарушил мои планы.

— Черт, черт, — орала я сама на себя.

Острая боль пронзила стопу, окровавленный отпечаток моей ноги остался на сухой поверхности пыльной дороги.

Пришлось сесть на траву отдышаться. Под рукой не было ничего более подходящего для перевязки. Пришлось вспомнить детство. Отыскала в густой траве подорожник, оторвала листок и приложила к ранке. Пожертвовала частью платья, просто рванула на себя подол и оторвала кусок. Повязка получилась так себе, но это было лучше, чем идти с раной на ноге.

Идти стало сложнее, нога нещадно болела, приходилось вес переносить на пятку, чтобы разгрузить стопу, а это не давало идти с прежней скоростью. Для удобства выломала ветку, сделав из нее костыль. Скорость это не увеличило, но хоть легче стало идти.

Скоро резко стемнело. Дорогу не стало видно совсем. Идти приходилось на ощупь. Дважды сбивалась с дороги, а потом ощупью искала путь назад.

И когда совсем отчаялась, вдруг услышала вдали шум машин.

По-моему лицо градом побежали слезы. Неужели вышла...

Но брести пришлось еще час, прежде чем я увидела огни машин.

Дорога!

Я бросила со всех ног туда, но ноги, которые я почти уже не чувствовала, подвели в последний момент. Они подломились, и я упала, сбивая в кровь колени.

До дороги уже почти ползла. А когда доползла, силы покинули меня. Не помню, как я упала в придорожную пыль. Сознание отключилось. Очнулась от того, что прямо мне в лицо светил луч света.

— Ой, етить, колотить, она живая, — взвизгнул тонкий мужской голос.

— Чоооо орешь, — рявкнул второй голос. — Естественно живая. Трупных пятен нет, кожа теплая, ран не совместимых с жизнью нет.

Мне стало смешно, где этих олухов учили. Надо пульс у «труп» сначала попытаться найти, а не трупные пятна искать.

— Чего с ней делать то будем, документов то нет? — визгливо спросил первый.

— Скорую вызвать надо, — буркнул второй.

— Они ее не возьмут, нахрен им бомжиха.

У меня в голове пронеслось: Неужели я так плохо выгляжу, что похожа на бомжиху, у меня маникюр, платье дорогое. Эти двое явно смотрят не туда, могли бы заметить, что я явно не девушка без постоянного места жительства.

— Давай, по рации вызывай бригаду, — второй голос был явно уверенный и профессиональный.

Слышу шаги возле своей головы. Хлопают дверки автомобиля, писк рации. Слышу, как кто-то вызывает дополнительную машину и скорую.

Только вот я ничего сказать не могу. Я нахожусь в пограничном состоянии, вроде живая, а вроде и нет.

Очнулась. Что-то странное пищит, и этот писк неприятно режет ухо и давит на мозг. Яркий свет слепит и выбивает слезу из глаз. Во рту сухо, как в пустыне. Где-то за стеклянными дверями маячат две серые фигуры, и идет тихий диалог.

— Чего делать то будем?

— Очнется, побеседуй. Блин, не хочется еще одно дело открывать, и так двадцать у меня, и не раскрытых тоже столько. И зачем эти два дебила на трассе остановились? Справить нужду им надо было...

— Да ладно, Михалыч, все равно бы на нас повесили, ну к утру бы дохлой нашли, а так

хоть есть с кого показания снять...

Это они про меня? Дохлой? Ушибленные на всю головушку? Я еще здоровая и нормальная.

— Ты не торопись дело то возбуждать, может, там и не было ничего...

— Ну, изнасилования точно не было, докторишка ее осматривал, но ограбить могли и выбросить...

— Не мне тебя учить, сведи все ...

Не успеваю подслушать разговор до конца.

Пробую пошевелиться, и аппаратура возле моей головы начинает дико пищать. Двери резко открываются, и вбегает человек в медицинском костюме, я даже разглядеть его не успеваю. Он подсакивает к аппарату, щелкает кнопками, проверяет капельницу, а затем заглядывает мне в лицо.

— Вы очнулись, очень хорошо, — бодрым голосом сообщает врач. — Напугали вы нас, милочка, двое суток в сознание не приходили.

И снова убегает.

Я шевелю руками и ногами, вроде все цело. Трогаю голову, на месте. И потом в голове проносится «двое суток в сознание не приходила»! Черт, где я? Почему рядом нет Кирилла?

И только потом вспоминаю слова полицейского «Чего с ней делать то будем, документов то нет»...

Точно. Я впала в бессознательное состояние, не успела сообщить свое имя, а документы, как и моя сумочка, остались в кабинете. Алексей же украл меня с территории...

И тут в голове проносятся воспоминания, и самое яркое из них — труп Алексея на зеленой траве. Я явственно вижу даже капельки крови, что блестели в лучах закатного солнца, и желтый листочек на его одежде.

Надо быстрее рассказать, вдруг посторонние наткнутся на труп и затопчут все следы! Руки судорожно начинают двигаться по одеялу, а аппаратура выдавать ужасные сигналы. На шум вбегает медсестра, и вот я отключена от приборов и из моей руки вынута игла капельницы.

Милая девушка наклоняется надо мной и приятным голосом сообщает: Хорошо, что вы очнулись, тут к вам из полиции пришли.

Через несколько минут в палату действительно вваливаются два толстых дядечки, один в полицейской форме, второй в штатском, позади их маячит доктор.

— Вы только недолго, пациентка очень слаба.

— Понятно, — рывкает в штатском на доктора.

Они оглядываются в поисках стульев, но это видимо палата интенсивной терапии, тут стулья не предлагают. Поэтому они недовольно кричат и достают папку. Стоя писать не очень удобно, поэтому тот, что в штатском, отдает папку напарнику и смотрит внимательным взглядом на меня.

— Вы можете назвать свое имя?

— Светлана Валерьевна Смирнова. Может вам и данные паспорта сказать?

— А вы их помните?

Я без запинки называю свои данные. Даже в бессознательном состоянии никогда не забываю их. А сама прокручиваю в голове фразы, надо правильно выложить информацию, последовательно и не запутаться.

— Что с вами случилось, можете рассказать?

— Да. Меня похитил Алексей Александрович Вольных.

— Хмммм, даже так... Жаних поди, — подал голос второй полицейский.

— Нет, Алексей Вольных работал со мной на одном предприятии, в свое время пытался шантажом получить от меня некоторую сумму денег. Был под следствием. Бежал из-под стражи. Меня похитил с территории предприятия, где я сейчас работаю, чтобы шантажом выбить из моего жениха сумму в двадцать пять миллионов. Держал меня в садовом домике, это где-то недалеко от места, где меня нашли. Садовое товарищество заброшенное посреди леса.

— Это «Ромашка», наверное, — бормочет тот, что в полицейской форме, и толкает локтем напарника.

— Тихо, — одергивает его второй.

— Я не знаю, сколько по времени меня удерживали, но вечером, когда я очнулась, приехала жена Алексея Вольных Дарья Семеновна Морозова. У них вышел конфликт с Алексеем, и она его застрелила.

— Етишь его налево, — воскликнул полицейский. — Э-это что, у нас еще и убийство.

И опять получил тычок локтем в бок.

— Я не видела, как стреляла Морозова, я только слышала разговор, а потом звуки выстрелов. Всего их было три. Когда машина Морозовой уехала, я попыталась освободиться от веревок, которыми была связана. А потом убежала.

Я выдохнула. И замолчала.

— А труп где?

— Там возле садового домика лежит.

— Вызывай опергруппу, Михалыч, — кивнул один другому, и они оба вышли из палаты.

Минуты в больнице тянутся медленно. Через некоторое время появился доктор и две медсестры. Меня погрузили на инвалидное кресло и перевезли в обычную палату.

Она заметно отличалась от остальной больницы, явно платная. Но когда меня подвозили к палате, возле нее маячил человек в форме полицейского. И я сразу поняла, что меня охраняют. Осознание этого вызвало неприятные эмоции, такое бывает только, если свидетелю грозить опасность, либо ты являешься подозреваемой. Почему то в моей голове сразу мелькнул второй вариант.

Глава сорок вторая

Они появились в моей палате на следующий день. Два полицейских проходят, как у себя дома, придвигают стулья к моей койке, садятся и серьезно смотрят на меня. Их глаза внимательно изучают мою мимику, отслеживают движение моих рук. Они ищут признаки беспокойства, ведь вердикт ясен: я назначена убийцей Алексея.

Только я тоже училась в юридическом, кое в чем шарю. Наш немой диалог глазами прерывается. И на меня начинают сыпаться, как из рога изобилия, вопросы, часто повторяющиеся, а иногда просто тупые.

— Когда вы были похищены? В какое время суток? А с чего вы решили, что стреляла Морозова? А почему вы решили, что это ее голос? А сколько времени тогда было?

Ну, вот как я должна была узнать время, когда стреляла Дарья Семеновна? Я даже не знала, в какой день очнулась. В моей голове перепутались дни. А если и остались воспоминания, только о примерном времени суток.

Как я освободилась? Сама не знаю как.

Но из глупых и не очень вопросов уяснила для себя, что Дарья Семеновна — большой

человек, ее боятся потревожить.

А через несколько часов приехал мой адвокат. Как же я была рада встретиться с Александром Васильевичем!

— Здравствуйте, — у меня, наверное, глаза в эту минуту сияли, хоть один знакомый человек появился на горизонте.

— Здравствуйте, Светлана, я здесь как ваш адвокат, если вы согласны, то буду представлять вас...

— Александр Васильевич, где Кирилл? — обрываю его на полуслове.

— Светлана, вы являетесь подозреваемой, поэтому к вам никого не пустят, кроме адвоката, то есть меня, — вздыхает Александр Васильевич.

— Но я не могла стрелять в Алексея, я связанная лежала в домике, да и откуда бы я взяла оружие, — удивляюсь, хотя и сама поняла, что на меня хотят повесить убийство.

— Ну, у полиции на этот счет другое мнение, они считают, что вы могли развязать веревки, найти у убитого револьвер и выстрелить в него, в качестве самозащиты.

— Я не стреляла, и я слышала, как Алексей вымогал деньги у Дарьи Семеновны.

— Дарья Семеновна Морозова не могла убить Алексея Вольных, так как весь день она находилась в здании прокуратуры. И тому есть свидетели. И ее пропуск зарегистрирован на вход и затем на выходе. Время не совпадает.

— А я можно подумать сошла с ума, и она мне привиделась, а то, что привиделось, еще и стрелять умеет? Так что ли? — рычу на адвоката, хотя умом понимаю, что Дарья — женщина хитрая и изворотливая, она сделала себе алиби на всякий случай.

— Светлана, я хочу убедить вас вести себя благоразумно, мы переведем ваше дело из юрисдикции Подольской прокуратуры в следственный комитет Москвы, сделаем вам домашний арест, чтобы вам было комфортно. Только не делайте сейчас глупости, не совершайте опрометчивых шагов.

— Конечно, я не должна делать опрометчивых шагов, а убийца гуляет на свободе. А если она решит устранить свидетеля?

— Вы про Дарью? Спешу вас огорчить. Дарья устраивается на работу в Министерство Юстиции, боюсь, она скоро будет недосыгаема.

— Охренеть. Так вот зачем ей был нужен развод. Хотела избавиться от мужа преступника.

— Светлана, еще раз прошу вас быть очень осмотрительной, со следователями без меня не разговаривать, и с чужими людьми никакой информацией не делиться.

Он уходит, оставляя меня в сомнениях, метаниях. Меня плющит и «колбасит», мало того что ко мне не пускают Кирилла, так я еще и преступница. В душе моей негодование, ярость и ненависть к семейке Морозовых- Вольных. Кто бы знал, что они оба окажутся склонны к аферам и преступлениям. Даже страшно, что такая женщина, как Дарья, будет работать в Министерстве Юстиции.

Вечер провожу за чтением детектива, кто-то забыл в палате старую замусоленную книжку с детективами, она, видимо, уже много недель лежит в прикроватной тумбочке, кочуя по рукам местного контингента. Вникать в содержание получается с трудом, и через некоторое время я бросаю это занятие.

Когда темнеет за окном, и в палатах гаснет свет, ко мне возвращается способность мыслить логически.

Что у них есть на меня?

Мои потожировые следы на диване, кровь, что текла из носа, мои следы на веревках. Так я и не отрицаю, что там была. К Алексею я не приближалась, просто обошла его труп стороной. Стреляли в него со стороны дороги, моих следов там нет. Что труп не перемещали — это легко может доказать любой патологоанатом.

Дальше, свежие следы от протектора шин. Хммм...

Я не приходила в себя два дня, мог кто-то поверх и проехать, да и сами полицейские могли затоптать следы протекторов. Не доказуемо. Хотя можно использовать, как косвенную улику. Я-то была боса и гола, машины, как и пистолета у меня быть не могло. Хотя могут, конечно, додумать, но не доказать.

Мои следы есть на дороге, что я шла пешком — доказуемо.

Дальше?

Кому это было выгодно?

Ну, тут можно придумать все, что угодно. Мне было выгодно его убить, он меня шантажировал, похитил, пытался убить.

Дарья. Он был ее мужем на момент смерти. Алексей был под следствием, могло ли это помешать ее карьере? Требовал с нее денег, вымогал. Тоже хорошая причина, вполне могла за это убить и убила.

Что делать с ее алиби? Она как-то сумела организовать его себе. Не факт, что человек, который ей помог организовать алиби, расколется и принесет Дарью следователю на блюдечке, поди сам сидит и трясется за своё место.

Как доказать, что ее не было в Прокуратуре?

Машина! Как я не догадалась сразу!

Камеры! Они развешаны по всей Москве, можно проследить по камерам ее путь.

И с этой радостной мыслью я уснула. Хотя и поворочалась еще минут двадцать.

Наутро пришло радостное известие, что меня выписывают. И тут же появились двое полицейских с бумагой на руках о моем задержании. Никогда еще я не была в роли убийцы.

Доктор принес мне выписку из моей истории болезни. Адвокат передал сумку с вещами. Мне дали время переодеться. Внизу меня ждала полицейская машина. И полная неизвестность. Смогу ли я доказать, что не причастна к убийству?

Глава сорок третья

Дорога обратно в Москву мне показалось бесконечно долгой. В голове все вертела последние события, проматывая их, как на фотопленке. Затем размышляла на тему доказательств. Долго думала и раскладывала вновь и вновь по пунктам. Следственный комитет — это уже не шарашкина контора, там должны прислушаться к моим аргументам.

И вот мы уже в Москве. Еще полтора часа добираемся до нужного места и въезжаем во двор. Меня уводят вглубь здания. Длинные коридоры, за спиной хлопают железные решетки. Становится неприятно и тревожно.

Вроде ни в чем не виновата, а с тобой обращаются, как с преступницей.

Вот и кабинет следователя. На пороге меня встречает мой адвокат. Нам дают немного поговорить.

— Светлана, серьезных улик против вас нет, но я хочу вас предупредить, что версия с Дарьей Семеновной Морозовой не пройдет, у нее железное алиби.

— И что вы мне предлагаете?

— У нас есть два выхода. Вы признаётесь в убийстве, сведем все к самообороне, на суде будет условный срок.

— Вы с ума сошли? Как я могу сознаться в том, чего не делала? Где взяла оружие? Из воздуха? Куда его дела потом? — я в ярости, вот ведь подкинули мне адвоката, а еще Кирилл говорил, что адвокат толковый, ему бы дело быстрее завершить.

— Второй выход, можно свести все к тому, что вы были на месте преступления, ничего не видели, освободились позже. Слышали выстрелы, но не знаете, кто их произвел, — адвокат смотрит на меня мутными глазами, да и сам он мутный. — Но при этом процесс доказательства вашей невинности может затянуться.

— Я ни в чем признаваться не буду, да, не видела Дарью, голос ее слышала. Проверьте камеры на этой дороге, хоть на одну да ее машина попала.

— К великому сожалению, камеры, при подъезде к данному месту, именно в этот день вышли из строя...

— Как вовремя у нас все из строя вышло!

— Да и у Морозовой машина Ленд Крузер, а след протектора, оставленный на месте убийства, небольшого средне размерного кроссовера. Так что не знаю, какую машину искать на камерах.

— Какая продуманная у нас Дарья Семеновна, все учла. Одно не учла, что есть свидетель.

— Возможно, не знала. Но с Морозовой войну лучше не устраивать. Она сейчас будет работать в Министерстве Юстиции, может повлиять на судей, на это не с руки.

— Господи, как прогнила эта система. Теперь женщина, которая была любовницей вора в законе, женой его сына уголовника, которая вытаскивала из тюрем этого гаденьша Алексея, придет работать в нашу правовую систему. Да она еще и убийца.

— Света, о таких вещах лучше держать язык за зубами, пока ты еще не на свободе, могут язык в тюрьме и укоротить.

Мне становится страшно. Как я вляпалась? Ну, как?

И я снова возвращаюсь мыслями в тот день, когда Алексей затащил меня в койку. А я, влюбленная в него дурочка, смотрела на него и радовалась, думала, что счастливей всех девушек на свете.

Ничего бы этого не было!

Как будто наказала себя за безумную влюбленность!

Показания давала под тяжелым взглядом адвоката, взвешивая каждое слово. О Дарье Семеновне промолчала. Но вот разговор их вспомнила из слова в слово. Пусть копают. Все равно выйдут на Дарью.

Вечер пришлось коротать в камере. А утром меня уже ждал адвокат.

Да, судья не признал улики против меня существенными. То есть улик, против меня, и нет. Меня отпустили с подпиской о невыезде.

Возле крыльца меня ждал Кирилл.

За те дни, что мы не виделись, он осунулся и похудел, под глазами залегли темные тени. И не успела я сделать шаг, как огромные руки подхватили меня, оторвали от земли, Кирилл прижал меня к себе так, что кости жалобно хрустнули.

— Светка, закрою лома, никуда выпускать не буду, пока все не закончится, — шепчет он мне в ухо. — Я чуть с ума не сошел.

У меня от переживания вдруг случился водопад. Я так рыдала на груди у Кирилла, что промочила ему рубашку.

Дома меня ждал феерический прием. Меня встречали все: Вячеслав с Полиной, Римма с

Амиром, Катька бросилась мне на шею, чуть не задушила.

Они наперебой рассказывали мне, как искали меня, как сходили с ума от неизвестности. Алексей не успел попросить за меня выкуп, как был застрелен, а я долго не приходила в больнице в сознание. Господа полицейские оказались ленивыми, даже не посмотрели сводки, где я числилась пропавшей без вести. Им было лень. Поэтому я осталась неопознанной.

Римма, рыдая, рассказала, что приезжала с Кириллом к больнице, но их развернули на этаже, даже близко ко мне не подпустили. Даже взятка, данная медсестре, не помогла.

Оказывается, они ехали вслед за машиной, что везла меня в Москву, надеясь хоть как-то пересечься. Но и тут им не повезло. Они пробили колесо, и потом догнать уже не смогли.

Меня словно на короткий отрезок времени лишили связи с друзьями. И в это время я поняла, как важна поддержка, как плохо без нее.

Вечером мы пили вино, ели шашлыки и плов. Смеялись и радовались, что снова все вместе.

— Светка, выходи за меня замуж, — вдруг произнес Кирилл. — Я обязуюсь быть с тобой рядом всю свою жизнь, уберегать тебя от неприятностей, спасти от всех козлов.

— Кирилл...

У меня полились слезы из глаз, а девчонки уставились на меня, даже рты раскрыли...

— Да!

— Ура! Ра! Аааааа! — орали девчонки в три глотки.

Три месяца спустя

Мы поженились тихо, без помпезной свадьбы. Были только близкие друзья.

На церемонию приехали мои родители, но даже друг другу не подошли. Так и простояли всю церемонию бракосочетания в разных углах зала. Потом мать уехала с Павлом Георгиевичем. У нее теперь другой этап в жизни.

Папа еще остался с нами, с час посидел в ресторане, потом его водитель отвез в аэропорт, он на работе отпросился только на один день.

Мой брат Владик так и не соизволил появиться на свадьбе. После того, как все история выплыла наружу, он обиделся на родителей, перестал с ними общаться. Хотя отец еще надеяться, что мы все помиримся.

Так что на свадьбе гуляли в прежнем составе: Вячеслав с Полиной, Амир с Риммой и Катя.

Катя тоже нашла жениха, но нам его еще не представила.

Эпилог.

Прошел год.

Время бежит незаметно. Наконец, все обвинения с меня были сняты.

Процесс проходил в закрытом режиме. Дарью Семеновну тоже проходила, как свидетель. Улик, изобличающих ее как убийцу, найдено не было. Хотя мотив у нее был. Возможность достать оружие — тоже.

На суде мы столкнулись с ней нос к носу. Вот и стало понятно, почему она меня не убила, как свидетеля.

В коридорах суда было пусто, процесс затянулся до позднего вечера. Мой адвокат ушёл в уборную, а я осталась одна. От скуки стояла у окна и смотрела, морозящий дождь разогнал прохожих, намочил листву и чертил непонятные зигзаги на стеклах. Сзади послышался перестук каблучков. Меня накрыло удушливое облако чужих духов. Я оглянулась. В двух

метрах от меня стояла Дарья Семеновна. Она выглядела как всегда шикарно: в бриллиантах, стильный костюм, прическа. Ее взгляд источал арктический холод. Вот кого действительно можно назвать Снежной Королевой.

— Не думала я, что эта падаль, Алексей бросит тебя в домике, — сквозь зубы пробормотала она. — Там же был погреб. Бросил бы в погреб и все дела с концом.

— Что? Не получилось обстричь дельце? Свидетель выжил? — я язвлю, но уже знаю, что Дарью никто не осудит.

— Не тебе со мной тягаться, и мальчик твой ничего не решит, — усмехнулась она, только вот усмешка вышла кривая.

В деле фигурировал садовый домик, который был оформлен на дальнего родственника Дарьи. А это бросало тень на нее.

Шума судебный процесс наделал много, хотя его пытались замять. Место в Министерстве Юстиции у Дарьи из-под носа уплыло. Ее любовник тут же от нее откестился, друзья испугались и протекции ей не дали.

Дарье Семеновне пришлось вернуться обратно в свой город, несолоно хлебавши. Через некоторое время она снова взялась за адвокатскую практику. И тут ее настигло возмездие. Один из ее подзащитных устроил стрельбу в здании суда. Пуля попала Дарье Семеновне в лицо, разнеся ей череп. Так же, как Алексей, она упала в зале суда на пол, лицом вниз, раскинув руки.

Возмездие свершилось. Хоронили ее в закрытом гробу.

Теперь ее будет судить высший суд.

Что до Милки, то ее осудили еще за год до этих событий. Она получила срок за вымогательство, шантаж и мое похищение. По каким-то делам она проходила только как свидетель, по другим все валила на Алексея. На суде она плакала и говорила, что сообщник заставлял это все делать под угрозой расправы. Она его боялась. Поэтому срок ей дали небольшой. Кто нанес раны Алексею, так и не выяснили, Милка упорно твердила, что он сам это сделал, а нож потом выкинул в сточную канаву. Доказать ничего не смогли, и этот эпизод в суде не рассматривался. Да и Милкино здоровье было подорвано неудачно сделанным абортom, процесс несколько раз прерывали, и отправляли ее в больницу. Дали ей три года, мой адвокат сказал, что это очень маленький срок. А отсидела она и того меньше, только год. Потом получила условно-досрочное освобождение. В колонии познакомилась с мужчиной и уехала с ним на Дальний Восток. Ее след затерялся на просторах нашей Родины.

А у нас все хорошо, ждет рождения мальчика. Кирилл очень ждет.

Он строит коттедж недалеко от дома Амира.

Римма уже растит сына и собирается за вторым. Открыла частный детский сад. С Амиром они часто ссорятся, бьют посуду, потом бурно мирятся. Думаю, что на двух сыновьях они не остановятся.

Жизнь продолжается.

Квест пройден.

Больше книг на сайте - Knigoed.net